

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ВЫПУСК ДВАДЦАТЫЙ

Комитет по культуре Правительства Санкт-Петербурга
Государственный музей истории Санкт-Петербурга

**ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
МУЗЕЯ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

Выпуск 20

Исследования и материалы

Санкт-Петербург
2010

ББК 63.3(2-2СП6)
Т78

Редакционная коллегия:

А. Н. Колякин
Ю. Б. Демиденко
А. В. Жервэ

Научный редактор: *Ю. Б. Демиденко*
Составитель: *И. А. Карпенко*

Т78 Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга.
Вып. 20. Исследования и материалы. – СПб.: ГМИ СПб, 2010. –
218 с.: ил.

ISBN 978-5-902671-84-8

Статьи, представленные в сборнике, посвящены трем важным направлениям деятельности музея — изучению его коллекций и атрибуции музейных предметов, истории музея, работе с различными категориями посетителей. Основную часть публикаций составляют доклады, прочитанные на конференции «История и коллекции Государственного музея истории Санкт-Петербурга», состоявшейся в ноябре 2009 года.

Сборник рассчитан на историков, искусствоведов, краеведов и широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой Санкт-Петербурга.

ББК 63.3(2-2СП6)

ISBN 978-5-902671-84-8

© Государственный музей истории Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербург, 2010

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Представленные в сборнике статьи посвящены трем важным направлениям деятельности музея — изучению его коллекций и атрибуции музейных предметов, истории музея, работе с различными категориями посетителей. Основную часть публикаций составляют доклады, прочитанные на конференции «История и коллекции Государственного музея истории Санкт-Петербурга», состоявшейся в ноябре 2009 года.

Статьи об *истории музейных коллекций* представляют результаты изучения фондов ГМИ СПб. Статья Т. Г. Шатуновой посвящена атрибуции платья в «русском стиле», созданного, как доказано автором, специально для великой княгини Марии Павловны. В статье Е. А. Кононенко прослеживается история одного экспоната — автомобиля «Роллс-Ройс» Silver Ghost — с момента его создания на заводе компании в Дерби и приобретения советским правительством до настоящего времени.

Судьба отдельных экспонатов из собрания ГМИ СПб стала предметом внимания Д. В. Осипова (статуя «Венера, снимающая сандалию») и Т. В. Княжицкой (серия литографий «Панорама Гельсингфорса» по рисункам художника В. Д. Сверчкова).

В статье О. Н. Егоровой о коллекции герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого и графини Н. Ф. Карловой, поступившей в 1920-е годы в собрание Музея Города, рассказывается о наиболее интересных предметах этой коллекции книг и альбомов с описаниями различных стран, городов и местностей Европы и Востока.

Особым направлением научной работы музея является изучение богатейшей коллекции русской и советской архитектурной графики. Статьи М. Л. Макогоновой и Л. А. Кириковой посвящены истории архитектурных конкурсов в Петрограде–Ленинграде, материалы которых в 1920–1930-е годы были переданы Музею Города и долгое время не были атрибутированы. Результаты многолетней работы по атрибуции советской архитектурной графики представлены в данных статьях.

Значительный вклад в изучение состава фондов ГМИ СПб вносит статья Е. А. Мясниковой и С. А. Кроленко о коллекции стереоскопических фотографий А. А. Кроленко. Коллекция разнообразна по жанрам и состоит из семейных фотографий, бытовых снимков, фотохроники некоторых исторических событий, индивидуальных и коллективных портретов деятелей науки и культуры.

Ряд статей сборника посвящен *истории музея*. Среди них следует выделить статью В. О. Климовой и Г. С. Кана об узнице тюрьмы Трубецкого бастиона Н. С. Климовой. Подробный рассказ о ее биографии основан на документах из частных собраний и предваряет первую публикацию воспоминаний Натальи Климовой о заключении в тюрьме Трубецкого бастиона, написанных в 1918 году.

Статья Г. П. Игнатьевой посвящена истории Подвижного музея наглядных пособий в Петербурге и сотрудничестве с ним узников Шлиссельбургской крепости — народовольцев В. Г. Иванова, И. Д. Лукашевича, Н. А. Морозова, М. В. Новорусского, М. Н. Тригоны, В. Н. Фигнер, которые изготавливали экспонаты для музея.

Завершает раздел сборника, посвященный истории музея, статья Н. Р. Славнитского об основных этапах музеефикации зданий на территории Петропавловской крепости в послевоенный период.

Важному направлению деятельности музея — *работе с посетителями* уделяется внимание в третьем разделе сборника. Статья Н. И. Быковой обобщает опыт работы экскурсионно-методического отдела ГМИ СПб. В статье А. О. Евлановой представлена Входная зона музея, созданная в 2006 году для улучшения условий пребывания посетителей в музее и информирования их о музейных мероприятиях, выставках и экспозициях. Результаты социологического исследования посетителей Петропавловской крепости опубликованы в статье А. Л. Виноградовой. Завершает сборник статья Л. Г. Гребневой, рассказывающая о циклах музейных занятий, разработанных Государственным музеем-памятником «Исаакиевский собор» для школьной аудитории.

КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ

Т. Г. Шатунова

К истории одного маскарадного костюма

В коллекции ГМИ СПб хранится дамский костюм в русском стиле — наряд из красно-золотистой парчи, богато украшенный вышивкой бусами под жемчуг, состоящий из трех частей, названных в первичном акте «летник, шуба, воротник». Он поступил в музей в 1963 году из Ленинградского академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова в числе 16 костюмов, имеющих историко-бытовое и художественное значение, таких как: парадные мундиры сенатора и камергера, кафтаны и жилеты парадных мужских костюмов XVIII века, лиф и трен придворного платья и другие.

Костюм весьма условно воспроизводит покрой женских боярских одеяний XVII века, по этой причине, наверное, он — единственный из всех поступивших тогда костюмов был поставлен на учет не в основной, а в научно-вспомогательный фонд как «театральный костюм, сшитый из старинных тканей».

Однако качество шитья, ткань, проработка декора, покрой нижнего платья, в котором явно просматривается влияние моды конца XIX — начала XX века, позволили предположить, что костюм не является театральным реквизитом, но мог быть изготовлен в начале XX века как маскарадный.

В 2002 году музейный предмет был переведен в основной фонд с проведением научной атрибуции его частей в соответствии с их кроем. Нижнее платье из парчи и газа (рукава) приталенного силуэта, с воротником стойкой, юбкой, расширенной книзу и заложенной на спинке мягкими складками, именуемое в акте как «летник», было названо «платье в русском стиле». Верхнее платье из парчи, распашное, с длинными до подола рукавами, с «вошвами» — вшивной отделкой из деталей треугольной формы, выполненных из красного бархата, — именуемое в акте «шубой», было атрибутировано как «летник». Накладной широкий круглый воротник типа барм, из глазета золотого цвета, был назван «оплечье».

К более детальному изучению данного музейного предмета подтолкнула фотография великой княгини Марии Павловны (старшей) в костюме боярыни XVII века, выполненная С. Л. Левицким¹. Костюм, в котором запечатлена одна из участниц знаменитого костюмированного бала в Зимнем дворце в феврале 1903 года, был поразительно похож на хранящийся в фондах музея дамский туалет.

Оба изделия состоят из трех аналогичных по крою частей, надеваемых друг на друга. На фотографии хорошо видны идущие по ткани волнообразные линии и разводы. Точно такие же муаровые разводы присутствуют и на ткани музейного предмета. При сравнении их расположение и размер совпадают. Идентична орнаментальная вышивка. Элементы раппорта и сбои, допущенные при выкладке узора, тоже одинаковы. На фотографии хорошо видны и небольшие утраты вышивки бусами, появившиеся уже тогда, ведь участники этого исторического бала свои костюмы надевали неоднократно. Первый раз бал прошел в Павильонном зале Эрмитажа 11 февраля 1903 года. 13 февраля бал был повторен в Концертном зале Зимнего дворца. На следующий день, 14 февраля, бал состоялся во дворце графа А. Д. Шереметьева. В марте 1903 года было принято решение об издании альбома с фототипическими портретами всех участников бала. С марта по июль участников бала снимали лучшие фотографы Петербурга — С. Л. Левицкий, А. И. (Г. К.) Ренца, Ф. Г. Шредер, Ф. Г. Боассон, Ф. О. Эглер и другие. Великую княгиню Марию Павловну фотографировал С. Л. Левицкий, за что ему по счету от 31 марта 1903 года было уплачено 165 рублей². Сохранилось несколько видов фотографий: Мария Павловна в полный рост; сидящая у стола; великая княгиня в окружении фрейлин своего двора, также одетых в маскарадные костюмы³.

Фотографии Левицкого — черно-белые, они не дают представления о том, каким было цветовое решение туалета. Однако описание костюма с указанием его цвета можно найти в газете «Санкт-Петербургские ведомости», освещавшей столь яркое для жизни столицы событие, как костюмированный бал в феврале 1903 года: «Великая княгиня Мария Павловна была в костюме из

¹ С. Л. Левицкий. Портрет великой княгини Марии Павловны в костюме боярыни XVII в. 1903. Фотография. Частное собрание.

² РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 988. Л. 41.

³ Фотографии хранятся: частное собрание; ГМИ СПб (фототипия); РНБ.

красно-золотистой парчи. Бархатные рукава, перед и низ одежды сплошь расшиты жемчугом. Головной убор и бармы были украшены смарагдами, бриллиантами, рубинами и сапфирами. Сवेशивавшиеся с головного убора нити из редкого по величине жемчуга гармонично дополняли костюм»⁴.

К сожалению, время не пощадило бармы — накладной воротник, лишив его большей части отделки. На ткани сохранились проколы в местах ее крепления. Неизвестна и судьба головного убора. В отделке этих двух деталей костюма, действительно, были использованы натуральные камни. Так, известный историк моды А. А. Васильев в своей книге «Красота в изгнании» пишет, что на кокошнике и оплечье великой княгини Марии Павловны — драгоценная парюра из бриллиантов и изумрудов фирмы «Картье», брошь украшал изумруд в 107 карат⁵. На отделке же нижнего и верхнего платьев за натуральный жемчуг автор вполне мог принять прекрасно выполненную его имитацию. Внешнее сходство обоих предметов позволяет утверждать, что костюм на фотографии Левицкого и костюм из собрания музея — это один и тот же маскарадный наряд.

Бал 1903 года в старинных русских костюмах был одним из запоминающихся событий в жизни Петербурга начала XX века. В его подготовке участвовали директор Императорского Эрмитажа И. А. Всеволожский, директор Императорских театров В. А. Тепляковский, художники А. Я. Головин, Е. П. Пономарев, С. С. Соломко, работавшие над эскизами маскарадных костюмов. Основная масса костюмов была изготовлена в костюмерных мастерских императорских театров с привлечением к этой работе ведущих костюмеров: И. О. Каффи, который выполнил костюм императора Николая II, Х. Пиппара, исполнившего костюм для великого князя Владимира Александровича — мужа великой княгини Марии Павловны, А. Ф. Иващенко, создавшей костюм императрицы Александры Федоровны, Е. Т. Ивановой и других⁶.

Евдокия Трофимовна Иванова была костюмершей оперной и драматической трупп петербургских императорских

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1903. 15 (28) февраля, суббота. № 45. С. 3–4.

⁵ Васильев А. А. Красота в изгнании. Творчество русских эмигрантов первой волны: искусство и мода. М., 1998. С. 13.

⁶ Костюмированный бал в Зимнем дворце: В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 35–36; РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 988. Л. 26.

театров с 1882 года. Вместе с сестрой Александрой Трофимовной Трофимовой она также содержала мастерскую дамских нарядов на наб. р. Фонтанки, 68⁷. Именно Е. Т. Иванова выполнила маскарадный наряд для великой княгини Марии Павловны. В кассовой приходно-расходной книге конторы двора великого князя Владимира Александровича за 1903 год, хранящейся в РГИА, есть запись о выплате ей денег: «Март 31 — 314. Портнихе Ивановой за боярский костюм для Ея Высочества девятьсот двадцать руб. — 920 руб. — М. П.». Тогда же было выплачено «по счету Терemen за принадлежности для костюма Ея Высочества на костюмированный бал в Зимнем дворце сто десять руб. — 110 руб. — М. П.»⁸. Александрина Афанасьевна Терemen была известной петербургской модисткой. Ее мастерская по изготовлению дамских шляп находилась по адресу Невский пр., 19. Возможно, в ее мастерской был изготовлен головной убор для боярского костюма.

Маскарадные костюмы шились, как правило, для одного определенного костюмированного бала, затем костюм мог храниться у владельца или он его передавал в театр. С уверенностью можно сказать, что рассматриваемый маскарадный наряд последующие годы находился во дворце великого князя Владимира Александровича (ныне — Дом ученых им. М. Горького). В описи вещей, находившихся во дворце на 30 октября 1917 года, в конце списка перечисляются ткани, предметы одежды и аксессуары, уложенные в шесть сундуков. Отдельной строкой идет запись: «Сундук № 4. Старинные платья». По-видимому, в сундуке хранились маскарадные костюмы. В перечне вещей фигурируют домино, маска, газовая пелерина, платье красное бархатное, а также платье золотое парчовое. Можно предположить, что «платье золотое парчовое» — это и есть предмет исследования, ибо при определенном направлении света, падающего на ткань, усиливается эффект металлической нити золотого цвета и платье действительно кажется золотым⁹.

Дальнейшая судьба предметов из дворца великого князя Владимира Александровича по материалам РГИА не прослеживается.

⁷ Весь Петербург за 1903 г. Раздел III. Алфавитный указатель жителей. СПб., 1903. С. 259.

⁸ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 988. Л. 41.

⁹ Там же. Д. 2271. Л. 66.

До октября 1918 года во дворце находилось Правление Союза международных торговых товаров, имевшее охранное свидетельство Германского генерального консульства. Затем здание было передано театральному отделу Народного комиссариата просвещения. В 1920 году здесь открылся Дом ученых. В этот период маскарадный костюм великой княгини Марии Павловны среди других предметов одежды великих князей мог попасть в гардеробы академических театров. На подкладке деталей костюма имеются несколько штампов театрального учета за разные годы. Самые первые проставлены в 1926 году:

РАЗНЫЕ 1926

РО 1001 ЖГ

РАЗНЫЕ 1926

РО 1002 ЖГ

РАЗНЫЕ 1926

РО 995 ЖГ

Интересные документы, позволившие поставить последнюю точку в вопросе принадлежности костюма, были обнаружены в ЦГАЛИ СПб. Правда, не в делах Государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова, а в деле, названном «Акты об осмотре и приемке вещей, полученных в 1919 году из Зимнего дворца», из фонда «Управление ленинградских академических театров (1917–1936 гг.)». Все листы этого дела посвящены шести сундукам из дворца великого князя Владимира Александровича. Открывает дело записка от 13 июня 1925 года заведующего постановочной частью Государственного академического театра оперы и балета (ГАТОБ) М. А. Лазарева, в которой он пишет: «Прошу распоряжений о принятии из жен[ского] гардероба ГАТОБа сданных туда на хранение сундуков под печатями, полученных Управлением из гардероба бывшего дворца вел. кн. Владимира Александровича. Приемку необходимо сделать в ближайшее время, т. к. один из сундуков во время уборки лопнул и хотя печати целы, но в него доступ есть. Ввиду недохвата в гардеробе сундуков просил бы вещи изъять и направить в соответствующие хранилища, а сундуки оставить в пользование Гардеробом ГАТОБа»¹⁰.

По этой записке тогда же Дирекцией Государственных академических театров (Госактеатров) была назначена комиссия, которая проверила сохранность сундуков и вновь их опечатала,

¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. Д. 626. Л. 1.

предварительно составив описи вещей. 2 января 1926 года сундуки были переданы в Главный гардероб Дирекции Госактеатров, где они были вскрыты, составлены описи с детальным описанием каждой вещи. Предметы были пронумерованы и занесены в описные книги Главного гардероба⁴⁴.

В описи, составленной тогда, записано:

№ 222	Сарафан красн[ой] с золот[ом] парчи (летник) отд[елан] черн[ым] барх[атом] и бус[ами], рукава газа, манж[ет] зол[отой] парчи, весь на канаусе.	300 р.	№ 1001
№ 223	Шуба красн[ой] с золот[ом] парчи, нижн[ие] рукава красн[ого] барх[ата] и выш[итые] бус[ами], с отд[елкой] черн[ого] барх[ата] и бус[ами], вся на желтом атласе.	300 р.	№ 1002
№ 226	Воротник желт[ой] парчи, выш[итый] бус[ами], зол[отом].	25 р.	№ 995

Указанные в описи номера — 1001, 1002 и 995 проставлены на подкладках частей маскарадного костюма, хранящегося в музейном собрании. Совпадает также описание предметов. Как видно из текста, в описи фигурируют названия частей костюма «летник» и «шуба», под которыми они были записаны в учетной документации театра и музея до проведения научной атрибуции. Таким образом, этот документ снял последние сомнения в подлинности костюма. Исследуемый маскарадный костюм принадлежал великой княгине Марии Павловне.

В памятном альбоме костюмированного бала 1903 года около 200 изображений участников в маскарадных костюмах. Сегодня известна судьба лишь 13 костюмов. Один из них — императора Николая II — хранится в Государственном историко-культурном музее-заповеднике «Московский Кремль». В декоративном оформлении костюма были использованы подлинные драгоценные нашивки с царских одежд, хранившиеся столетиями в Оружейной палате. В апреле 1903 года костюм был передан в Оружейную палату. 11 костюмов находятся в собрании Государственного Эрмитажа. Они поступили туда в 1941 году из Государственного музея

⁴⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 1. Д. 626. Л. 16.

этнографии (два костюма из этой коллекции ранее находились в Музее Города). Это костюмы княгини Натальи Федоровны Карловой и герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого¹². Один костюм — великой княгини Марии Павловны — с 1963 года хранится в ГМИ СПб.

Хранящаяся в ЦГАЛИ СПб опись от 02.01.1926 помогла определить место происхождения и еще одного костюма, поступившего тогда же, в 1963 году, из Театра оперы и балета имени С. М. Кирова, а именно: лифа и трена придворного платья¹³. На подкладках частей костюма также имеются штампы 1926 года с номерами: «Р.О. 899», «Р.О. 897». В описи от 2 января 1926 года эти номера были присвоены:

№ 90	Шлейф гранат[овый] бархат на бел[ом] канаусе, борт вышит золотом	600 р.	№ 899
№91	Лиф такой же, перед бел[ого] фая	75 р.	№ 897

На лифе придворного платья имеется напечатанная золотом на муаровой ленте марка: «Поставщицы Двора Его Императорского Величества. Ивановы. Моды и платья С.-Петербург. Фонтанка у Чернышева моста, д. 68–7. Телефон № 2234». Таким образом, и этот дамский туалет, как и маскарадный костюм, был сшит в мастерской сестер Ивановых.

Парадные придворные платья были введены указом 1834 года. Он строго регламентировал покрой, цвет ткани и декор платья дамы для каждого придворного чина. Цвет бархата и золотое шитье декора рассматриваемого платья говорят о том, что оно принадлежало гофмейстерине, в данном случае, — двора великой княгини Марии Павловны. В начале XX века, до 1908 года, гофмейстериной двора великой княгини Марии Павловны была Софья Александровна Арапова. Возможно, данное придворное платье принадлежало ей, но это тема уже другого исследования.

¹² Костюмированный бал в Зимнем дворце. Т. 1. С. 30, 32.

¹³ Там же. Л. 13.

Т. В. Княжицкая

**Литографии по рисункам В. Д. Сверчкова
в собрании Государственного музея
истории Санкт-Петербурга.
Из истории раннего творчества мастера**

В фонде живописи и графики городов мира Государственного музея истории Санкт-Петербурга хранятся два листа литографий «Панорама Гельсингфорса» (1843)¹. Идентичные подписи на них: слева — P. Par Swertschkoff, в центре — Lit. Tulew, справа — Lit. par Cui свидетельствуют, что они исполнены по рисунку Сверчкова литографом Кюи в мастерской Тулева. Хотя инициалы художника на листах отсутствуют, у нас нет сомнений в том, что автор оригинала — Владимир Дмитриевич Сверчков. В настоящее время этот мастер известен благодаря витражам, выполненным в его Шляйсхаймской мастерской под Мюнхеном и сохранившимся в памятниках петербургской архитектуры. Однако значительную часть его творческого наследия, малоизвестного и почти не изученного в России, составляют живопись и графика. Настоящая статья посвящена уточнению атрибуции эстампов, хранящихся в ГМИ СПб, и их характеристике в контексте истории русского искусства второй трети XIX века.

На листах рассматриваемой «Панорамы» изображен город Гельсингфорс (ныне — Хельсинки), с 1812 года — столица Финляндского княжества. Серия представляет два городских пейзажа²,

¹ Инв. № VIII-A-5617-л, VIII-A-5618-л. Литографии с тоном. Поступили из Музея Города между 1918 и 1928 годами. Упоминаний о них нет ни в одном из справочников по русской литографии.

² Эти литографии имеются также в ГИМе (информация любезно предоставлена хранителем фонда печатной графики И. П. Ерохиной), в Рыбинском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (благодарю за эту информацию заместителя директора музея по научной работе С. Н. Овсянникова), часто появляются на антикварном рынке. Можно утверждать, что серия литографий «Панорама Гельсингфорса» состоит из двух листов, так как во всех упомянутых музейных собраниях они хранятся парой.

сюжет каждого поясняют подписи на шведском языке. Первый лист — это «Vuen är tagen från Nya Kyrkans Torn» («Вид с башни новой церкви»). Этот вид запечатлен, скорее всего, с барабана купола или со строительных лесов возводимой в центре Сенатской площади церкви. Второе изображение называется «Vuen är tagen från Observatorium» («Вид от обсерватории»), оно сделано с горы рядом с обсерваторией. Площадки, с которых художник делал зарисовки, находятся практически напротив друг друга: здания обсерватории и Николаевской церкви, которые являются композиционными центрами работ, были в 1840-е годы высотными доминантами в городском пейзаже Гельсингфорса. С этих точек открывалась обширная территория между церковью, впоследствии получившей посвящение в честь святителя Николая, и обсерваторией. Не вызывает сомнений, что изображение сделано с натуры — оно подробно вплоть до мельчайших деталей: зафиксировано количество окон в зданиях, расположение досок в обшивке деревянных построек, занавеси в окнах.

«Вид с башни новой церкви» представляет южную сторону Сенатской площади с окружающими ее классицистическими зданиями. Слева находится здание Сената — постройка с шестиколонным коринфским портиком (арх. К. Л. Энгель, 1822), справа — почти в зеркальном отражении здание университета с портиком ионического ордера (архитектор К. Л. Энгель, 1832). Прямо перед зрителем находятся трехэтажные постройки XVIII — первой трети XIX века, которые сохранились до наших дней почти без изменений лицевых фасадов. Исключение составляет угловое здание на пересечении улиц Александринкату и Унионинкату. Вместо трехэтажного дома со скругленной угловой частью сегодня возвышается краснокирпичное шестиэтажное здание. Передний план гравюры занимает обширное пространство площади, которая выглядит пустынной без памятника Александру I, воздвигнутого значительно позднее — в 1894 году. Художник разместил на площади фигуры стаффажа: прогуливающиеся дамы с кавалерами, карета, запряженная четверкой лошадей, всадники, несколько бытовых сценок. Средний план занимают кварталы двух-трехэтажной застройки, слева — изломанная линия Финского залива с лодками, парусными судами. Улица Софианкату, проложенная по прямой линии от площади и далее вдоль берега

залива, уводит взгляд зрителя к композиционному центру первого листа — зданию обсерватории (архитектор К. Л. Энгель, 1833), возвышающемуся подобно средневековому замку почти на линии горизонта. Это здание также сохранилось, сегодня вид на него скрыт зеленью парка. Виднеющиеся слева вдоль берега залива верхушки мачт кораблей отмечают, как и сегодня, местонахождение Торгового порта города. Изображения зданий на этой литографии напоминают архитектурные чертежи, в работе преобладает линейно-графическое начало.

«Вид от Обсерватории» в сторону Сенатской площади более живописен. В отличие от первого листа серии передний план этой работы насыщен пейзажной зарисовкой: груды валунов с проросшими между ними кустами и травами, разлапистые низкорослые ели и корявые стволы деревьев — характерны для финской природы. Графичность центральной части листа с архитектурными сооружениями уже не выглядит нарочитой, она смягчена холмистой линией горизонта и неровной береговой линией залива. Отсутствие людей на этом рисунке подчеркивает второстепенную роль архитектурных сооружений по сравнению с природным ландшафтом. Город как будто «прорастает» сквозь лесистую местность, заваленную ледниковыми валунами. Улица Унионинкату ведет к церкви на Сенатской площади. Здание церкви изображено в том виде, как его задумал архитектор К. Л. Энгель, — до завершения строительных работ в 1852 году, без дополнений, которые после смерти Энгеля привнес в облик храма другой зодчий — Э. Лорманн. Таким образом, на гравюрах зафиксирован облик Гельсингфорса, сложившийся к 1840-м годам³.

С перенесением столицы Финляндии из Турку в Гельсингфорс начался новый период развития Финляндии, ориентированный на Россию. В соответствии с новым статусом город приобретал и новый архитектурный облик: геометрическую планировку, внушительные правительственные и общественные здания. В то же время Гельсингфорс не потерял присущий ему пейзажный характер, обусловленный особенностями северной природы, сохранившийся и поныне. Архитектура существует здесь в неразрывной связи с пейзажем: выступающими на поверхность

³ Атрибуция архитектурных сооружений приводится по изданию: Хельсинки. Пешком по городу. Хельсинки, 2002.

огромными гранитными глыбами, характерной для Карелии растительностью — и неопределенным освещением. Связь с природой здесь наглядна и зрима. Художнику в полной мере удалось передать эту особенность.

В 1843 году, когда были созданы листы «Панорамы Гельсингфорса», в России работали двое художников-однофамильцев Сверчковых: Николай Егорович (1817–1898) и Владимир Дмитриевич (1822/?–1888)⁴. Люди одного поколения, они оба начали художественную карьеру после 20 лет, посвятив свою молодость службе. Владимир прославился своими витражами, Николай — графическими и живописными жанровыми работами, в особенности изображениями лошадей. Современники в XIX веке и исследователи русского искусства в XX нередко совершали ошибки, приписывая одному мастеру работы другого. Как правило, «в выигрыше» оказывался Николай Егорович, более старший и намного более известный в России по сравнению с постоянно проживавшим за границей Владимиром Дмитриевичем. Главная задача настоящей статьи — доказать, что авторство «Панорамы Гельсингфорса» принадлежит В. Д. Сверчкову. Исходными моментами для этого стали тематика эстампов, биографические данные мастеров-однофамильцев и сравнительный анализ графических работ В. Д. Сверчкова.

Тематика серии — изображение финляндского города — является решающим аргументом в пользу авторства В. Д. Сверчкова. В опубликованных биографиях Н. Е. Сверчкова нет данных о его пребывании в Финляндии, в то время как Владимир Дмитриевич родился в финляндском городе Ловийса и считал Финляндию своей первой родиной. Некоторое время он посещал рисовальные классы при университете в Хельсинки⁵. Таким образом, выбор этого сюжета В. Д. Сверчковым вполне закономерен, рисуя виды Гельсингфорса, он еще и отдавал дань уважения своей финской *alma mater*.

⁴ В настоящее время в литературе о В. Д. Сверчкове имеются три варианта даты его рождения: 1820, 4 сентября 1821 и 1822 год. Последней даты придерживается автор статьи. Подробнее см.: *Княжицкая Т. В.* Тайны художника Сверчкова. Новые материалы к биографии // Памятники культуры. Новые открытия. 2007–2008. М., 2008.

⁵ *Безрукова М.* Искусство Финляндии. Основные этапы становления национальной художественной школы. М., 1986. С. 129; *Fins biografisk Handbok.* Helsingfors, 1895. Hæftet 2. S. 2139–2141.

Год создания эстампов обозначен на первом листе серии — 1843. Н. Е. Сверчков в это время был уже признан как автор изображений лошадей и активно развивал свое мастерство в этом направлении. Виды местностей интересовали его лишь как фон для анималистических и жанровых произведений. Кроме того, первые из известных литографированных работ Н. Е. Сверčkova относятся к 1845 году⁶. В. Д. Сверчков в 1843 году оставил военную службу и был зачислен вольноприходящим учеником в С.-Петербургскую Академию художеств. Однако к этому моменту он уже имел художественное образование, полученное в Финляндии у Т. И. Леглера (1806–1873) в Або (Турку) и у П.-А. Крускопфа (1805–1852) в Гельсингфорсе⁷. Надо полагать, что выполнение двух больших видовых рисунков было по силам двадцатилетнему художнику. В пользу его авторства говорит и сравнительный анализ «Панорамы» с более поздними литографиями, сделанными по рисункам художника для альбома «Эскизы из войны с Финляндией 1854 года». Это издание посвящено боевым действиям 1854–1855 годов у берегов Финляндии во время Крымской войны. Эпицентр военных действий находился у южных берегов России, однако, чтобы отвлечь внимание русских войск от этого фронта, объединенная англо-французская вражеская эскадра вошла в Балтийское море и совершала действия демонстративного характера у северных рубежей страны — в Финском заливе у берегов Финляндии. Несколько крупных сражений, происшедших на этой территории, и запечатлены в альбоме В. Д. Сверčkova, зарисовки делались непосредственно на местах боевых действий.

В 1850-х годах Сверчков работал именно как художник-баталист, в Академии художеств он обучался по классу батальной живописи у профессора Б. П. Виллевалде (1818–1903), впоследствии в Риме продолжал занятия под руководством Ф. А. Моллера⁸. Художник мечтал о поездке на Кавказ, чтобы самому непосредст-

⁶ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Т. II. СПб., 1895. Стлб. 879.

⁷ Безрукова М. Искусство Финляндии... С. 129; Fins biografisk Handbok. S. 2139–2141.

⁸ Этот период описывается в статье: Гусева Е. Н. О дагерротипе «А. А. Иванов в группе русских художников в Риме» // Памятники культуры. Новые открытия. 1995. М., 1996. С. 251–268.

венно изучить характер войны⁹. Информация о том, состоялась эта поездка или нет, не обнаружена в источниках. Однако желание Сверчкова наблюдать военные действия осуществилось в его родной Финляндии в 1854 году. Будучи патриотом, Сверчков не мог оставаться в стороне от происходящих на его родине событий, он находился в Финляндии в течение первого сезона военных действий — с мая по октябрь 1854 года, делал зарисовки. Так и появился альбом литографий на русском и шведском языках «Эскизы из войны в Финляндии 1854 г.». Он был издан к весне 1855 года и поступил в продажу к началу второго сезона боевых действий на Балтийском море.

Литографии с изображениями сражений и побед русской армии часто издавались в военное время, чтобы поддержать дух населения в период тяжелых испытаний. Видимо, с этой же целью был издан альбом по рисункам Сверчкова. В него вошли три портрета военачальников, один портрет крестьянина Канконена, отличившегося в сражении, три вида боевых действий и одна карта местности. В батальных зарисовках художника интересуют не столько действия людей, сколько окружающая обстановка. Мастера привлекали просторы Финского залива, необозримое море, почти всегда спокойное или со слабым волнением. Небо занимает большую часть листа, этот прием не только заставляет уменьшать детали изображения, но и как будто принижает значимость происходящего по сравнению с жизнью природы. Словно игрушечные домики предстают перед нами постройки Гамла-Карлебю (по-фински Kokkola). Зарисовки Сверчкова запечатлели облик этой местности в XIX столетии. Боевые действия угадываются по крошечным облачкам дыма от выстрелов, однако ничто не передает эмоционального напряжения сражения. Рисунки Сверчкова для альбома «Эскизов» по жанру являются видовыми пейзажами, сражающиеся солдаты и военные корабли выглядят в них стаффажем. Композиционная схема со сходящейся в центре листа на уровне линии горизонта перспективой, подчеркнутой высотной доминантой, тяготение к панорамности охвата объекта изображения, графичность и документальная точность, отсутствие интереса к изображению людей и событий — характерные

⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3079. Л. 15.

черты как эстампов «Панорамы Гельсингфорса», так и листов из альбома «Эскизов».

Есть и еще один существенный для уточнения атрибуции момент — это написание фамилии художника. На листах «Панорамы Гельсингфорса» имеется подпись Swertschkoff. Именно так подписывал большинство своих работ — и графические листы, и живопись, и витражи — В. Д. Сверчков. Такую транскрипцию фамилии художник получил от своего отца — русского офицера Дмитрия Федоровича Сверчкова, прибывшего в Финляндию в 1798 году для прохождения военной службы¹⁰, когда его фамилия получила написание на шведском языке, принятом в Финляндии в качестве государственного. И В. Д. Сверчков подписывал большинство своих работ W. Swertschkoff. Это же написание имеется на бланках документов его мастерской в Шляйсхайме (Glasmalerei-Werkstätt von Wladimir von Swertschkoff in Schleissheim bei München). Н. Е. Сверчков большинство работ подписывал фамилией на русском языке. Известно несколько литографий, где его фамилия транскрибирована как «Svertschkoff» и «Sverschkoff»¹¹, что отличается от подписи на листах из ГМИ СПб.

Все это: тематика работ, биографические факты, стилистическое сходство «Панорамы Гельсингфорса» с листами из «Эскизов» — убеждает, что именно Владимир Дмитриевич Сверчков является автором гравированных видов Хельсинки из собрания ГМИ СПб.

Панорамные виды городов получили широкое распространение в европейском искусстве первой половины XIX столетия. Рисунки Сверчкова соотносятся с панорамными видами Петербурга, созданными в первой половине XIX века. Самые известные среди них — гравированные листы «Панорамы Петербурга» Д. А. Аткинсона (1805–1807), акварельная «Панорама Петербурга, снятая с башни Кунсткамеры» А. Тозелли (1817–1820, ГЭ), «Панорама Дворцовой площади с лесов Александровской колонны» по рисунку Г. Г. Чернецова (1836, ГРМ)¹². Все эти

¹⁰ Åbo Underrättelser. 1851. 21. 01 (№ 6). S. 2.

¹¹ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Т. 2. С. 879.

¹² Опубликовано: Демиденко Ю., Ходько Ю. Литографские мастерские // Два века русской литографии. СПб., 2007. С. 13.

работы принадлежат к типу далевого пейзажа — «излюбленному образу романтической живописи, так как он уводит взгляд зрителя к горизонту и в бесконечность, зовет подняться над обыденностью и унестись к мечтам»¹³. Некоторые из этих работ Сверчков мог видеть в Петербурге, когда в 1834–1838 годах обучался в Корпусе горных инженеров¹⁴. В это же время в Петербурге были популярны зрелищные панорамы, диорамы и косморамы видов городов и местностей, привезенные иностранными гастролерами. Так, в 1820–1835 годах в специально построенном павильоне демонстрировалась знаменитая «Панорама Парижа» художника Штейннитера, с 1834 года — различные панорамы художника Ленса, в том числе и панорама Петербурга, сделанная с лесов Александровской колонны¹⁵. Юный кадет Сверчков имел возможность посетить эти выставки.

Листы «Панорамы Гельсингфорса» являются самыми ранними из известных в настоящее время в России работ художника. 1843 — год их создания — был решающим в судьбе Сверчкова. Именно в этом году он вышел в отставку в чине подпоручика и целиком посвятил себя искусству, поступив вольноприходящим учеником в С.-Петербургскую Академию художеств. Рассмотренные графические листы убеждают в том, что к моменту зачисления в Академию художеств он уже обладал профессиональными навыками в рисунке, композиции, построении перспективы. Тщательная прорисовка деталей, сухой отточенный рисунок выдают в нем отличного рисовальщика. Эту свою способность Сверчков реализовал впоследствии при создании эскизов для витражей.

История создания рисунков для «Панорамы Гельсингфорса» неизвестна. Формальным поводом могло послужить празднование в 1842 году тридцатилетия присвоения Гельсингфорсу столичного статуса. Вдохновить художника могла и уникальная обстановка взаимной симпатии и доверия между деятелями культуры Финляндии и России, сложившаяся в 1840-е годы. Празднование в 1840 году 200-летия университета, переведенного

¹³ Миролубова Г. А. Русская литография. 1810-е – 1890-е годы: Очерки истории, мастера, печатные центры, издательства. М., 2006. С. 220.

¹⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3078. Л. 15.

¹⁵ Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века / Под редакцией А. М. Конечного. СПб., 2002. С. 306–307.

в Гельсингфорс в специально построенное представительное здание; восстановление университетской библиотеки, практически уничтоженной пожаром 1827 года, за счет щедрого дара из России — библиотеке было передано несколько десятков тысяч томов, разнообразные научные и творческие контакты сделали это десятилетие чрезвычайно плодотворным для взаимного узнавания и обогащения двух культур¹⁶. Вероятно, молодой художник В. Д. Сверчков, будучи русским по крови и финляндцем по месту рождения, с воодушевлением воспринял происходящие перемены, его рисунки Гельсингфорса явились откликом на эти события. Напечатанные в литографской мастерской Тулева листы «Панорамы» предназначались как для российских, так и для финляндских покупателей, о чем говорят подписи на русском и шведском языках. Россиян они знакомили с новой столицей великого княжества Финляндского, жителям Финляндии напоминали о положении страны в составе Российской империи, наглядно демонстрируя сходство Гельсингфорса со «старшим братом» — Санкт-Петербургом.

Не исключено, что при создании рисунков для «Панорамы Гельсингфорса» Сверчковым двигали и соображения финансового характера. «Не имея никакого состояния»¹⁷ в этот период, он был вынужден зарабатывать на жизнь заказами. Сверчков мог создать эти рисунки по собственной инициативе или по заказу Общества поощрения художников для их тиражирования и продажи.

Литографии Сверčkova стоят в одном ряду с панорамными видами Петербурга, созданными русскими и иностранными художниками в первой половине XIX века. Кроме документального воспроизведения конкретного вида в зарисовках В. Д. Сверčkova отразились основные искания русского искусства в области пейзажного жанра: классицистическая композиционная схема и изобразительные приемы сочетаются с элементами романтизма — пристальным вниманием к природе, особенностям местного ландшафта, сочетанием свободного штрихового рисунка с интенсивной светотеневой проработкой деталей.

¹⁶ *Отти А., Тулупенко Ю.* «Мы встретились как старые друзья». Страница из литературной истории // Санкт-Петербург – Хельсинки. Хельсинки – Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2005. С. 47–59.

¹⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3079. Л. 15 об.

«Панорама Гельсингфорса» 1843 года из собрания ГМИ СПб, созданная по рисункам русского художника В. Д. Сверчкова, является художественно-историческим документом эпохи 1840-х годов. Дальнейшие архивные поиски, возможно, прояснят подробности истории ее создания.

О. Н. Егорова

**Собрание герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого
и графини Н. Ф. Карловой
в фонде живописи и графики городов мира
Государственного музея истории Санкт-Петербурга**

Фонд живописи и графики городов мира ГМИ СПб (далее — ФГГМ) насчитывает до 30 000 гравюр, литографий, рисунков и картин, представляющих собой преимущественно архитектурный пейзаж XVII–XIX веков. В их числе несколько альбомов с гравюрами и литографиями, которые украшает экслибрис герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого (1859–1909). Предметы из его художественного собрания, имеющие несомненную историко-культурную ценность, составляют отдельную группу и заслуживают подробного рассмотрения.

Герцог Георг Александр Мекленбург-Стрелицкий (в России его называли Георгием Георгиевичем)¹ по материнской линии был связан с императорским домом Романовых: он был вторым ребенком великой княгини Екатерины Михайловны (1827–1894), внуком великого князя Михаила Павловича (1798–1849) и великой княгини Елены Павловны (1806–1873) и соответственно правнуком Павла I. Отцом Георгия Георгиевича был второй сын великого герцога Мекленбург-Стрелицкого Георг Август (1824–1876), сначала служивший в Прусской армии, а позже принятый на русскую службу в чине генерал-майора артиллерии.

Георгий Георгиевич родился в отцовском имении в Ремплине, но уже в раннем возрасте был перевезен вместе с матерью в Петербург и, как пишет Г. А. Попова, вырос в музыкальной атмосфере Михайловского дворца, где тон задавала великая княгиня

¹ Полное имя герцога: Георг Александр Михаил Фридрих Вильгельм Франц Карл.

Елена Павловна². Получив прекрасное домашнее образование, юный герцог окончил Лейпцигский университет, а по возвращении по семейной традиции поступил на военную службу. С 1890 года он был прикомандирован к лейб-гвардии Конно-гренадерскому полку, где прослужил 11 лет, пройдя путь от младшего офицера (штабс-ротмистра) до полковника. В 1902 году герцог Мекленбургский был произведен в генерал-майоры и назначен командиром лейб-гвардии Драгунского полка, в этой должности он оставался до 1906 года. В 1890 году Георгий Георгиевич женился на фрейлине своей матери, Наталье Федоровне Ванлярской (1858–1921). Поскольку брак был неравным, Георгий Георгиевич лишился наследного права на Мекленбург-Стрелицкий престол, которое перешло к его брату, Михаилу Георгиевичу. Великая княгиня Екатерина Михайловна была против выбора сына, тем не менее владетельный герцог Фридрих Вильгельм Мекленбургский дал разрешение на морганатический брак, даровав при этом Наталье Федоровне наследный титул графини Карловой (в честь одноименного городка в Мекленбургской земле)³.

Молодой семье выделили апартаменты в нижнем этаже фрейлинского флигеля Михайловского дворца с отдельным входом (ныне это залы № 40–58 Государственного Русского музея). Позже, в 1895 году, через год после смерти матери, Георгий Георгиевич купил дом и усадьбу на наб. р. Фонтанки, 46, у помещика Н. В. Зиновьева. В ФГГМ хранятся две картины неизвестного художника из семейного собрания Зиновьевых: «Пруд в усадьбе А. М. Дубянского Богословка» и «Павильон Эрмитаж в усадьбе А. М. Дубянского Богословка»⁴.

Перевоза в новоприобретенный дом различные предметы мебели, люстры и фарфор, Мекленбургские также забрали туда и библиотеку, о которой следует сказать особо. В своем завещании Екатерина Михайловна так разделила все семейные книжные собрания: «Библиотеку моего покойного отца передаю сыну

² Попова Г. А. Особняк графини Карловой. СПб., 1996. С. 7.

³ Мекленбургский К. Г., герцог. История и судьба нашей семьи // Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома. Сборник трудов международной научной конференции. СПб., 2005. С. 8. Ошибочное мнение о том, что фамилия «Карлова» произведена от названия «Карловка» (одного из имений Мекленбург-Стрелицких) принадлежит А. Н. Бенуа (Мои воспоминания: в 2 т. Т. 1. Л., 1990. С. 593).

⁴ Обе картины созданы после 1831 г. Инв. № VIII-A-201–202 ж.

моему Георгу Александру. Библиотеку моей покойной матушки — дочери моей Герцогине Елене. Библиотеку, мне принадлежащую, а равно и библиотеку моего покойного супруга, находящуюся в Петербурге, увеличенную дубликатами библиотек моих покойных родителей — сыну моему Георгу Карлу Михаилу»⁵. Унаследованные книжные собрания были перевезены соответственно в Каменноостровский дворец, где жила Елена Георгиевна, и в дом на Фонтанке, где жили оба брата — Георгий и Михаил Георгиевичи. Таким же образом были распределены книги, хранившиеся в Ораниенбаумском имении, где семья жила в летний период⁶.

О библиотеке великого князя Михаила Павловича, доставшейся Георгию Мекленбургскому, сохранился отзыв А. Н. Бенуа, который упоминал о «множестве роскошных изданий по искусству, которые он [Михаил Павлович] выписывал из Германии и из Парижа, и в частности серии литографий Домье, Гаварни, Девериа и т. д.»⁷. Георгий Георгиевич не только ревностно хранил библиотеку деда, для которой выстроил каменный флигель возле особняка и заказал специальное оборудование, но и активно пополнял свои собрания — так, в делопроизводстве конторы Мекленбург-Стрелицких хранятся многочисленные счета об уплате пошлины за приобретенные за границей книги, картины, предметы искусства⁸. Г. Г. Мекленбургский был большим знатоком и ценителем искусства, неоднократно посещал выставки в Академии художеств, он и члены его семьи предоставляли на различные выставки мебель, фарфор и живопись.

В 1909 году герцог скоропостижно умер и владелицей всех коллекций стала его вдова, графиня Наталья Федоровна Карлова. Исследователи обычно акцентируют внимание на ее благотворительной деятельности, но следует отметить, что графиня Карлова

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 125. Цит. по: *Зайцева Д. А.* К вопросу о составе библиотек семьи герцогов Мекленбург-Стрелицких в Ораниенбауме // Ораниенбаум, век XIX. По материалам выставки «Осколки зеркала»: к 150-летию Мекленбург-Стрелицкого дома в России. СПб., 2006. С. 83.

⁶ В Ораниенбаумском Большом дворце находилась часть библиотеки Михаила Павловича, в Китайском дворце — его жены, Елены Павловны. Ее библиотеку Елена Георгиевна позже перевезла в Каменноостровский дворец. См.: *Зайцева Д. А.* К вопросу о составе библиотек... С. 83.

⁷ *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. Т. 2. С. 198.

⁸ *Попова Г. А.* Особняк графини Карловой. С. 23.

являлась также членом Кружка любителей изящных изданий⁹, членом Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (ОЗСРПИС)¹⁰, ее имя, так же как и Михаила Георгиевича, числится в списке почетных председателей Музея Старого Петербурга¹¹.

По-видимому, именно знакомство с Бенуа и связи с организаторами Музея Старого Петербурга привели к тому, что после национализации в ноябре 1918 года дом Карловой оказался в ведении Комиссии по просвещению, его художественная коллекция получила охранное свидетельство за подписью А. В. Луначарского¹². Впоследствии особняк на Фонтанке вошел в состав Музея Города¹³ как отдел «Внутреннее убранство жилья»¹⁴. Основой экспозиции стали личные вещи и коллекции семьи Мекленбургских¹⁵.

Комиссия Музея Города приняла особняк в первых числах мая 1919 года. Сначала хранителем особняка был назначен бывший учитель сына графини Виктор Карлович Клинкаенберг (1874–1937), но вскоре его сменила Лидия Николаевна Мерчанская (1889 – после 1930?), ранее работавшая библиотекарем в доме Карловых. Осенью 1922 года была организована инвентаризация имущества особняка и заведены «описные книги»¹⁶, а 1 октября 1924 года, когда уже была частично закончена подготовка помеще-

⁹ См.: *Минкина Е. В.* Меценатство семьи Ратьковых-Рожновых в книжном искусстве России // Русская Ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома: Сборник трудов международной научной конференции. СПб., 2005. С. 263.

¹⁰ См.: Список совета и дирекции Музея Старого Петербурга. 1910–1911 // Труды ГМИ СПб. Вып. 17. Музей Старого Петербурга. 1907–1919. Документы из собрания ГМИ СПб. СПб., 2008. С. 107.

¹¹ Труды ГМИ СПб. Вып. 17. Музей Старого Петербурга. 1907–1919. Документы из собрания ГМИ СПб. СПб., 2008. С. 103.

¹² *Попова Г. А.* Тайник в бывшей девичьей. К истории отдела «Внутреннего убранства жилья» Музея Города // Материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2008. С. 290.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

¹⁴ Формально это был сектор «Внутреннее убранство жилья» отдела «Музей Старого Петербурга», но на самом деле отдел убранства пользовался некоторой автономностью. В документах его называют и отделом и сектором, подчинялся он непосредственно директору Музея Города Л. А. Ильину.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 13. Л. 52.

¹⁶ Там же. Инвентарные книги на музейные предметы и библиотеку утрачены. По версии Г. А. Поповой они погибли во время наводнений в подвалах Исаакиевского собора, где хранились некоторые предметы из собрания Музея Города во время Великой Отечественной войны.

ний, открылась экспозиция отдела «Внутреннее убранство жилья». В бельэтаже разместился выставочный отдел, в нижнем — библиотечный. Отдел занимал 30 залов и был открыт для посетителей 2 раза в неделю¹⁷. В особняке Карловой к 1928 году числилось 6 833 музейных экспоната и 12 653 наименования (26 348 томов) библиотеки¹⁸, которая, как и при герцогах Мекленбургских, состояла из трех частей — иностранной, русской и нотной, находилась «в специальном помещении со специальными дубовыми шкафами».

По материалам ЦГАЛИ СПб было установлено, что в течение 1924–1929 годов из Отдела внутреннего убранства в другие отделы Музея Города было переведено несколько десятков различных экспонатов. В 1924 году 645 книг было передано в отдел «Искусство в жизни города»¹⁹, а в течение пяти последующих лет в отделы «Музей Старого Петербурга» и Архитектурный на временные выставки и на постоянное хранение было передано в общей сложности около 125 предметов (живопись, листовые гравюры и литографии, рисунки и чертежи)²⁰. Как выяснилось, именно эти предметы, которые были взяты на выставки и не возвращены в срок, сохранились в собрании ГМИ СПб. Дальнейшая судьба дома графини Карловой показала, что если бы и они были своевременно возвращены, то, скорее всего, были бы проданы в конце 1920-х годов.

С начала 1928 года Музей Города переживал тяжелые времена. Отделу «Внутреннее убранство жилья» грозила ликвидация, поэтому в ноябре 1928 года была организована перевозка экспонатов отдела в Аничков дворец — главное здание Музея Города, которую курировала Л. Н. Мерчанская, ранее уволенная с поста хранителя особняка Карловой²¹. 14 декабря 1928 года на пленуме Экономической комиссии музея заместитель директора В. Я. Курбатов разделил экспонаты отдела на три группы: первую определили в отдел «Музей Старого Петербурга», вторую — в остальные отделы Музея Города или другие музеи, третья была оценена как

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3. Л. 42–43.

¹⁸ Там же. Д. 213. Л. 99.

¹⁹ Там же. Д. 44. Л. 46–52.

²⁰ Там же. Л. 28, 33, 36–42; Д. 214, ч. 2. Л. 55. Предметы декоративно-прикладного искусства и фотографии не включены.

²¹ Там же. Д. 13. Л. 52.

«немузейное имущество», эти предметы могли пойти на продажу или быть переданы в пользование другим организациям. По решению комиссии заведующие отделами должны были отобрать то, что нужно Музею Города²², но определить сейчас, что именно поступило в этот период, пока не удалось.

Дальнейшая судьба экспонатов из особняка Карловой связана с печально известным постановлением Совнаркома от 23 января 1928 года «О мерах к усилению экспорта и реализации за границей предметов старины и искусства». В феврале 1929 года в контору Госторга «Антиквариат» из отдела внутреннего убранства были переданы все имеющиеся гравюры и литографии для оценки и дальнейшей реализации на заграничном рынке²³. В мае того же года выяснилось, что все будет приобретено Госторгом²⁴, листы были оценены в 291 рубль 40 копеек²⁵. Из учетных документов середины мая 1929 года²⁶ (когда отдел уже был ликвидирован)²⁷ можно узнать, что из 884 единиц хранения (гравюры, литографии, фотографии и репродукции), находившихся в особняке Карловой, 697 листов было передано Госторгу, а 187 — возвращено в фонды Музея Города²⁸. Из них 90 предметов ныне хранится в ФГГМ²⁹. При этом 53 листа было выявлено по карандашным пометам на обороте: «из отд[ела] Внутр[еннего] Убр[анства]» или «д[ом] гр[афины] Карл[овой]»; 32 — по архивным источникам; еще 5 листов было передано в 1951 году из Отдела истории города Музея истории и развития Ленинграда.

Анализ списков продажи показывает, что тематика собрания графических листов была довольно разнообразна: это и жанрово-мифологические сцены, и изображения различных исторических событий, в частности эпизоды наполеоновских войн, и ведуты,

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 13. Л. 24.

²³ Там же. Д. 216, ч. 2. Л. 142.

²⁴ Там же. Л. 143.

²⁵ Там же. Д. 141. Л. 1–27.

²⁶ Там же. Д. 214, ч. 2. Л. 90–95.

²⁷ Там же. Д. 216, ч. 2. Л. 137.

²⁸ Из них 99 предметов были обнаружены в фондах Музея Города сразу, а еще 88, по данным отчета, «либо взяты государственным Книжным фондом, либо они тоже оказались в различных отделах Музея Города» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 214, ч. 2. Л. 95).

²⁹ Около 10 листов, которые были переданы в Музей Города между 1924 и 1929 годами и должны были перейти в ФГГМ, обнаружены не были.

и портреты членов императорской фамилии, известных исторических лиц и пр.

В отделе Музея Города попали лишь некоторые городские виды. Из них в ФГГМ находится 2 уже упомянутых выше живописных полотна из собрания Зиновьевых, 1 рисунок, 39 гравюр и 48 литографий. Из произведений печатной графики в первую очередь следует назвать серию цветных акватинт, гравированную Дж. К. Стадлером (работал в 1780–1817 годах) по рисункам Дж. Генделла (1790–1865) и Т. Х. Шеферда (1793–1864) и изданную Р. Аккерманом в 1816–1818 годах³⁰. Эти 7 видов входили в серию из 18 больших акватинт Аккермана, представляющих сцены из жизни Лондона эпохи Регентства. Необходимо отметить также несколько больших панорамных гравюр и литографий с видами Лондона и Парижа середины XIX века: гравюры на стали 1850-х годов «Лондон с галереи собора Св. Павла» Дж. Г. Ле Кёкса³¹ и «Лондон с галереи колокольни церкви Сен-Брийд» Дж. Т. Уилмора (обе по рисункам Т. Аллома /1804–1872/)³², раскрашенная гравюра Шварца «Общий вид Парижа от Мениль-Монтан» 1810–1820-х годов³³, литография Ф. Э. Вийере «Панорама Парижа с башни Сен-Жерве»³⁴, литография Ш. Ривьера «Общий вид Версаля в день большой воды» 1850-х годов³⁵ и три литографии Ж. Ж. Шампена: две из них — «Париж в XVIII веке» и «Старый Париж XIII–XV веков» (1836–1838)³⁶. Остальные ведутся весьма различны по своему художественному уровню, но среди них также встречаются очень красивые и репрезентативные виды, например, такие как «Карлсбад в Богемии» Г. Б. Пробста (1679–1750)³⁷ или «Вид Миланского собора» Л. Бартеццати (1800-е)³⁸. Есть и раритет — акватинта 1801 года «Парад корпуса Волонтеров, состоявшийся в Гайд-Парке в Лондоне в честь Дня рождения

³⁰ Инв. № VIII-A-4442-г–4446-г, VIII-A-4543-г–4536-г (один из видов в двух экземплярах).

³¹ Инв. № VIII-A-20-г.

³² Инв. № VIII-A-17-г.

³³ Инв. № VIII-A-214-г.

³⁴ Инв. № VIII-A-5633-л.

³⁵ Инв. № VIII-A-5670-л.

³⁶ Инв. № VIII-A-5630-л, VIII-A-5631-л, VIII-A-5634-л.

³⁷ Инв. № VIII-A-254-г.

³⁸ Инв. № VIII-A-131-г, VIII-A-132-г.

Его Величества 4 июня 1799 года», выполненная Р. Ирломом (1742/43–1822) и Р. Смирком младшим (1752–1845)³⁹. По словам хранителя галереи Гилдхолла в Лондоне, этот лист довольно редко встречается в музейных и частных собраниях.

Что же касается библиотеки Мекленбургских, то о ее судьбе по имеющимся документам судить довольно трудно. Известны лишь некоторые факты, касающиеся этого обширного книжного собрания. Так, 30 апреля 1929 года уполномоченному глав конторы Госторга «Антиквариат» эксперту Н. А. Юдину было передано 1 410 книг из библиотеки «бывшей Карловой»⁴⁰. Отобранные в сентябре 1928 года книги были оценены в 18 000 рублей⁴¹. Тогда же в апреле «около 4 000 корешков» (или больше!) было передано в Государственный Русский музей, Филармонию, в некоторые музеи Академии наук⁴² и, видимо, в Публичную библиотеку⁴³. 3 мая 1929 года отдел «Внутреннее убранство жилья» был ликвидирован, а оставшееся имущество (книги и альбомы в том числе) было перевезено в пустующие «Исторические комнаты» Аничкова дворца. В 1938 году Музей Города, переименованный в Музей истории и развития Ленинграда, переехал в особняк Румянцева на Английской набережной и до 1953 года многие его фонды находились фактически в законсервированном состоянии.

В 1954 году Государственному музею истории Ленинграда (ГМИЛ, так музей стал называться с 1953 года) был передан ряд объектов Петропавловской крепости, все собрания были перевезены на ее территорию и распределены по фондам. Остатки графической и книжной коллекции Мекленбургского оказались в Фонде градостроительства, где были сосредоточены все материалы по теме истории развития городов мира из собрания Музея Города. В 1979 году решением научного совета музея из Фонда

³⁹ Инв. № VIII-A-21-г.

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 216, ч. 2. Л. 309 (список — листы 159–308).

⁴¹ Там же. Л. 310. Г. А. Попова считает, что эта сумма была выплачена за все 12,5 тысячи книг библиотеки (см.: Особняк графини Карловой. С. 120), однако из архивных данных следует, что 18 000 рублей заплатили только за часть, состоящую из 1 410 наименований.

⁴² ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3. Л. 76.

⁴³ Герасимова Е. В. О библиотеках герцогов Г. Г. и М. Г. Мекленбург-Стрелицких (по фондам РНБ) // Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома. Сборник трудов международной научной конференции. СПб., 2005. С. 239.

градостроительства был выделен Фонд живописи и графики городов мира, куда среди прочего вошли несколько десятков увражей из собрания герцога⁴⁴.

На данный момент в ФГГМ находится 41 издание с экслибрисами Г. Г. Мекленбургского и членов его семьи: 9 альбомов из Ораниенбаумской библиотеки (которые были перевезены в Санкт-Петербург еще до 1915 года⁴⁵), 29 — из библиотеки особняка на Фонтанке, одна серия литографий — из собрания Е. Г. Саксен-Альтенбургской, одно издание — с экслибрисом М. Г. Мекленбург-Стрелицкого и одно — с библиотечным штампом С. Ф. Ванлярской, сестры Н. Ф. Карловой. В этих альбомах с гравюрами и литографиями содержится в общей сложности около 5 000 видов. Большую часть ведут, входящих в эти увражи, а также сами книжные переплеты отличает высокий художественный уровень и качество исполнения. Не будет преувеличением сказать, что альбомы из собрания герцога Мекленбургского входят в число лучших экспонатов ФГГМ.

Хронологически все издания, за некоторым исключением, относятся к периоду с 1760 по 1840 год. Условно их можно разделить на четыре тематические группы — античная иконография, «живописные путешествия», Восток и виды Западной Европы и России. Самое раннее издание из собрания герцога — «Античность, комментированная и представленная в изображениях»⁴⁶ из Ораниенбаумской библиотеки. Первые 10 томов были изданы в 1719 году, еще 5 томов приложения опубликовали в 1724. Этот многотомный труд был составлен монахом-бенедиктинцем Б. де Монфоконом и представляет собой энциклопедию античной иконографии, снабженную 1792 гравированными изображениями с комментариями на французском и латинском языках. Книга

⁴⁴ Предметы из коллекции герцогов Мекленбургских можно теперь обнаружить практически во всех хранилищах ГМИ СПб: в фондах живописи и графики истории города, фотографий, фотографий городов мира, архитектурной графики и картографии, рукописно-документальном, книжном, фонде декоративно-прикладного искусства.

⁴⁵ В 1915 году в Большом дворце и Картинном доме Ораниенбаума находилось отделение Кронштадтского морского госпиталя. См.: *Парахуда В. А.* О красотах Ораниенбаума и гостеприимстве его хозяев // Ораниенбаум. Страницы истории. СПб., 2008.

⁴⁶ *Montfaucon B. de.* L'Antiquité expliquée (en franc. et en latin) et représentée en figures. Paris, Delalne, 1719. — Supplement. Paris, 1724.

продолжает традицию, возникшую еще в середине XVI века. Среди знаменитых предшественников Монфокона — А. Альciati с «Эмблематой» и Ч. Рипа, автор «Иконологии»⁴⁷. Основное отличие книги Монфокона в том, что в ней введена систематизация произведений по сюжетам. В ФГГМ хранится 14 томов из 15. Неизвестно, был ли у герцога первый том, но в 1960-х годах в иностранной библиотеке ГМИЛ, где прежде хранилось издание, он уже не числился.

Еще два издания из библиотеки дома на Фонтанке, которые хотелось бы отметить, также относятся к античной тематике. Первое — это сочинение барона О. М. Штакельберга «Храм Аполлона в Бассах» (1826)⁴⁸, посвященное описанию храма в Аркадии, обнаруженного и исследованного экспедицией Дж. Фостера и Ч. Р. Кокереля в 1810–1814 годах при участии барона. Книга до сих пор не потеряла своей актуальности и является одним из основных источников по истории и архитектуре этого греческого памятника. Второе издание — книга Г. Д'Анкарвиля «Этрусские, греческие и римские древности из коллекции У. Гамильтона» (1766–1767)⁴⁹. Сэр Уильям Гамильтон (1730–1803), исполняя должность британского посла при неаполитанском дворе, собрал великолепную античную коллекцию, ядром которой стало бывшее собрание семьи Портинари. Позже Гамильтон решил продать свое собрание в Британский музей и, перед тем как перевезти свои сокровища из Неаполя в Лондон, заказал Г. Д'Анкарвилю, который способствовал сделке между Гамильтоном и Портинари, описать и зарисовать все собрание. Эти рисунки послужили основой для великолепных офортов (зачастую раскрашенных), составивших четыре тома. В нашем фонде хранится три тома из четырех (I, II и IV), третий том хранился в библиотеке ГМЗ «Ораниенбаум», ныне находится в отделе редкой книги библиотеки ГМЗ «Петергоф». Любопытно, что этот третий том имеет экслибрис Михаила Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого.

⁴⁷ Alciati A. Emblemata. 1531; Ripa Cesare. Iconologia ovvero Descrittione Dell'imagini Universali cavate dall'Antichità et da altri luoghi. 1593.

⁴⁸ Stackelberg O. M., baron von. Der Apollotempel zu Bassae in Arcadien und die Daselbst Ausgegrabenen Bildwerke. Rom, 1826.

⁴⁹ Hancarville, P-F. Huges, dit d'. Antiquités étrusques, grecques et romaines, tirées du cabinet de M. Hamilton, en anglais et en français. Naples, 1766–1767.

Экслибрисы Ораниенбаумской библиотеки также носят 8 увражей, объединенные бывшим владельцем в серию под названием «живописные путешествия». Эту серию можно назвать лучшим из того, что есть в ФГГМ из собрания герцога Мекленбургского, поэтому на ней мы остановимся чуть подробнее. Все 8 изданий (составляющие около 30 томов) были выпущены в известных парижских типографиях 1780–1820-х годов, а в конце первой четверти XIX века одеты в одинаковые сафьяновые переплеты красного цвета с золотым тиснением с надписью «VOYAGE PITTORESQUE» на корешке. К «путешествиям» в полном смысле слова относятся 6 изданий: это «Живописное путешествие или описание королевства Неаполя и Сицилии» аббата Сен-Нона⁵⁰, «Флегрейские поля» У. Гамильтона⁵¹, «Живописное путешествие по островам Сицилии, Мальте и Липари» художника Ж. Уэля⁵², «Живописное и историческое путешествие по Истрии и Далмации» Л. Ф. Касса⁵³, «Живописное путешествие по Греции» графа М.-Г. Шуазеля-Гуффье⁵⁴ и «Картины Швейцарии» барона Б. Ф. А. Цурлаубена⁵⁵.

Эпитет «живописный» не случайно появляется в большинстве перечисленных названий. «Живописное» (picturesque) было в большой моде у образованной аристократической публики начиная с середины XVIII столетия. Само понятие относилось, в первую очередь, к пейзажу и в самом общем смысле обозначало «способность вида быть отраженным в картине»⁵⁶. Описания этих

⁵⁰ *Saint-Non J. C. R., abbé de. Voyage pittoresque ou description des royaumes de Naples et de Sicile. Paris, 1781–1786.*

⁵¹ *Hamilton W. Campi Phlegraei. Observations sur les Volcans des Deux Siciles. Napoli, 1776–1779.*

⁵² *Houel J. Voyage pittoresque des isles de Sicile, de Malte et de Lipari, où l'on traite des antiquités qui s'y trouvent encore; des principaux phénomènes que la nature y offre; du costume des habitants, & de quelques usages. Paris, 1782–1787.*

⁵³ *Lavallee J. Voyage pittoresque et historique de l'Istrie et de la Dalmatie, rédigé d'après l'itinéraire de L. F. Cassas. Paris, 1802.*

⁵⁴ *Choiseul-Gouffier M. G. A. F. de comte. Voyage pittoresque de la Grèce. Paris, 1782–1809.*

⁵⁵ *Zurlauben B. F. A. de la Tur-Chatillon de; Laborde J. B. de. Tableaux de la Suisse, ou Voyage Pittoresque fait dans les treize cantons et états alliés du corps Helvétique, représentant les divers Phenomenes que la nature y rassemble, & les beautés don't l'art les a enrichis, suivis de la description topographique, physique, historique, morale, politique & litteraire de ce pays. Paris, 1780–1788.*

⁵⁶ *Остин Дж. Нортгергерское аббатство. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1988. С. 102–103.*

видов, найденных по большей части в «самой живописной стране» — Италии, заполняли путевые дневники европейских интеллектуалов, а пейзажи в духе К. Лоррена, Н. Пуссена или С. Розы населяли галереи аристократов, претендовавших на утонченность вкуса. Спрос на подобные картины был необычайно высок: их репродуцировали в гравюре, им подражали профессиональные художники и рисовальщики-дилетанты.

В 1770–1780-х годах возникает такое явление, как жанр живописных путешествий, представляющих собой описание вояжа, созданное ученым путешественником и иллюстрированное гравюрами, выполненными в эстетике *picturesque*. Эти изображения делались на основе зарисовок художников (или группы художников), специально нанятых для этой цели, а иногда и самим автором. Круг исполнителей изобразительной части книги — рисовальщиков и граверов — был довольно узок. Если обратиться к «путешествиям» из собрания Мекленбургского, то большинство этих изданий публиковались в Париже примерно в одно время — с 1780-х по 1800-е годы, и нередко одному художнику удавалось поучаствовать в подготовке нескольких увражей. Так, например, работавшему над книгой Шуазеля-Гуффье Л.-Ф. Касса, ученику Ж. М. Вьена, было поручено создание иллюстраций для «Живописного путешествия по Истрии и Далмации» Ж. Лавалле, а Ж. Матье, А. де Лаборд и П. Габриэль, начинавшие свою карьеру также с «Путешествия по Греции», позже работали с Сен-Ноном. Книги выпускались большим для того времени тиражом — до 1 000 экземпляров и приобретались по подписке. Для этих изданий работали первоклассные мастера — например, среди рисовальщиков для «Путешествия по Неаполю» Сен-Нона можно встретить имена Г. Робера и О. Фрагонара.

Шесть увражей из Ораниенбаумской серии Мекленбургского относятся к лучшим изданиям живописных путешествий раннего периода⁵⁷. Их авторы, следуя идеям эпохи Просвещения, стремились дать своим читателям разнообразную информацию о тех городах и странах, где им довелось побывать: сведения

⁵⁷ По классификации, предложенной в статье: Jeanjean-Becker C. Les récits illustrés de voyages pittoresques une mode éditoriale // *Le livre d'architecture XV–XX siècle Édition, représentations et bibliothèques*. [Paris], 2002. P. 23–51.

о географии, архитектуре, истории, фольклоре, особенностях нравов и обычаев населения. При этом не шла речь о создании архитектурного инвентаря или об этнографических штудиях, путешественники скорее видели своей задачей передать общие впечатления о стране и поделиться чувствами восхищения, очарованности или ужаса, вызванными тем или иным живописным видом.

Два издания, которые также включены в серию *Voyage Pittoresque*, но не относятся в строгом смысле слова к этому жанру, отличается более основательный и фундаментальный подход. Это «Общее и подробное описание Франции» под редакцией Ж. Б. де Лаборда 1780–1800 годов⁵⁸ и «Картина Оттоманской империи» М. Доссона 1782–1820 годов⁵⁹. У «Описания Франции» довольно сложная судьба. Задуманное в лучших традициях энциклопедистов как полное, исчерпывающее описание французских провинций с тематическими статьями авторитетных ученых, позже издание поменяло свою направленность. Книга была выкуплена новым издателем, который для привлечения подписчиков изменил программу и дал ей название «Живописное путешествие по Франции». В каждый том были помещены несколько десятков основных видов каждого департамента с небольшими комментариями, и издание, претендующее на статус энциклопедии, превратилось в грандиозный многотомный путеводитель для обеспеченных дворян. Это издание весьма обширно — в оригинале это 12 больших фолиантов, в Музее истории и развития Ленинграда (как тогда назывался ГМИ СПб) еще в 1938 году было 11, сейчас в нашем фонде хранится 10 томов.

Что касается «Картины Оттоманской империи», следует отметить, что это первое и самое известное полное описание Османской империи. Книга неоднократно переиздавалась и была основным источником по данной теме в течение всего

⁵⁸ [Laborde J. B. de et al.] *Description générale et particulière de la France ou Voyage pittoresque de la France, avec la description de toutes ses Provinces, d'après les Dessins des Artistes par une Société de gens de lettres*. Paris, Pierre [vols. 1-4]; Paris, Lamy [vols.5-11], 1781–1800.

⁵⁹ Mouradgha d'Ohsson I. *Tableau général de L'Empire Othoman, divisé en deux parties, don't l'une comprend la législation mahométane, l'autre, l'Histoire de L'empire Othoman*. Paris, Imprimerie Monsieur, 1787–1790–1820.

XIX столетия (известен ее перевод на русский язык, осуществленный еще в конце 1780-х годов, т. е. практически сразу после публикации). Тема Востока в собрании Мекленбургского представлена в ФГГМ довольно примечательными изданиями — помимо Доссона нельзя не назвать «Путешествие по верхнему и нижнему Египту» Д. Виван-Денона 1801 года⁶⁰ в роскошном золототисненном переплете начала XIX века мастера Бозериа-на с суперэкслибрисом на обеих крышках в виде герба графа П. К. Разумовского (1728–1803)⁶¹. Выдающийся дипломат, литератор, эрудит и коллекционер Доминик Виван, барон Денон (1747–1825) в 1798–1799 годах сопровождал Наполеона в Египетском походе и по поручению генерала Бонапарта делал зарисовки египетских памятников. Книга, изданная Деноном по возвращении в Париж на основе этих исследований и зарисовок, стала самой авторитетной работой о Египте до появления монументальных трудов Ф. Шампольона. Сочинение Денона выдержало около 40 переизданий в течение XIX столетия.

Автором другого издания, посвященного описаниям Востока, является граф де Л. Н. Ф. О. Форбен (1779–1841), бывший, кстати, наследником Денона на посту директора Лувра. Перу графа де Форбена принадлежит «Путешествие по Леванту в 1817 и 1818 гг.»⁶². Это сочинение интересно тем, что среди включенных в него изображений есть ряд ранних французских литографий. Как упоминалось выше, собирателем такого рода произведений искусства был дед Г. Г. Мекленбургского великий князь Михаил Павлович. Однако никаких владельческих помет или штампов последнего на этом альбоме, как и на всех остальных в фонде, нет. Единственным исключением является первый выпуск первой части издания «Живописное Средневековье» Ф. Морэ с литографиями по рисункам Н. М. Ж. Шапюи, посвященный

⁶⁰ *Denon V., baron. Voyage Dans La Basse Et La Haute Egypte.* Paris: np. nd. [Didot l'aîné, c. 1802].

⁶¹ По одной из версий, книги из графской библиотеки попали в книжное собрание Мекленбургского через великую княгиню Елену Павловну, которая купила имение Карловка Полтавской губернии у графини Разумовской. См.: *Герасимова Е. В.* О библиотеках герцогов Г. Г. и М. Г. Мекленбург-Стрелицких. С. 238–239.

⁶² *Forbin L.-N.- Ph.-A., comte de. Voyage dans le Levant (en 1817 et 1818).* Paris, Imprimerie royale, 1819.

Франции⁶³, на титульном листе которого стоит штамп с надписью в овале: «S. A. J. Mons... gr Le Grand Duc / Michel».

Из интересных и значимых в художественном отношении альбомов, посвященных описаниям стран и городов Европы, следует отметить «Знаменитые виды города Венеции» А. Визентини с картин Дж. А. Каналетто⁶⁴, «Оригинальные виды Лондона» Т. Шоттер Бойса⁶⁵ и «Поместья аристократов и джентри в коллекции самых интересных и живописных видов» У. Х. Уоттса⁶⁶.

Остальные альбомы, гравюры и литографии, оставшиеся за рамками этого краткого обзора собрания Мекленбургского, также представляют художественный и культурно-исторический интерес, в данной статье мы остановились только на самых важных и значимых произведениях.

Как видим, даже то небольшое, что сохранилось в ФГГМ из собрания герцога Мекленбургского (41 издание из 12,5 тысячи), свидетельствует, насколько интересно и разнообразно оно было и какой ценный художественный и исторический материал представляли собой коллекции Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого.

⁶³ *Chapuy N. M. J., Moret Ph.* Le Moyen-Age pittoresque monuments et fragments d'architecture meubles armes armures et objets de curiosité du Xe au XVIIe siècle dessiné d'après nature ... avec un texte archeologique descriptif et historique. Paris: Jeanin, 1842–1844. В ФГГМ хранится первая часть этого издания с титульной надписью: "France Monumentale et Pittoresque, Recueil de Vues, des Monuments et des Sites les plus remarquables de ce pays, publie avec le concours des artistes français les plus éminents, d'après les dessins et sous la direction artistique de Chapuy. Paris, publ par Jeanin, imp. Lemerclie".

⁶⁴ *Canaletto A. – Visentini A.* – Urbis Venetiarum prospectus celebriores ex Antonio Canal. Tabulis XL aere expressi ab A. Visentini, Venetius, Apud T. Viero, s.d. (1800).

⁶⁵ *Shotter Boys Th.* Original views of London as it is. Drawn from Nature expressly for this Work and Lithographed by Th. Shotter Boys. Exhibiting its principal streets and characteristic accessories, public Buildings in connection with the leading thoroughfares &&& with historical and descriptive notices of the views by Charles Ollier. London, publ. by Thomas Boys, prints seller to the Royal Family, 11 Golden square, Regent street. 1842.

⁶⁶ *Watts W. H.* The Seats of the Nobility and gentry in a Collection of the most interesting & Picturesque views. London, publ. & reed. J. & J. Boydell, 1809.

Д. В. Осипов

**История создания копии скульптуры
«Венера, снимающая сандалию»
работы И. П. Витали для филиала ГМИ СПб
«Особняк Румянцева»**

Статуя «Венера, снимающая сандалию» работы И. П. Витали, созданная мастером в 1852 году, ныне экспонируется в Академическом зале Русского музея. По общему мнению специалистов, это одно из лучших произведений скульптора¹. «Венера» была исполнена И. П. Витали по заказу Николая I. В качестве образца император предложил скульптору небольшую античную бронзовую статуэтку, хранившуюся в императорской коллекции Аничкова дворца. Гипсовую модель «Венеры» Витали изготовил в классе скульптуры Академии художеств. К лету 1851 года работа была завершена и представлена Николаю I. Император был восхищен гипсовой статуей и повелел создать мраморную скульптуру. К декабрю 1852 года Витали выполнил заказ. О высочайшей оценке императором этого произведения свидетельствует тот факт, что уже в конце декабря 1852 года скульптор был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, а также получил 10 000 рублей серебром.

Мраморная «Венера» сначала была установлена в Ротонде — императорской столовой Зимнего дворца, но вскоре перемещена в Зал русской скульптуры только что построенного Нового Эрмитажа. На одной из акварелей Л. Премацци видно, что Венера — единственная из всех скульптур, украшающих зал, — обнесена ажурной бронзовой оградой, что без сомнения является свидетельством особого внимания императора к этому произведению.

В 1897 году статуя Венеры из Эрмитажа была передана в Русский музей Императора Александра III и заняла одно из

¹ См.: *Кривдина О. А.* Иван Петрович Витали. Летопись жизни и творчества скульптора. СПб., 2006.

центральных мест в Академическом зале Михайловского дворца. Начиная с «Каталога Русского музея» барона Н. Н. Врангеля, практически ни одно из серьезных изданий по истории русского искусства не обходилось без воспроизведения этого известнейшего произведения Витали.

Почти полтора столетия заслуженная слава мраморной «Венеры» Витали затмевала историю исходной гипсовой модели скульптуры. Дело в том, что в течение года с момента одобрения гипсовой модели и до начала создания мраморного оригинала Николай I распорядился изготовить с нее гальванопластические копии для двух своих дочерей — Марии и Ольги.

В этот период в России успешно внедрялась гальванопластика — новаторский для того времени метод копирования скульптуры, разработкой которого занимался академик Б. Якоби. Известный в это время мастер-гальваник И. Гамбургер имел в Санкт-Петербурге мастерскую и выполнял заказы на изготовление гальванопластических копий. У истоков создания научных основ гальванопластики в России стоял герцог Максимилиан Лейхтенбергский, зять Николая I, муж его дочери великой княгини Марии Николаевны.

Гальванопластическому и литейному заведению герцога Лейхтенбергского была заказана одна из копий «Венеры», тогда как другая изготавливалась в Гальванопластической мастерской И. Гамбургера. Почему император сделал заказы одновременно двум конкурирующим фирмам, до сих пор не выяснено.

Совсем недавно Е. В. Карповой были найдены и опубликованы архивные материалы, позволяющие уверенно говорить о судьбе двух гальванопластических копий, которые были представлены императору в начале 1852 года². Работа мастерской И. Гамбургера, получив высочайшее одобрение, была назначена к отправке в Германию в Штутгарт великой княгине Ольге Николаевне, к этому времени королеве Вюртембергской. Одновременно мастер получил от императора новый заказ на изготовление еще одной копии статуи Витали для установки на Ольгином острове в Петергофе. С этим заказом И. Гамбургер также справился блестяще, и в Петергофе появилась гальванопластическая копия Венеры,

² Карпова Е. В. Русская и западноевропейская скульптура XVIII – начала XX века: Новые материалы. Находки. Атрибуции. СПб., 2009. С. 608.

установленная на круглом гранитном пьедестале около Ольгина павильона. Эта статуя была утрачена в годы Великой Отечественной войны, о ней сегодня ничего не известно.

По каким-то причинам работа заведения герцога Лейхтенбергского была «найдена неудовлетворительной», и последовало высочайшее указание изготовить другой экземпляр. Одобренная государем, эта «Венера» была назначена в дар великой княгине Марии Николаевне и помещена в ее резиденции. Позднее статуя была переправлена во дворец герцога Лейхтенбергского в усадьбе Сергиевка, расположенной в Старом Петергофе. Судьба этой «Венеры» — назовем ее «Сергиевской» — сложилась весьма драматично. Скульптура была установлена в приемной Марии Николаевны на первом этаже дворца. С 1920 года усадьба Сергиевка (дворец, все постройки и парк) была передана ученым Петроградского университета для организации летнего биологического стационара для студенческих практик. В августе 1941 года богатую коллекцию скульптуры дворца Лейхтенбергского не удалось эвакуировать; более того, не были предприняты меры для ее сохранения³.

В самые тяжелый период обороны Ленинграда линия фронта проходила по территории усадьбы Сергиевка. В результате военных действий дворец был разрушен и сожжен. Только в 1964 году было закончено его восстановление с целью использования помещений для научных исследований.

В июле 1960 года из-под развалин дворца студентами строительного отряда Ленинградского государственного университета была извлечена сильно поврежденная статуя «Венера Сергиевская». Тогда казалось, что восстановить ее невозможно. В 1999 году, когда отмечалось 275-летие Санкт-Петербургского государственного университета, было решено «вернуть к жизни» это замечательное произведение. К реставрации скульптуры были привлечены физики В. И. Цибуля и В. В. Берцев, работы шли под контролем специалистов КГИОП.

³ *Кривдина О. А.* Скульптура дворца герцога Лейхтенбергского и парка усадьбы «Сергиевка» Биологического института СПбГУ // Санкт-Петербургский университет. 2000. № 20. С. 26–32; *Осипов Д. В.* Возвращение утраченных шедевров (поиски, атрибутирование и реставрация произведений из коллекции скульптур герцога Лейхтенбергского в усадьбе «Сергиевка») // Памятники. Вектор наблюдения: Сборник статей по реставрации скульптуры и мониторингу состояния памятников в городской среде / Под общей редакцией В. Н. Тимофеева. СПб., 2008. С. 95–106.

В период воссоздания статуи О. А. Кривдина, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея, установила, что данная скульптура — не гальванопластическая копия, а авторский бронзовый отлив И. П. Витали⁴, хотя во всех официальных документах (в архивах Канцелярии императорского двора, в материалах Отдела рукописей Русского музея, в архиве КГИОП) она ошибочно числится как гальванопластическая копия.

12 мая 1999 года на торжественном Ученом совете Биологического института Санкт-Петербургского государственного университета возрожденная «Венера» вернулась на свое место, украсив бывший дворец герцога Лейхтенбергского в Сергиевке. Спустя 10 лет в институт обратился генеральный директор ГМЗ «Петергоф» В. В. Знаменов с просьбой предоставить возможность сделать со статуи «Венера Сергиевская» форму, чтобы изготовить бронзовую копию для Ольгина острова в Петергофе. Скульптура, украшавшая когда-то остров, также была утрачена в годы войны. В качестве «компенсации» за использование модели были выполнены завершающие реставрационные работы и проведено патинирование скульптуры «Венера Сергиевская» (работы осуществлены Научно-производственным и коммерческим предприятием «ПИН», директор А. А. Папировский). В ноябре–декабре 2008 года были изготовлены формы для отлива бронзовой копии. 18 мая 2009 года, в Международный день музеев, на Ольгином острове около Ольгина павильона на сохранившийся исторический круглый гранитный пьедестал была установлена бронзовая статуя — копия скульптуры «Венера, снимающая сандалию» И. П. Витали.

При изготовлении бронзовой скульптуры в качестве промежуточного технологического этапа неизменно появляется гипсовая копия, состоящая из отдельных фрагментов, — по ним изготавливают формы для отлива. Как правило, после завершения всех работ гипсовую модель уничтожают, дабы исключить несанкционированные попытки копирования. Однако в силу добрых творческих отношений партнеров по проекту создания копии «Венеры» удалось получить согласие на изготовление из фрагментов цельной гипсовой копии статуи. Так началась история

⁴ Осипов Д. В. Венера, возрожденная в университете // Санкт-Петербургский университет. 2006. № 12–13.

копии «Венеры» Витали, которая со временем заняла свое место в филиале ГМИ СПб — особняке Румянцева.

Особняком на Английской набережной с 1802 года владел граф Николай Петрович Румянцев. Судьбы Румянцевых и Лейхтенбергских неоднократно пересекались в XVIII–XIX веках. Сын прославленного полководца времен Екатерины II граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский владел усадьбой на землях южного побережья Финского залива между Петергофом и Ораниенбаумом. В честь его младшего сына Сергея Петровича усадьба получила название Сергиевка, которое сохранилось до настоящего времени. С 1838 года, после свадьбы великой княгини Марии Николаевны и герцога Лейхтенбергского, усадьба перешла к ним, а их потомки владели Сергиевкой до революции.

Граф Н. П. Румянцев, старший сын П. А. Румянцева-Задунайского, канцлер Российской империи, известный просветитель и меценат, завещал свое богатое собрание младшему брату для создания музея. С. П. Румянцев в особняке на Английской набережной организовал в 1831 году первый в России частный публичный музей, который стал одним из центров культурной жизни Петербурга. После перевода музея в Москву, в дом Пашкова, на его основе была создана Российская Государственная библиотека, которая до 1924 года официально именовалась Румянцевской. В 1882–1916 годах дворец был резиденцией Лейхтенбергских.

Размещение статуи «Венеры» в особняке на Английской набережной, с которым связаны судьбы Румянцевых и Лейхтенбергских, исторически вполне закономерно. О. А. Кривдина порекомендовала место для установки скульптуры, оптимальные размер, форму и цвет мраморного пьедестала. Реставратор-художник Государственного Русского музея М. С. Галимов выполнил необходимые работы по сборке фрагментов скульптуры и тонировал ее поверхность под мрамор. 22 июля 2009 года на торжественном заседании, посвященном 85-летию со дня рождения Л. Н. Беловой, возглавлявшей ГМИЛ в 1954–1987 годах, была осуществлена передача гипсовой копии скульптуры «Венера, снимающая сандалию» работы И. П. Витали в особняк Румянцева. Скульптура была установлена на площадке парадной мраморной лестницы дворца.

Е. А. Кононенко, В. М. Сыров

**К истории автомобиля «Роллс-Ройс»
из коллекции Государственного музея
истории Санкт-Петербурга¹**

4 мая 1992 года «директор Государственного мемориального музея В. И. Ленина Л. А. Дмитриева передала на постоянное хранение, а Государственный музей истории Санкт-Петербурга принял... автомобиль “Роллс-Ройс”, инв. № Р-373»². Хотя документов, отражающих историю экспоната, ГМИ СПб не получил, машину датировали первой половиной 1920-х годов. О том, кто являлся первым владельцем машины, как складывалась ее судьба до поступления в музей В. И. Ленина, достоверных сведений не имелось. В 2006 году, когда праздновалось столетие компании «Роллс-Ройс» и автомобиль из коллекции ГМИ СПб экспонировался на территории Государева бастиона Петропавловской крепости, встал вопрос об уточнении датировки и прояснении истории этого экспоната.

Название модели автомобиля — «Silver Ghost» («Серебряный призрак»). Это первая серийная модель всемирно известной английской автомобильной компании «Роллс-Ройс», которая выпускалась в 1907–1925 годах. Фактически, под одним фирменным названием выпускались три модификации — с двигателями мощностью в 20, 40–50 и 65–75 лошадиных сил. В 1914–1918 годах на шасси 75-сильных «Роллс-Ройсов» строились броневики. Автомобиль, поступивший в ГМИ СПб, относится к основной категории — с двигателем в 40–50 лошадиных сил.

¹ Выражаем признательность за помощь в исследовании научному сотруднику ГИМ Елене Викторовне Захаровой, сотрудникам Федеральной службы охраны Президента Российской Федерации Сергею Викторовичу Девятову и Алексею Ивановичу Жилияеву.

² Сектор учета ГМИ СПб. Акт № 64-І о передаче музейных предметов от 14.05.1992.

Почти за два десятилетия производства основные технические параметры модельного ряда «Серебряный призрак» практически не менялись, за исключением некоторых элементов (в середине 1910-х годов первоначально трехскоростная коробка передач была заменена на четырехскоростную, ацетиленовые фары — на электрические, в начале 1920-х изменена тормозная система и т. д.). Всего в Великобритании было построено 6 173 экземпляра трех модификаций, а в 1921–1925 годах филиал фирмы в Спрингфилде, штат Массачусетс, произвел еще 1 701 автомашину «Роллс-Ройс» модели «Серебряный призрак».

В 1910–1920-х годах автомобили «Роллс-Ройс» пользовались репутацией наиболее комфортабельных и надежных представительских моторных экипажей. «Серебряный призрак» рекламировался как «наилучший автомобиль в мире», и до настоящего времени он считается самой удачной моделью «Роллс-Ройс». Цена престижных автомобилей соответствовала качеству (в начале 1920-х годов один шестиместный «Серебряный призрак» стоил в пять раз дороже, чем аналогичный кабриолет фирмы «Паккард»). Сборка всех «Роллс-Ройсов» производилась вручную. За всеми производственными операциями по изготовлению каждого шасси (в это понятие включались двигатель, радиатор, ходовая часть, электроприборы) наблюдал мастер. Его имя в качестве «автора» автомобиля заносилось в документы компании. Тот же мастер производил обкатку готовой машины.

К началу нашего столетия в мире сохранилось около тысячи «Серебряных призраков», в том числе и рекламный экземпляр, благодаря которому вся серия получила свое название. В настоящее время это самый дорогой в мире автомобиль. Его страховая оценка составляет 57 миллионов долларов. Многие из «Призраков» все еще на ходу. В России в настоящее время известно всего четыре машины этой модели. Одна из них, приобретенная несколько лет назад на зарубежном аукционе, экспонируется в московском музее «Автовиль». Остальные три находятся в собраниях музея-заповедника «Горки Ленинские», Государственного исторического музея и Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Эти автомобили прибыли в нашу страну более 80 лет назад.

В Россию первые «Роллс-Ройсы» попали в 1911 году, а в 1913 «наилучший автомобиль в мире» был представлен

на IV Международной автомобильной выставке в Михайловском манеже. Клиентами британской компании стали члены императорской фамилии и самые состоятельные семьи страны — Юсуповы, Шереметевы, Нобели и др.

В 1917–1918 годах был расформирован гараж Временного правительства (в который входил бывший царский гараж), его автомобили, а также автомобили из частных гаражей поступили в распоряжение СНК. После переезда правительства в Москву «Роллс-Ройсы» «старого режима» — девять машин 1913–1916 годов выпуска, переместились в новую столицу³. Помимо В. И. Ленина этими автомобилями пользовались Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский и другие члены большевистского правительства. Летом 1921 года по заявке СНК при посредничестве Л. Б. Красина в Лондоне были приобретены еще четыре автомобиля «Роллс-Ройс»⁴. 30 августа на пароходе «Маргарита» все они были отправлены в Петроград и в сентябре–октябре того же года поступили на автобазу СНК. Один из этих «Роллс-Ройсов» был передан в личное распоряжение В. И. Ленина⁵.

Закупки «Роллс-Ройсов» были запланированы и на 1922 год. Количество и комплектация автомобилей согласовывались в июле

³ В письме-заявке на запчасти, посланном Л. Б. Красину в апреле 1921 г., указаны номера шасси четырех из девяти «Роллс-Ройсов» автобазы СНК (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 1054. Л. 346). Все перечисленные машины перевезены из Петрограда. Это автомобили со следующими номерами шасси: 2283 — лимузин, приобретенный в 1913 г. князем В. Н. Орловым для императора Николая II; 39GB — в 1914 г. куплен Л. Нобелем; 20CB — в 1916 г. приобретен Л. Манташевым; 45EB в 1914 г. купил Ф. Линдберг и передал в секцию Красного Креста при Императорском автомобильном клубе, до 1918 г. служил санитарным автомобилем для перевозки раненых.

⁴ Рапорт начальника автобазы СНК от 20.10.1921 г. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 1054. Л. 348. Список «машин, полученных из-за границы от 21.11.1921» (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 1054. Л. 351) содержит перечень этих автомобилей с номерами двигателей, типами кузовов и датами изготовления: 2 «торпедо» (1913, 1920), 1 «лимузин» (1914), 1 «ландоле» (1921).

⁵ В заявке на имя начальника автоотдела ЦУМТ (Центральное управление моторного транспорта) Б. Э. Шпринка от 18 октября 1921 г. сказано: «На прибывший из Англии автомобиль системы “Роллс-Ройс”, обслуживающий т. Ленина, надо в срочном порядке установить и отделать новый открытый шестиместный кузов. Отделка кузова должна быть кожаная, черного цвета. Управление делами СНК просит Вашего срочного распоряжения 4 Государственному автозаводу (б. Ильина) о постройке этого кузова с расчетом окончания ее к 1 января 1922 г. О ходе постройки просим уведомлять управделами СНК. Сообщите, когда прислать на завод машину для обмера» (ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 1054. Л. 352).

1921 года. Предполагалось приобрести 10 машин (их заранее распределили между гаражами ВЦИК и СНК), но 20 августа 1921 года окончательно утвержденное число предполагаемых к приобретению автомобилей «Роллс-Ройс» сократилось до трех, также предполагалось закупить «два шасси для старых моделей»⁶. Заказ был выполнен⁷. Один из автомобилей этой партии — наш шестиместный кабриолет с шасси 40YG, согласно данным Мемориального фонда сэра Генри Ройса⁸, был отгружен заказчику (акционерному обществу АРКОС)⁹ 13 декабря 1922 года и направлен на одноименном судне в Петроград. Согласно «Ведомости отправки грузов»¹⁰ на борту парохода «АРКОС», вышедшего из Лондона в Петроград 22 декабря 1922 года, имелся один автомобиль в ящике. Поставщик

⁶ Телеграмма Л. Б. Красина для А. М. Лежавы от 20.08.1921. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 1054. Л. 345.

⁷ Три «Роллс-Ройса», приобретенные в Лондоне в 1922 г., сохранились. Это вышеперечисленные автомобили из собрания ГИМ (№ шасси 17KG), ГМИ СПб (№ шасси 40YG) и из музея Горки Ленинские (№ шасси 79YG). Возможно, последний был куплен без кузова, хранитель музея В. Е. Маст утверждает, что кузов машины выполнен из фанеры, что нехарактерно для кузовов, построенных в Англии.

⁸ Мемориальный фонд сэра Генри Ройса (The Sir Henry Royce Memorial Foundation) основан в 1977 г. Офис общественного объединения, посвященного деятельности выдающегося британского инженера-конструктора и организатора производства, расположен в бывшем доме Ройса в Лондоне — Хант Хаусе. Фонд существует при финансовой поддержке Клуба энтузиастов «Роллс-Ройс». На попечении фонда находится архив компании «Роллс-Ройс», включающий в себя сведения обо всех произведенных компанией автомобилях «Роллс-Ройс» и «Бентли» с 1900-х до 1939 года. Архивные дела включают в себя записи о заказах на шасси, отчеты о строительстве и тестировании автомобилей. Приводим текст письма Филипа Холла, заведующего Мемориальным фондом сэра Генри Ройса в Лондоне, на имя Е. А. Кононенко от 12.06.2007 (в переводе): «Роллс-Ройс Силвер Гоуст с номером шасси 40YG был заказан Русским кооперативным обществом при “Советском доме” в Лондоне. 13 декабря 1922 года его отгрузили на пароход “Аркос”, направлявшийся в Петроград. Мы не имеем сведений о том, кто владел или пользовался автомобилем».

⁹ АРКОС (ARCOS — All Russian Cooperative Society Limited, с 1922 — Arcos Ltd) (1920–1939) — акционерное торговое общество, учреждено в Лондоне 11 июня 1920 г. Как представитель советских хозяйственных органов осуществляло все импортные и значительную часть экспортных операций, имело отделения в ряде стран. 12 мая 1927 г. по подозрению в шпионаже в конторе АРКОСа и советском торгпредстве в Лондоне произведен обыск, за которым последовал разрыв англо-советских дипломатических отношений и временное прекращение работы АРКОСа. В 1929 г. деятельность АРКОСа возобновилась, но в меньшем объеме.

¹⁰ «АРКОС». Транспортный отдел. Ведомость отправок за неделю по 30 декабря 1922 года // Сводные ведомости отправки грузов. 14 октября 1922 – 24 ноября 1923 года. РГАЭ. Ф. 3270. Оп. 1. Д. 50. Л. 113–120.

груза — фирма «Роллс-Ройс» (номер заказа 2082). Автомобиль был приобретен за 1 842 фунта стерлингов 3 шиллинга и 4 пенса по наряду Народного комиссариата внешней торговли № 107 для автобазы СНК в Москве.

Уточнить дату изготовления этой машины позволяет история некоторых автомобилей той же серии, сохранившихся в музеях и частных коллекциях. По данным, опубликованным на сайте энтузиастов «Роллс-Ройс»¹¹, все машины с буквенным кодом шасси YG (в количестве 82 штук) были изготовлены на заводе компании в Дерби в течение 1922 года. Машинам серии присваивались последовательные номера. Так, № 33YG (приобретен австралийским миллионером Артуром Саймом) был изготовлен в начале октября 1922 года и отгружен 25 октября, № 58YG (приобретен для принца-регента, впоследствии императора Японии Хирохито) также изготовлен в октябре 1922 года. Это позволяет с уверенностью датировать изготовление шасси нашего автомобиля серединой октября 1922 года.

Компания «Роллс-Ройс» не занималась производством кузовов. По желанию клиентов фирма заказывала кузовные работы различным компаниям Великобритании. Быстрая отгрузка австралийской машины объяснялась тем, что владелец приобрел только шасси, электрооборудование и знаменитую статуэтку «Дух экстаза» — украшение капота машины. Таким образом, автомобиль в течение двух месяцев с момента завершения работы над двигателем и шасси обрел кузов и прошел обкатку. Хотя фирменные знаки на дверцах отсутствуют, кузов изготовлен предположительно компанией «Виндауерс» (Windovers Ltd., 475 Oxford St., London)¹². Первоначально машина была окрашена в темно-синий цвет, кожаная обивка салона также была синего цвета¹³.

23 января 1923 года груз прибыл в Петроград. Далее, по всей видимости, он проследовал в Москву по железной дороге и поступил на автобазу СНК. Автомобиль мог предназначаться

¹¹ Электронный ресурс: www.chassisregister.com.

¹² *Fasal J. John Fasal documents the history of Rolls-Royce in Russia* // Pinnacle, v. 2, 1989. P. 5. Согласно данным Дж. Фазала, кузовами работы компании «Виндауерс» были оснащены два автомобиля, приобретенные для советского правительства в 1922 г. (№ шасси 40 и 79YG), и все «Роллс-Ройсы» советских закупок 1923–1927 гг.

¹³ Ibid.

для Гаража особого назначения (Ленинского), выделенного из состава автобазы СНК как особая единица с 1 января 1921 года. Однако в 1922 году Ленин даже просил об уменьшении своего автомобильного парка (на просьбу Ленина о сокращении Ф. Э. Дзержинский ответил отказом)¹⁴. В 1922 году в личном распоряжении Председателя СНК имелось шесть автомобилей, в том числе два «Роллс-Ройса» — один двухместный, другой — шестиместный лимузин¹⁵. Обе машины исправно работали. Кроме того, в декабре 1920 года в ленинский гараж поступили автосани на основе кабриолета «Паккард»¹⁶.

После смерти Ленина Особый гараж перешел под контроль Политбюро ЦК ВКП(б). Машинами этой автобазы пользовались Председатель СНК СССР, его заместители, члены Политбюро и секретари Коммунистических партий союзных республик. В коллекции Федеральной службы охраны сохранились снимки, запечатлевшие И. В. Сталина в салоне «Роллс-Ройса». К 1927 году правительственный парк «Роллс-Ройсов» увеличился на 14 двадцатисильных «Призраков» и восемь «Фантомов» (эта модель производилась в 1925–1929 годах)¹⁷. По крайней мере одна из машин последней партии сохранилась — это «Роллс-Ройс» модели «Фантом», находящийся в собственности киностудии «Мосфильм».

В 1920–1930-х годах многие из высших партийно-государственных чиновников жили не в самой Москве, а в ее окрестностях и зимой пользовались автосанями. С 1923 года «зимним» переоснащением автомобилей занимались непосредственно в правительственных гаражах при участии руководителя автобазы СНК инженера А. С. Гусева, инженеров-конструкторов Научного автомоторного института (НАМИ, ныне — Центральный

¹⁴ Главный гараж России. От собственного Его Величества гаража до Гаража особого назначения. 1907–2007. М., 2007. С. 133.

¹⁵ Там же. С. 132–133.

¹⁶ Этой снегоходной машиной мог быть один из четырех «Паккардов», привезенных в декабре 1920 г. на Путиловский завод и поставленных на полугусеничный ход. Уже 8 января 1921 г. с этими автосанями по дороге в Горки произошла авария, а в июне 1921 г. В. И. Ленин обратился с письмом к ВСНХ с просьбой отремонтировать снегоход на Путиловском заводе. Заказ был выполнен к осени 1921 г.

¹⁷ *Fasal J. John Fasal documents the history of Rolls-Royce in Russia*//Pinnacle, v. 2, 1989. P. 7.

научно-исследовательский автомобильный и автомоторный институт «НАМИ») А. С. Кузина, Б. В. Шишкина, Г. А. Сонкина, профессора Н. С. Ветчинкина. В 1923–1924 годах по инициативе Московского автоклуба в Москве были проведены первые испытания снегоходов. Их ходовые качества изучал инженер А. А. Крживицкий, который в 1920–1929 годах являлся председателем Автотракторной секции Главного военно-технического комитета Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В середине 1920-х годов по результатам первых автопробегов он опубликовал исследования о преимуществах и недостатках различных систем автосаней.¹⁸ Среди моделей — участников пробегов перечислены «Ситроены» и «Паккарды» с двигателем Кегресса¹⁹ из гаража ВЦИК. «Роллс-Ройсов», оснащенных двигателем Кегресса, автор не упоминал. По всей видимости, таких машин в то время еще не было. Однако в монографии «Снегоходные машины» (М., 1949) А. А. Крживицкий писал об автомобилях, поставленных на полугусеничный ход в 1925 году в Москве: «Наилучшие результаты получались при оборудовании этим двигателем

¹⁸ Крживицкий А. А. Механические средства продвижения по снегу. М., 1926; Автотранспорт для снежного пути. Л., 1930 (второе издание под тем же названием: Л., 1939).

¹⁹ Кегресс Адольф (1879–1943) — французский инженер-механик, в 1904–1917 гг. работал в России. С 1909 г. разрабатывал конструкцию ходовой части для автомобилей повышенной проходимости. В 1914 г. он получил патент на свое изобретение — «автомобильные сани, движущиеся посредством бесконечных ремней с нажимными роликами и снабженные поворотными полозьями на передней оси». Приспособление, пригодное для установки на большинстве типов легковых автомобилей, получило название в честь изобретателя. В 1914–1916 гг. на Путиловском заводе в Петрограде и заводе «Руссо-Балт» в Риге двигателями Кегресса оснащались автомобили различных марок. В 1917 г. изобретатель эмигрировал. В начале 1920-х гг. по его патенту на заводах «Ситроен» начался промышленный выпуск снегоходов «Ситроен-Кегресс». Эти автомобили вызывали большой интерес советского правительства. В «Автомобильном справочнике» (М., 1923) даже была помещена реклама этого «самого экономичного автомобиля в мире». В 1921–1923 гг. для автобазы Военно-революционного комитета и ВЦИК во Франции были приобретены несколько «Ситроен-Кегрессов». Ходовые испытания в России показали ряд существенных недостатков снегоходов «Ситроен». Отечественные конструкторы продолжали совершенствовать двигатель Кегресса на других марках автомобилей. После революции 1917 г. на Путиловском заводе остался запас деталей для двигателей, благодаря которому по «ленинскому» заказу в 1920–1921 гг. переоснастили 4 автомобиля «Паккард». В 1923 г. на бывшем заводе «Руссо-Балт» (эвакуирован в Фили в 1916 г., расконсервирован в 1922), возобновилось производство «Кегрессов».

в гараже мощных автомобилей Паккард и Рольс-Ройс, у которых на 1 лошадиную силу двигателя приходилось 55 кг веса и имелся просвет около 247 мм. Они достаточно надежно ходили по снежным малонаезженным проселкам и по неглубокой (до 0,5 м) целине со средней скоростью на длительном пробеге до 20 км/ч, развивая на снежном шоссе максимальную скорость до 62 км/ч»²⁰. Хотя автор не уточнил количество и происхождение автомобилей «Роллс-Ройс» (Кегресс), очевидно, что они принадлежали правительственному гаражу, а подходящих под определение «мощный» в распоряжении правительства к 1925 году было только два — сорокасильные «Серебряные призраки» 1922 года выпуска с номерами шасси 40 и 79YG.

Тесты авто- и аэросаней разных систем регулярно проводились вплоть до конца 1930-х годов. В РГАКФД имеются фотографии испытаний автомобилей с двигателем Кегресса 1931 года на Воробьевых горах. На одном из снимков запечатлен полугусеничный вездеход «“Роллс-Ройс”-Кегресс»²¹. Это машина, поступившая в ГМИ СПб, или та, что ныне находится в Горках. Возможно, материалы по испытаниям с указанием номеров двигателей или шасси протестированных автомобилей содержатся в Центральном Военном архиве среди документов Технического комитета РККА.

Закупки «Роллсов» закончились в 1927 году с разрывом дипломатических отношений с Англией. Снабжение запчастями русских «Роллс-Ройсов» прекратилось. Хотя в 1929 году дипломатические отношения восстановили, было принято решение «считать, что впредь машин “Рольс-Ройс” не следует импортировать»²².

В начале 1930-х годов «Роллс-Ройсы» продолжали эксплуатировать на автобазе СНК, ВЦИК, в Гараже Особого назначения. Были такие автомобили и в личном пользовании. В 1931 году чешский журналист, писатель и художник А. Гофмейстер, побывавший в Москве, отмечал, что «еще никогда не видел такого скопления “Роллс-Ройсов”, которое наблюдал однажды вечером на набережной Москва-реки»²³. В 1933 году И. В. Сталин отдал распоряжение

²⁰ Крживицкий А. А. Снегоходные машины. М., 1949. С. 84–85.

²¹ РГАКФД. Фонд автомобильной промышленности. О-31230.

²² ГАРФ. Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 38. Д. 15. Л. 9.

²³ Цит. по: Главный гараж России. С. 144.

Л. М. Кагановичу об изъятии всех «Роллс-Ройсов» у организаций и частных лиц и сосредоточении их в Особом гараже²⁴.

К сожалению, доступные для исследователей списки автомобилей правительственных гаражей с указанием «пользователей» относятся лишь к 1918–1921 годам. Аналогичные списки за 1923 и более поздние годы содержатся в архиве Федеральной службы охраны. Они все еще засекречены.

В 1938 году было принято решение об основании Центрального музея В. И. Ленина (ЦМЛ) с филиалами в крупнейших городах страны и мемориального музея вождя в Горках. Начался поиск «ленинских» автомобилей. Вышедшие из употребления «Роллсы» вполне годились на эту роль. В 1939 году в Крыму был «обнаружен» первый из них (тот самый, что ныне находится в собрании ГИМ, с номером шасси 17KG). Где хранилась обретенная реликвия, пока неизвестно, но в 1944–1947 годах в Горки были привезены уже три «Роллс-Ройса», претендовавших на звание машин вождя²⁵. В 1948 году одни автосани и открытый четырехместный «Роллс-Ройс» были признаны подходящими для показа в Центральном музее В. И. Ленина в Москве и его филиале в Горках. С открытия Музея в Горках в 1949 году и до настоящего времени автосани «Роллс-Ройс» с двигателем Кегресса не покидали «Ленинского гаража». Третья машина — «Роллс-Ройс», ныне хранящийся в ГМИ СПб, — не прошла отбор, предположительно по причине худшей сохранности, и была из Горок вывезена²⁶.

В июле 1964 года при Главном управлении художественной кинематографии была создана Специальная комиссия по контролю над производством фильмов о В. И. Ленине. По ее инициативе Ленфильм получил «Роллс-Ройс» шасси 40YG (вероятно, во временное пользование, с обязательством после съемок передать

²⁴ ГАРФ. Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 38. Д. 15. Л. 9.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 624 (Центральный музей В. И. Ленина). Оп. 1. Д. 82. Л. 1. Сводная стоимость реставрационных работ по Горкам. 5 февраля 1947 г. Пункт «Ремонт и реставрация трех ленинских машин» (сведения предоставила Е. В. Захарова).

²⁶ РГАСПИ. Ф. 624. Оп. 1. Д. 96. Л. 49. Акт № 1 о проверке точности расстановки музейных ценностей, подлежащих экспонированию в доме-музее в Горках. Графа «Гараж». № 1: автосани «Роллс-Ройс» (поступили на хранение в 1944 г.); № 2: автомашина «Роллс-Ройс». Возможно также, что вторые автосани остались в Горках. Документальных подтверждений этому нет, но, по воспоминаниям старых сотрудников музея, до начала 1960-х гг. в горкинском гараже стояли две снегоходные машины «Роллс-Ройс».

машину в музей В. И. Ленина). В конце лета 1964 года машина была доставлена из Москвы в Ленинград. Этот факт был отмечен в прессе²⁷. Автор статьи в «Ленинградской правде» сообщил: «После смерти В. И. Ленина автомобиль находился в гараже в Горках. Недавно на 1-й Ленинградский авторемонтный завод обратились с письмом работники Ленфильма. Этой студии историческая машина передана для использования ее на съемках фильмов “На одной планете” и “Залп Авроры”»²⁸. Многое в статье оказалось правдой. В конце августа или сентябре 1964 года автомобиль с двигателем Кегресса трейлером перевезли на 1-й Ленинградский авторемонтный завод для реставрации. Этот факт подтвердил Ю. М. Бабицкий, который в 1964 году являлся старшим технологом завода²⁹. Он припомнил, что сотрудники Ленфильма, доставившие автомобиль, рассказывали о том, что в гараже, откуда его забирали, машин системы Кегресс было четыре или шесть. Ленфильмовцы утверждали, что привезенная машина — из Горок. Однако, судя по описанию гаража, забирали автомобиль не из Горок, т. к. гараж в Горках может вместить не более трех машин.

Кузов «Роллс-Ройса» на полугусеничном ходу был окрашен в зеленый цвет (так же окрашен автомобиль в Горках Ленинских, до 1957 года зеленым был и «Роллс-Ройс» из ГИМА). Двигатель при поверхностном осмотре казался исправным, но возможно, какие-то жизненно важные детали отсутствовали или были неисправны. Поскольку машину предполагалось использовать как игровую, двигатель не ремонтировали, а заменили на мотор

²⁷ Судаков Ю. Автомобиль Ленина // Ленинградская правда. 1964. 27 октября. № 254. С. 4.

²⁸ Документы о передаче машины на Ленфильм не сохранились ни на самой студии, ни в фонде № 257 (Ленфильм) ЦГАЛИ СПб. Именно по этой причине в начале 1990-х гг., когда решалась судьба коллекций расформированного Центрального музея В. И. Ленина претензии киностудии на этот автомобиль как имущество Ленфильма не были удовлетворены. Косвенные свидетельства о присутствии автомобиля на студии имеются в делах по съемкам фильмов «На одной планете» (1964–1965): ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 11. Д. 1110. Сметы на производство фильма «На одной планете». Л. 112: Ремонт автомашины (1 шт.) на сумму 3 470 руб.; Л. 164: Разовые консультации по иномаркам машин — 150 руб.; Л. 182: Поездки за получением иностранных автомашин (3 человека — заместитель директора картины, режиссёр, представитель автобазы).

²⁹ См. приложение к данной статье.

от ГАЗ-51. Подлинный двигатель «Роллс-Ройс» и движитель Кегресса были демонтированы и переданы на Ленфильм³⁰. Под наблюдением консультанта по старинным автомобилям, предоставившего заводу изображения «Серебряных призраков», машину поставили на новые колеса, заново сделали крылья и окрасили в черный цвет, установили пару новых фар и т. д.

В 1965 году обновленный «Роллс-Ройс» впервые принял участие в съемках. В качестве автомобиля Ленина он попал в кадр фильмов «На одной планете» (дублером «шофера Ленина» был Ю. М. Бабицкий) и «Залп Авроры».

30 декабря 1965 года автомобиль был принят на постоянное хранение в Ленинградский филиал ЦМЛ в Мраморном дворце³¹. В 1966 году, уже будучи экспонатом музея, «Роллс-Ройс» принял участие в съемках еще одной картины ленфильмовской «Ленинианы» — «Поезд идет в Новое» (фильм на экраны не вышел)³², а также в фильме «Шестое июля» киностудии «Мосфильм» (1966–1968). Затем автомобиль был установлен в вестибюле музея. В 1992 году, после расформирования Ленинградского филиала ЦМЛ, автомобиль был поставлен на учет в Фонде науки и техники ГМИ СПб (номер по книге поступлений — 392 150, инвентарный номер — V-A-725-л).

За годы, проведенные в коллекции ГМИ СПб, машину снимали в нескольких отечественных кинокартинах: «Конь белый» (1992), «Под знаком скорпиона» (1993), «Хрусталеv, машину!»

³⁰ По факту ремонта и реставрации машины был составлен акт, также документально была оформлена передача Ленфильму старого двигателя и движителя Кегресса. К сожалению, оба документа утрачены. Детали движителя и двигателя хранились на автобазе студии в Сосновой Поляне. При ликвидации павильона в Сосновой Поляне эти части автомобиля «Роллс-Ройс» были утрачены.

³¹ Санкт-Петербургский историко-мемориальный музей «Смольный», Архив ЛФ ЦМЛ. Акт о приеме на постоянное хранение автомобиля «Роллс-Ройс», аналогичного тому, которым пользовался В. И. Ленин. Согласно письму № 7158 от директора киностудии «Ленфильм» Киселева И. Н. директору ЛФ ЦМЛ Долгих Ф. И. от 3 августа 1965 г. экспонату был присвоен инвентарный номер Р-373.

³² В 1966 г. о машине, подготовленной к съемкам, вновь вспомнила пресса. В газете «Правда» от 4 ноября 1966 г. появилась статья М. Савченко «Автомобиль 46–47. На этой машине ездил Ильич» (с. 4). Автор сообщал, что звонил бывшему шоферу В. И. Ленина С. К. Гилю, который по описанию узнал машину, возившую Ленина в Горках. В ноябре 1966 г. 80-летний Гиль находился при смерти (скончался в конце 1966 г.), в 1960-х годах машину он не видел, и его свидетельство вряд ли можно назвать достоверным.

(1993), «Дом Романовых» (1995), «Распутин» (1995), «Воспоминания о Шерлоке Холмсе» (1999).

В октябре 1995 года на киностудии «Ленфильм» был проведен косметический ремонт «Роллс-Ройса». Тогда же уточнили перечень подлинных частей автомобиля³³. Однако научная экспертиза и реставрация уникальной машины до сих пор не проводились. Тщательное исследование сможет выявить еще многие интересные особенности этого памятника английского автомобилестроения, сохранившегося в России несмотря на сложные перипетии истории страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Интервью Е. А. Кононенко с Ю. М. Бабицким
19 октября 2009 года*

К.: Я разговариваю с Юрием Михайловичем Бабицким, который в 1964 году работал старшим технологом на Первом Ленинградском автомобильно-ремонтном заводе, расположенном по адресу Московский проспект, 181. В 1964 году, в конце лета, из Москвы доставили автомобиль «Роллс-Ройс» «Серебряный призрак», ремонтом и реставрацией которого занимался Юрий Михайлович и его коллеги. Кто еще вместе с вами тогда работал?

Б.: Вместе со мной на фотографии есть слесарь транспортного цеха нашего, который непосредственно передний мост от ГАЗ-51 приспособил, и задний мост, и двигатель, и коробку передач. А второй там, на фотографии, я фамилию запомнил — Модестов, это жестянщик наш, который работал в кузовном цехе. Ему показали, и он говорит — я сделаю. И он сделал все это.

³³ В Акте приемки-передачи автомобиля после реставрации от АОЗТ «Ленфильм» № 72 (16.10.1995) значится: «... шасси и двигатель с КП ГАЗ-51, передние крылья ГАЗ-АА, головные фары не оригинал (новодел, стекла ГАЗ-АА), дополнительные фары не оригинал (мотоцикл “К”), рулевое колесо, радиатор, капот и кузов — оригинал, салон и фаэтон в ветхом состоянии, отсутствуют три передних боковых стекла и лобовое». Список подлинных деталей не совсем точен. Головные фары — оригинал (стекло заменено в 1964 г.). Дополнительные фары — от трактора «Беларусь» (установлены в 1964 г.). Передние крылья изготовлены в 1964 г. по индивидуальному проекту (в соответствии с изображениями аналогичных автомобилей 1920-х гг.). Вся приборная панель, рулевое колесо, радиатор, капот и кузов — подлинные. Кожаная обивка предположительно 1930-х гг.

К.: Скажите, пожалуйста, как выглядела машина, когда она была доставлена к вам? Опишите, пожалуйста, полугусеничный ход, на котором к вам ее доставили.

Б.: Когда ее доставили на гусеничном ходу, резиновая гусеница была и передний мост на колесах установлен был на лыжи.

К.: То есть выглядела она примерно так же, как машина, изображенная на этой фотографии?

Б.: Да, она так и выглядела. При разговоре подтвердили, что это на Путиловском заводе было сделано.

К.: Значит, машину вам привезли в трейлере сотрудники Ленфильма?

Б.: Да.

К.: Они не говорили, откуда доставлена эта машина?

Б.: Они говорили, что это из Горок.

К.: Они говорили, что забирали ее в Горках, или что эта машина происходит из Горок?

Б.: Они оттуда ее и взяли.

К.: Именно из Горок?

Б.: Да.

К.: Что они еще говорили? Много ли было машин такого же типа еще в Горках?

Б.: Как я помню, шел разговор, что там еще 5–6 машин таких.

К.: Тоже на полугусеничном ходу?

Б.: Да.

К.: Но других марок?

Б.: Нет, именно «Роллс-Ройсов», и все на полугусеничном ходу.

К.: А каково было состояние автомобиля, когда его доставили? Был ли он в рабочем состоянии или в аварийном, на ваш взгляд?

Б.: Двигатель тот родной мы не заводили. Внешне автомобиль был не помят, никаких не было у него изъянов, что где-то он в аварии был. Внутри была натуральная кожа на сиденьях, черная. Но когда мы ремонтом занимались, мы открыли спинку заднего сиденья, по-моему, и там была звезда.

К.: Прямо на сиденье?

Б.: Да, с той стороны, с подкладочной. Это говорит, что кожу уже в советское время поставили.

К.: Когда вы осматривали машину, на дверцах с внутренней стороны не было никаких значков, бирочек, надписей?

Б.: Нет, ничего. Я не помню.

К.: Когда вы снимали с полугусеничного хода, эти детали куда девались? Они тоже были отданы на Ленфильм, или вы их потом утилизировали?

Б.: Нет, это все по описи мы сдали в Ленфильм.

К.: И движитель Кегресса, и мотор — все было отдано на Ленфильм?

Б.: Да. И эти колеса, и лыжи — все. Мы когда стали смотреть, поняли, что можем сюда поставить от грузовой машины ГАЗ-51, что и было сделано. Тогда на улице Бехтерева был 3-й авторемонтный завод. И там они ГАЗ-51 ремонтировали. И мы у них приобрели. Слесарь вот этот, который на фотографии, вот он все это подогнал.

К.: У меня здесь есть акт реставрационного осмотра, который проходил на Ленфильме. Наш музей получил эту машину в 1992 году. Здесь сказано, что передние крылья от ГАЗ-АА, головные фары — не оригинал, новодел, стекла ГАЗ, еще дополнительные фары, не оригинал, — от мотоцикла КА, а вот подлинные детали остались: рулевое колесо, радиатор, капот и кузов. Это все соответствует действительности?

Б.: Да, только вот маленькие головные фары от трактора «Беларусь», а не от мотоцикла КА.

К.: А лобовое стекло от ГАЗ-АА?

Б.: Я не могу утверждать. Она была со стеклами. Стекла были свои. А мы только еще на зеркальном заводе комплект дополнительный заказали для съемок, потому что там по ходу была стрельба, стреляли через стекло, чтобы убить Ленина. Уже потом они это стекло вынимали, и с трещинами там вставляли.

К.: В 1995 году они пишут, что отсутствуют три передних боковых стекла и лобовое.

Б.: А не было стекол боковых.

К.: У нас есть фотографии этой машины с закрытым тентом. Боковые стекла вы сами ставили?

Б.: Это не стекло, это слюда. Такие пристегивались, это ее родные.

К.: Значит, это все должно у нас быть.

Б.: А от той машины остался только рулевой механизм, рулевое колесо, и рулевой механизм был приспособлен для правого управления. Она же с правым рулем.

К.: Естественно, она же английская машина.

Б.: И это все тот товарищ подсоединил. Там даже на балке переднего моста, помните, я показывал, отверстия пустые. Это от ГАЗ-51. Но как раз на следующие два отверстия — там же четыре — подошли рессоры от «Роллс-Ройса».

К.: Вы говорили, что пока машина готовилась к съемкам, вы ее водили?

Б.: Да.

К.: Вы в съемках тоже участвовали?

Б.: Я был дублером на фильмах «На одной планете» и «Поезд идет в Новое».

К.: «На одной планете» был первым фильмом, в котором участвовал этот автомобиль?

Б.: Это был первый. И где машина в движении — это я ее везде водил.

К.: Теперь давайте поговорим об этих фотографиях. Из них самая ранняя — вот эта.

Б.: Да, это когда машина стояла в боксе, и мы вели ремонт, замену двигателя.

К.: Здесь стоите вы, а эти два человека?

Б.: Это рабочие нашего завода.

К.: Это, видимо, одна из первых проб пробега, на машине никаких номеров нет.

Б.: Эта фотография снята на Тверской улице, там завод «Автоарматура».

К.: Вы ездили за какими-то дополнительными деталями?

Б.: Надо было краску найти для нее, потому что проблема была с черной краской.

К.: Вы упоминали, что когда счистили краску, то обнаружили, что кузов алюминиевый у этой машины.

Б.: Да, алюминиевый. Старую краску зеленую, защитного цвета, мы смыли и увидели, что он алюминиевый.

К.: Специалисты по автомобилям из Федеральной службы охраны президента спрашивали меня, как же она была покрашена, — ведь на алюминий краска плохо ложится. Или народные

умельцы знают какие-то особые рецепты?

Б.: Точно так же можно сказать, что алюминий не паяется. Потому что был бак алюминиевый, и он как решето. Но у нас на заводе запаяли. Он просто от времени прохудился. Но мы его запаяли.

К.: На этой фотографии машина с каким-то временным номером.

Б.: Это после того как все было установлено, мы выехали — это на Московском шоссе, на Пулковском шоссе.

К.: Это вы обкатывали перед съемками?

Б.: Да, чтобы убедиться, что все в порядке, можно на ней ездить. А номера эти — мы же тогда ремонтировали автомобили, и у обкатчиков наших, рабочих, были вот эти номера. Они вешали этот номер на ремешках и выезжали на обкатку по определенным маршрутам.

К.: Это, видимо, та же самая поездка. Остановка в дороге.

Б.: Наверно. Это слесарь.

К.: И это тоже?

Б.: Да. Вот два рабочих, а это был наш главный инженер тогда на заводе.

К.: Та же поездка, но вид сзади?

Б.: Да.

К.: А вот это тот номер, который смутил журналистов?

Б.: Откуда он взялся в 66-м году? Это уже ленфильмовцы дали номер этот, они где-то нашли. И мы сделали.

К.: Ровно с этим номером есть кадр машины на съемках фильма «Шестое июля». Этот фильм снимался в 68-м году.

Б.: Она же на Ленфильме была и там много где снималась. Вот даже сейчас идет про Колчака, «Адмирал», я смотрю — и там вроде похожа. По колесам узнал. Смотрю — колеса-то наши.

К.: На Мосфильме тоже есть «Роллс-Ройс», но не этой модели, модели «Фантом», она выпускалась с 1925 года. Очень похожа. А это то же самое? 66-й год. А что это за место такое?

Б.: Сытнинская площадь. Вот это Сытный рынок, а здесь дом 3, где я жил. Я приехал просто перед тем, как поставить в гараж в Ленфильме, в Сосновую Поляну. Я позвал сына — вот это сын стоит на подножке, видите — водитель такси остановился тоже полюбопытствовать.

К.: Это поездка 64-го года, видимо, загородная.

Б.: Нет, это все там. Так выглядело в те годы Пулковское шоссе.

К.: А это на Петроградской?

Б.: Нет, это на Московском шоссе, у завода. Вот здесь завод.

К.: Этот автомобиль примерно в 70-м году был передан в музей Ленина в Мраморном дворце, и там он стоял до начала 90-х годов. Вы его там не видели?

Б.: Я его видел. Мы его туда ставили силами завода. Его пригнали своим ходом. Вот двор, центральный вход, и слева там проем окна увеличили и краном ее туда поставили. Если вы входите в музей, она слева там стояла, и я ее видел. Специально я не ходил, но когда мы у броневика резину меняли, я заходил.

К.: Автомобиль прибыл на Ленфильм и был имуществом Ленфильма?

Б.: Может, он и не был имуществом.

К.: Передали из музея, чтобы он на Ленфильме некоторое время побыл и вернулся?

Б.: Может и так.

К.: Тогда почему не были переданы подлинные детали, которые демонтировали? Они же не попали в музей.

Б.: Мы машину получили от Ленфильма и туда вернули.

К.: И были какие-то документы о передаче?

Б.: Естественно были. Но ничего сейчас не найдете.

К.: Но можно в архиве завода посмотреть?

Б.: Ничего там нет. Завода нет. Есть архив отдела кадров, он еще там существует.

К.: А все документы находятся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. Я попытаюсь поискать документы на машину в архиве музея Ленина.

Б.: Там была такая в возрасте женщина. Когда поручили поменять резину на броневике, она так стояла, чтобы мы ничего не сломали...

К.: Меня поражает эта история, в 60-х годах, когда Ленин был уже богоподобной фигурой и все, что связано с ним, было реликвией, над которой надо трястись, привозят подлинный ленинский автомобиль из Горок и превращают его в...

Б.: Это у них называется «игровая машина».

К.: Странно, правда?

Б.: Очевидно, им не нужна была достоверность, важно было, чтобы машина двигалась. Там колеса, если приглядеться, они не очень соответствовали. Те колеса, что на лыжах...

К.: У него передние были родные? Вы их тоже сдали?

Б.: Да. Тут деревянные спицы на этих колесах. И сзади должны были быть такие же. В те времена делали колеса со спицами. Было проще, или технологии не было, чтобы сделать. Это что за полковник?

К.: Начальник Гаража особого назначения в 1921–1923 годах.

Б.: При разговоре, насколько я помню, почему в Горках, — Ленин-то уже болел, и выезжать надо было оттуда. Снег тогда не убирали. А она по снегу ходила.

К.: О той машине есть сведения, что ее делали в 20-м году, и это был не «Роллс-Ройс», а «Паккард». Он ездил на «Кегресс-Паккарде». А те машины, которые есть сейчас, когда их поставили на Кегресс и где, — непонятно. Но почти стопроцентно, что это делали не на Путиловском заводе, а в Москве, и уже после смерти Ленина, в 25–29-м годах.

Б.: Наша машина была точно такая.

К.: А откуда известно, что на Путиловском?

Б.: Говорили...

К.: Там никаких опознавательных знаков Путиловского завода не было?

Б.: Нет. Просто говорили. Ленфильмовцы через день приезжали к нам на завод, смотрели, как все идет, потому что их поджимала съемка.

К.: Сколько времени заняла реконструкция?

Б.: Сложно вспомнить в точности. Но в течение месяца–полутора мы ее пустили на ход.

К.: Эта статья 1964 года, известная вам, была опубликована 27 октября, и в ней говорилось, что практически работа закончена, а отладка завершится к 7 ноября, к 47-й годовщине Великого Октября. Если хотите, я вам экземпляр отдам. Из этой статьи я о вас и узнала.

Б.: Спасибо. В рамку повешу, в уголок и рушник.

К.: А кто были восьмидесятилетние люди, которые приходили и интересовались этим автомобилем? Это были ленфильмовцы?

Б.: Нет, их Ленфильм привез. Из разговора я понял, что один из них на этой машине во время Гражданской войны, или какая там была, возил командующего. И под Гатчиной он спас его, закрыв от разорвавшегося снаряда. Имен конечно не помню.

Я помню, читал в журнале про обкатку на «Роллс-Ройсе», у них был журнал, — я собираю двигатель и расписываюсь в журнале, у них такой порядок был. А на обкатку они выезжали через Ла-Манш, ездили в Африку и возвращались опять туда. 11–14 слоев краски было, красили так качественно.

Приходилось мне и на «Эмке» (ГАЗ-М1 /«Молотовец-1»/ — довоенный советский автомобиль — *Е. К., В. С.*) ездить, у нас была в армии.

Рулевое у «Роллс-Ройса» осталось родное, сам механизм. Механическое, никаких гидроусилителей. Автоматические коробки появились только в 50-е годы. Мне показывали машину с тентом крытую, министра военно-морского флота Кузнецова, была с автоматической коробкой. И все говорили — вот, смотри, одна педаль. И вот такая широкая — под тормоз. И все.

Трансмиссию у «Роллс-Ройса» от ГАЗ-51 заменили. Привод, конечно, задний, классический. Передний привод, если вспоминать, появился после войны, в Ленинграде такси были, ДКВ, у нас говорили «дойче киндерваген». У нее такие узенькие колесики были, сама фанерная, кузов из фанеры, двигатель типа мотоциклетного, два цилиндра и передний привод. И во всем Ленинграде такие такси были. Их из Германии привозили, а потом вытеснила их «Победа». И ручка переключения вот здесь на торпедо, вот так поворачивалась.

К.: Я посмотрела в ГИМе аналогичный автомобиль, но у нас радиатор с рисунком «змеечкой».

Б.: Это сотовый. Сейчас везде трубчатые, а этот вот такой. Площадь охлаждения больше на сотовом. И мы его не трогали, он так и стоит. А за него мы поставили от 51-го. Наливали воду. Наливали и сливали. Я его пригонял в Сосновую Поляну, а там теплое помещение. На моей практике мы реостат выкидывали, потому что на морозе, когда по малому кругу, — прихватывало, а если вода циркулирует по большому кругу, да еще прикрыть — ничего.

Когда ушел на заслуженный отдых, приобрел «каблучка» и на нем наработал 16 лет. На почте работал, потом в пожарной части. Я его пригонял к себе во двор и сливал воду. Тоже есть преимущество. В любой мороз завестись могу — кипяток принесу, залил, раз — и готово.

*Ил. 1. Маскарадный костюм великой княгини Марии Павловны:
платье в русском стиле, летник, оплечье
Мастерская Ивановых. Санкт-Петербург. 1903
Парча, бархат, шелк, газ, глазет, бусы, шнур, мишура, вышивка
ГМИ СПб*

Ил. 2

С. Л. Левицкий
Великая княгиня
Мария Павловна
в костюме боярыни
XVII века. 1903
Фотография
Частное собрание

Екатерина Трофимовна Иванова.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

СЕСТРЫ

Иванова и Трофимова.

МОДЫ и ПЛАТЬЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

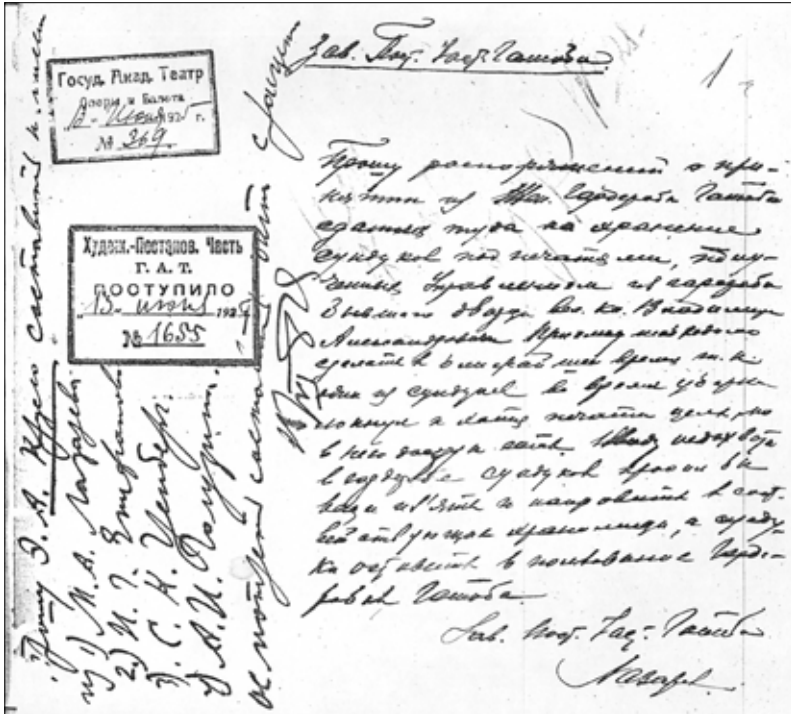
Фонданыя у Чернышова мостъ Л. № 66—7, кв. 15.

ТЕЛЕФОНЪ № 2234.

Александра Трофимовна Трофимова.

Ил. 3. Реклама мастерской сестер Е. Т. Ивановой и А. Т. Трофимовой
в книге «Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия
города Санкт-Петербурга к 200-летию юбилею столицы»
(Составитель А. С. Шустов. СПб., 1903). ГМИ СПб

Ил. 4. Записка заведующего постановочной частью
Государственного академического театра оперы и балета М. А. Лазарева
в дирекцию Госактеатров. 13 июня 1925 года
Бумага, рукописный текст, оттиски штампов. ЦГАЛИ СПб

Ил. 5
Маскарадный костюм
великой княгини
Марии Павловны:
платье в русском стиле
Фрагмент: подкладка
платья. 1903. Шелк
ГМИ СПб
На подкладке виден номер,
присвоенный предмету
в описи Главного гардероба
дирекции Госактеатров
от 2 января 1926 года

16

206/ Токо розов. атласа с прыжками на камне	№ 7091 - 15р.
на каблучках	
207/ Токо красного саяйна вышит, на каблучках	№ 7092 - 15р.
208/ Появка белого глазета с завязками	
бел. фаян. лент. —	№ 304 — 5р.
209/ Появка белого глазета с атл. бел. лент.	№ 505 - 5р.
210/ Появка белого глазета в раскрутом виде с	
завязками бел. пайков. лент.	№ 506 - 5р.
211/ Появка желт. глазета с завязками желт. лент	№ 507 - 5р.
212/ Появка оранж. бархата с завязк. оранж. лент	№ 508 - 5р.
213/ Появка оранж. бархата	№ 509 - 5р.
214/ Платье розов. атлас. серебр. м. ур. с отд. серебр. кружев	№ 989 - 100р.
215/ Лич. бел. парчи вышит. серебром	№ 990 - 15р.
216/ Появка лилов. бархата с муаров. лентами	№ 510 - 5р.
217/ Прыж. оранж. платье лилового бархата на	
серебряном шнуре, отд. серебр. вышит. част. кот. снята	№ 913 - 350р.
218/ Спирки розов. вышит. материя атлас. серебр.	8р. селестр.
в 2-х кусках (бел. шнур, желт. атлас, желт. лент)	№ 511 - 15р.
219/ Ложонник желт. парчи с отд. бел. и красного	
бархата с желт. лент.	
220/ Ложонник глазета с отд. бус и желт. муаров. лент.	№ 512 - 3р.
221/ Лич. золотой парчи, отд. барх. камней и стекла.	
бахрома	85р. — № 991
222/ Сарафан красн. с золот. парчи /летник/ отд.	
черн. барх. и бус., рукава роз. мате. зол. парчи,	
весь на кандузе.	300р. — № 1001
223/ Лич. красн. с золот. парчи, низ. рукава красн.	
барх. и вышит. бус., с отд. черн. барх. и бус, вышит	
на желтом атласе	300р. — № 1002
224/ Трен оранж. барх. отд. вышитой бус и золотом,	
парчи, на желт. атласе	100р. — № 993
225/ Шка золот. глазета вышит. цвотн. гарусом отд.	
оранж. бархата камней и золот. и стекла. бахрома	№ 992 - 200р.

Ил. 6. Опись, составленная в Главном гардеробе дирекции Госактеатров при осмотре вещей из дворца великого князя Владимира Александровича. Фрагмент. 2 января 1926 года. Бумага, печатный и рукописный текст. ЦГАЛИ СПб

*Ил. 1. В. Д. Сверчков. Вид Гельсингфорса с башни Новой церкви. 1843
Литография с тоном. ГМИ СПб*

*Ил. 2. В. Д. Сверчков. Вид Гельсингфорса от Обсерватории. 1843
Литография с тоном. ГМИ СПб*

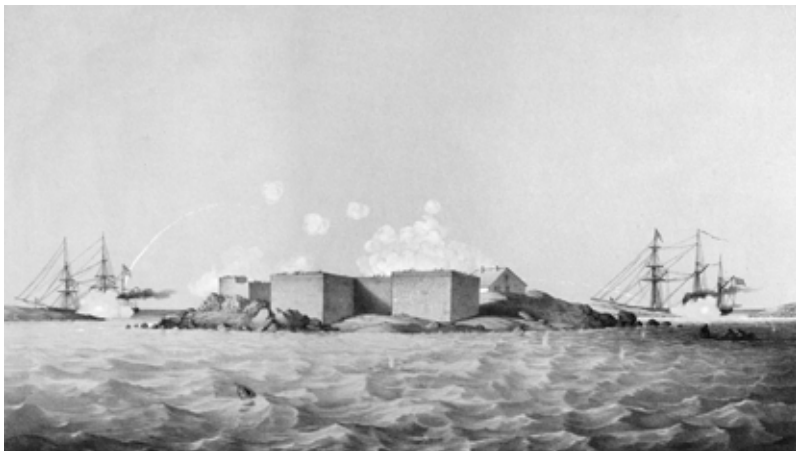
*Ил. 3. В. Д. Сверчков. Вид Гельсингфорса от Обсерватории. Фрагмент. 1843
Литография с тоном. ГМИ СПб*

*Ил. 4. В. Д. Сверчков. Сдача английского баркаса при отражении англичан
у Гамле-Карлебю, 26 мая 1854 года. 1855. Литография
Из альбома «Эскизы из войны в Финляндии 1854 года, с Высочайшего соизволения
рисованные с натуры и издаваемые Владимиром Сверчковым». СПб., 1855. РНБ*

*Ил. 5. В. Д. Сверчков. Начало сражения у Гамле-Карлебю. 1855. Литография
Из альбома «Эскизы из войны в Финляндии 1854 года, с Высочайшего соизволения
рисованные с натуры и издаваемые Владимиром Сверчковым». СПб., 1855. РНБ*

*Ил. 6. В. Д. Сверчков. Форт Густавсверн отражает англичан при атаке их
на Гангеутские укрепления 10 мая 1854 года. 1855. Литография
Из альбома «Эскизы из войны в Финляндии 1854 года, с Высочайшего соизволения
рисованные с натуры и издаваемые Владимиром Сверчковым». СПб., 1855. РНБ*

*Ил. 1. К. К. Булла. Портрет герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого. 1901–1902
Фотография. ГМИ СПб*

*Ил. 1. И. П. Витали. Венера, снимающая сандалию. 1852
Мрамор. ГРМ*

Ил. 2. И. П. Витали
Венера, снимающая сандалию
(«Сергиевская»). 1852

Бронза

Находилась в усадьбе
герцога М. Лейхтенбергского
«Сергиевка»

Ил. 3. Изготовление формы со скульптуры
«Венера, снимающая сандалию»
(«Сергиевская») для отливки бронзовой
копии. Декабрь 2008. Фотография

Ил. 4
И. П. Витали
Венера, снимающая сандалию
(«Ольгиноостровская»)
2009
Бронза
Копия
ГМЗ «Петергоф»
Установлена в 2009 году
на Ольгином острове
в Петергофе

Ил. 5
Скульптура «Венера,
снимающая сандалию»
(«Румянцевская»)
на парадной лестнице
особняка Румянцева
22 июля 2009
Фотография
Рядом – автор статьи
Д. В. Осипов

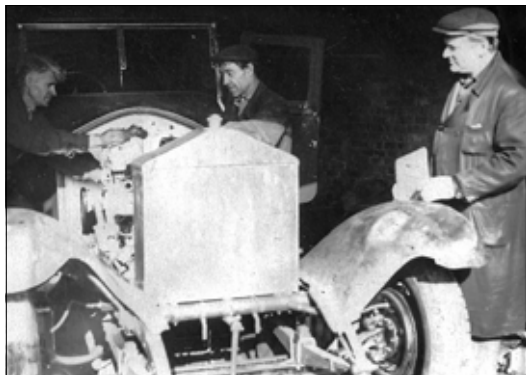
*Ил. 1. П. С. Демидов, О. В. Трубский. Автомобиль «Роллс-Ройс»
из коллекции ГМИ СПб в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости
2002. Фотография. ГМИ СПб*

*Ил. 2. И. В. Антипов
Фирменная табличка с номером шасси
автомобиля «Роллс-Ройс»
из собрания ГМИ СПб
2010. Фотография. ГМИ СПб*

*Ил. 3. Неизвестный
фотограф. Испытания
снегоходных машин
на Воробьевых горах.
Автомобиль «Роллс-Ройс»
с двигателем Керресса
1931. Фотография
РГАКФД*

Ил. 4. Неизвестный фотограф. Замена двигателя автомобиля «Роллс-Ройс» в мастерской 1-го Ленинградского авторемонтного завода. Сентябрь 1964

Фотография. Собрание Ю. М. Бабицкого

Справа — Ю. М. Бабицкий, старший технолог завода

Ил. 5. Неизвестный фотограф. Первый выезд «Роллс-Ройса» после замены двигателя У проходной 1-го Ленинградского авторемонтного завода (Московский пр., 181)

Октябрь 1964. Фотография. Собрание Ю. М. Бабицкого

За рулем — Ю. М. Бабицкий. В салоне машины и рядом с ней — работники автозавода

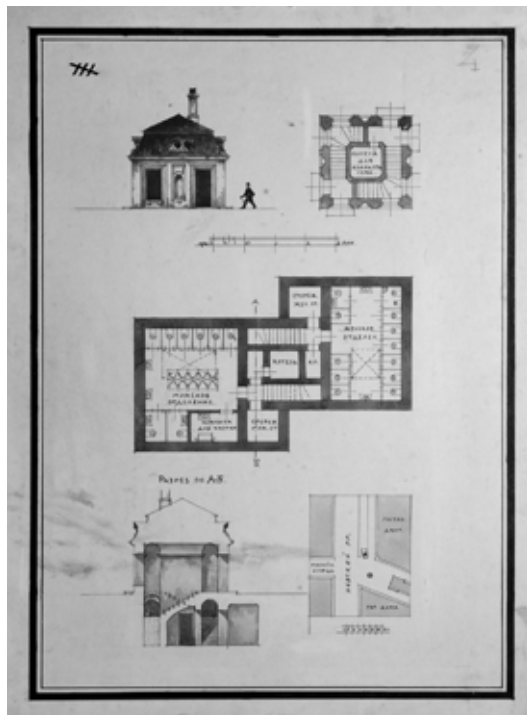

Ил. 6. Неизвестный фотограф
Обкатка автомобиля «Роллс-Ройс» на Пулковском шоссе. Октябрь 1964
Фотография. Собрание Ю. М. Бабицкого

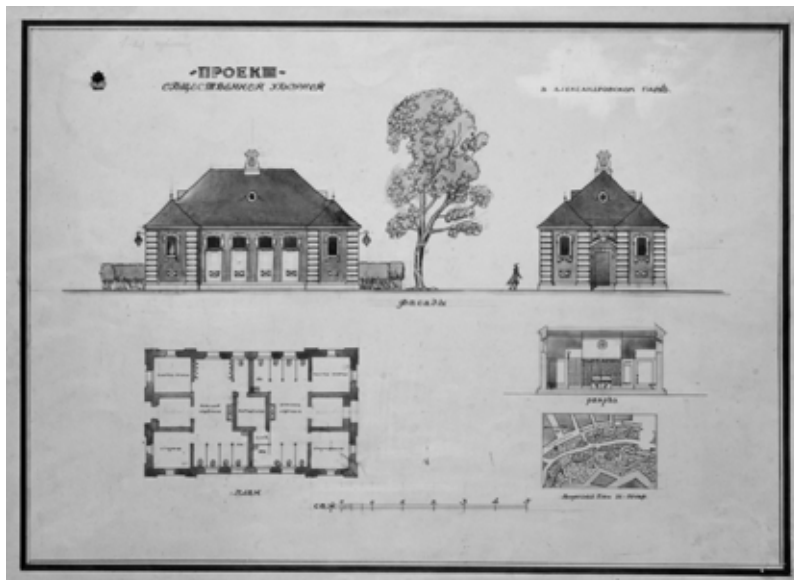

Ил. 7. Неизвестный фотограф
Автомобиль «Роллс-Ройс» у Сытного рынка. Подготовка к съемке фильма. 1966
Фотография. Собрание Ю. М. Бабицкого

Ил. 1
А. И. Гегелло
Конкурсный проект
подземной
общественной уборной
у Гостиного двора
I премия
Фасад наземной части,
разрез, планы
и генеральный план
местности
1919
Бумага на картоне,
тушь, сепия
ГМИ СПб
*Публикуется
впервые*

Ил. 2. В. Н. Талепоровский
Конкурсный проект подземной общественной уборной у Гостиного двора
Фасад наземной части. 1919. Бумага на картоне, тушь, акварель. ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 3. С. Ф. Гроер

Конкурсный проект общественной наземной уборной в Александровском парке

I премия. Фасады, разрез, план, генеральный план местности. 1919

Бумага, тушь, акварель. ГМИ СПб

Публикуется впервые

Ил. 4. В. Н. Талепоровский

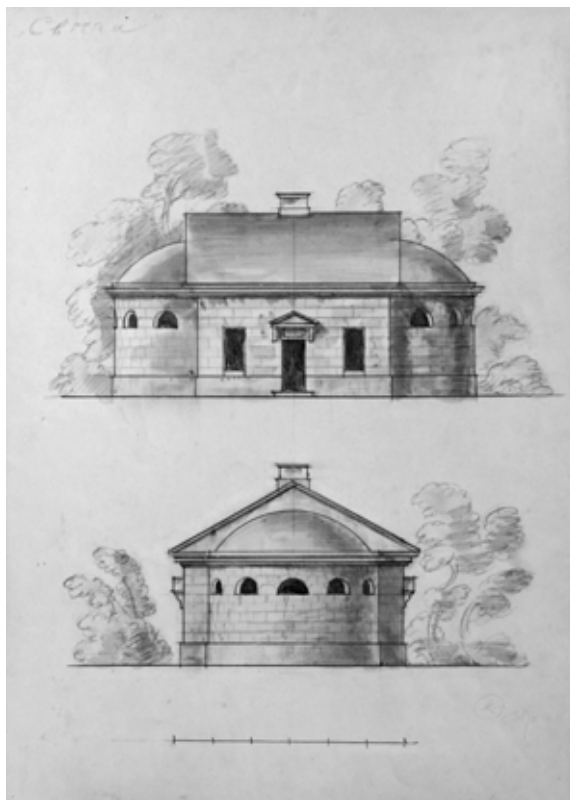
Конкурсный проект наземной общественной уборной

II премия. Фасад, план. 1919

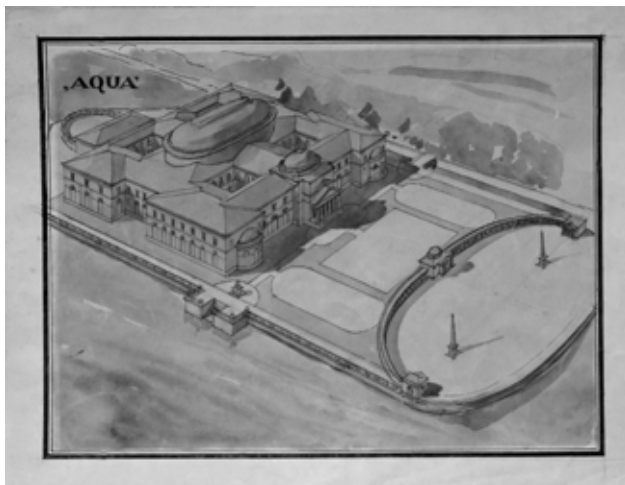
Бумага на картоне, тушь, акварель. ГМИ СПб

Публикуется впервые

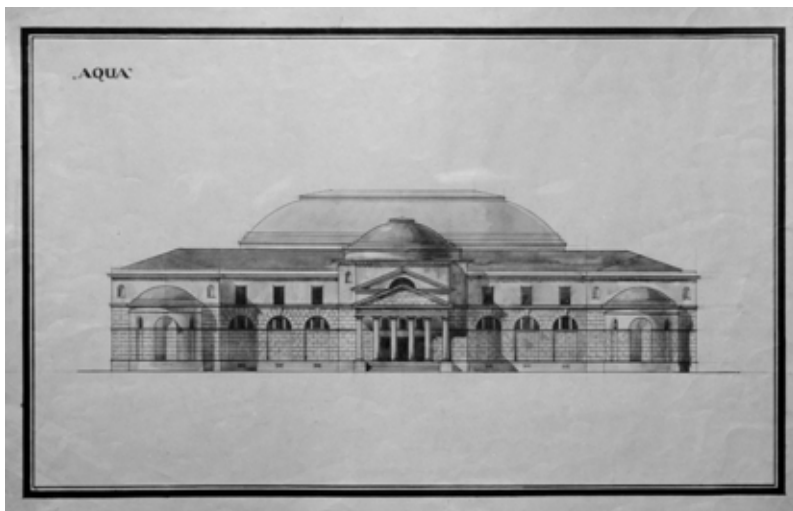
Ил. 5
А. Я. Белобородов
Конкурсный проект
наземной
общественной
уборной
у Михайловского
сада
Фасады
1919
Бумага, карандаш,
тушь, сепия
ГМИ СПб

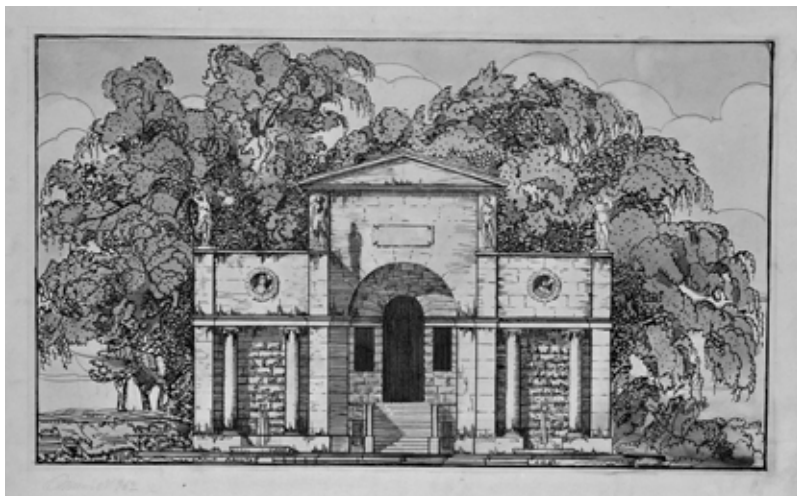
Ил. 6. И. Г. Лангбард
Конкурсный проект первых районных терм на Ватном острове
Фасад со стороны Александровского (ныне Добролюбова) проспекта. 1920
Бумага, тушь, сепия. ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 7. А. Е. Белогруд (?)
Конкурсный проект первых районных терм на Ватном острове в Петрограде
Аксонометрия. 1920. Бумага, тушь. ГМИ СПб

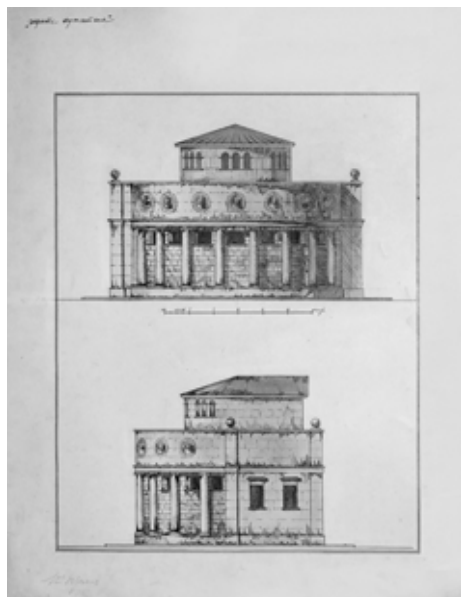

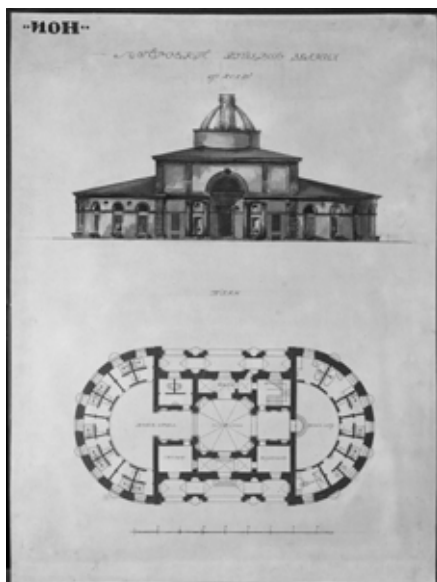
Ил. 8. А. Е. Белогруд (?)
Конкурсный проект первых районных терм на Ватном острове
Главный фасад. 1920. Бумага, тушь, сепия. ГМИ СПб. Публикуется впервые

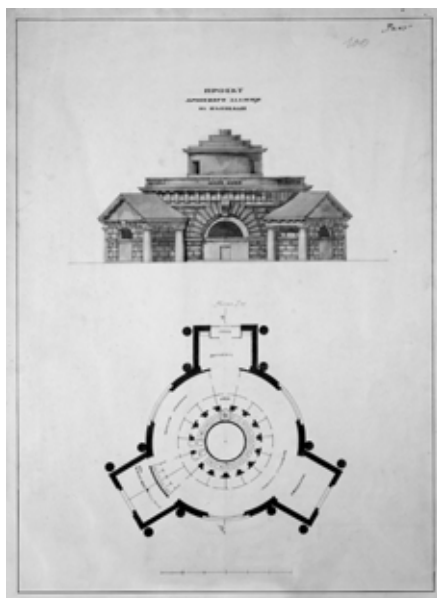
Ил. 9. И. Г. Лангбард
Конкурсный проект душевого павильона. I премия. Главный фасад. 1920
Бумага на картоне, тушь. ГМИ СПб

Ил. 10
И. Г. Лангбард
Конкурсный проект
душевого павильона
I премия
Задний и боковой
фасады
1920
Бумага, тушь
ГМИ СПб
*Публикуется
впервые*

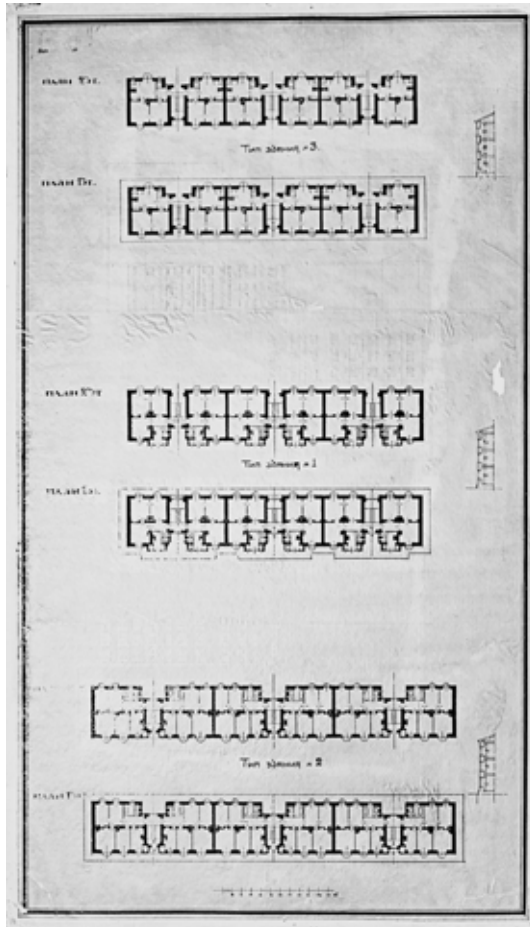
Ил. 11
Н. А. Троцкий
Конкурсный проект
душевого павильона
II премия
Фасад, план
Бумага, тушь,
акварель
1920
ГМИ СПб
*Публикуется
впервые*

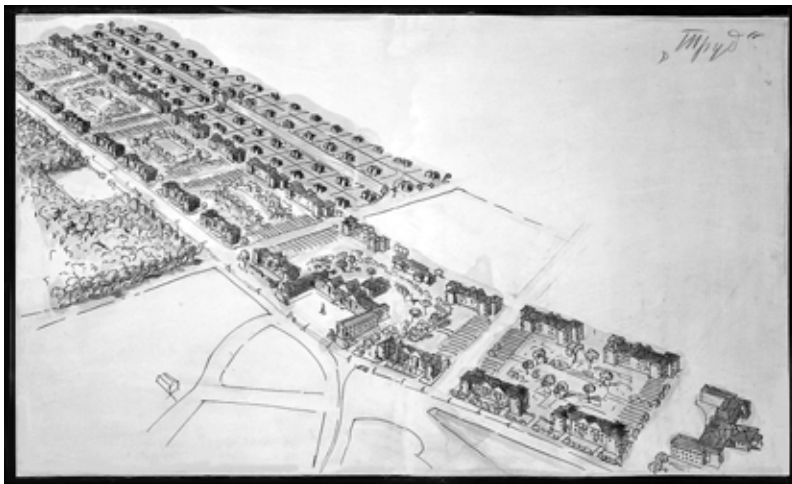
Ил. 12
Д. П. Бурыйшкін
Конкурсный проект
душевого павильона
Фасад,
план 1-го этажа
1920
Бумага, тушь,
акварель
ГМИ СПб

Конкурс

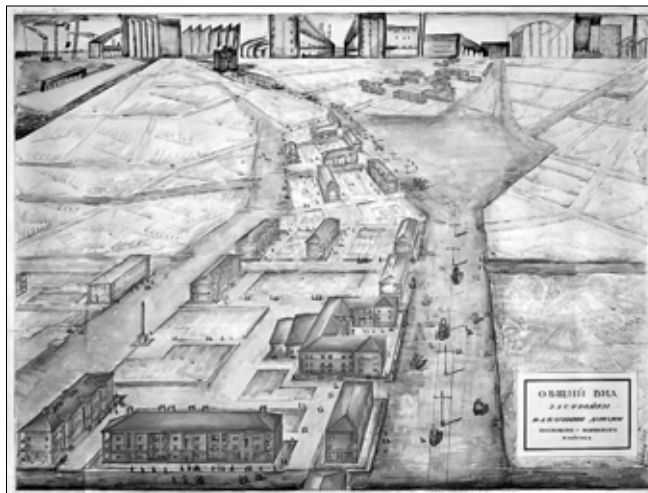
Комитета содействия рабочему жилищному кооперативному строительству
«на составление проектов новых типов жилых домов для рабочего населения»
в Московско-Нарвском и Володарском районах Ленинграда. 1925

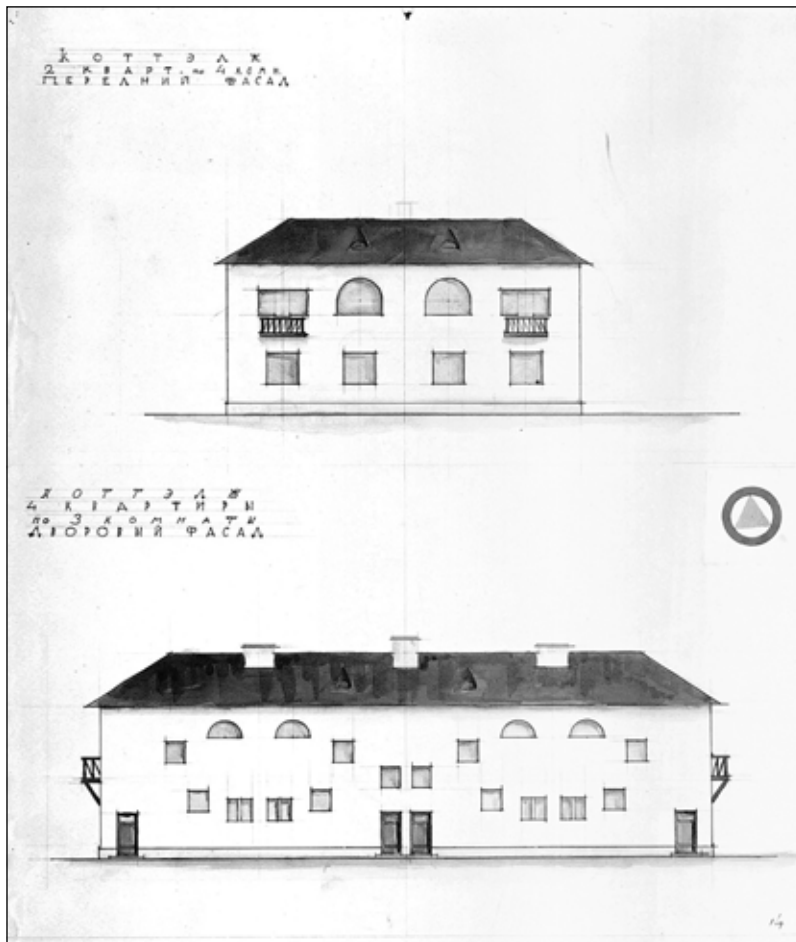
Ил. 1. И. Г. Лангбард, С. Я. Турковский. Конкурсный проект застройки участков в Московско-Нарвском районе под девизом «Во!». I премия
Планы 1 и 2 этажей, фасад и поперечный разрез жилого дома (тип № 3)
Планы 1 и 2 этажей, фасад и поперечный разрез жилого дома (тип № 1)
Планы 1 и 2 этажей, фасад и поперечный разрез жилого дома (тип № 2). 1925
Восковка (калька), наклеенная на картон, карандаш, тушь, акварель. ГМИ СПб

Ил. 2. И. А. Фомин. Конкурсный проект застройки участков в Московско-Нарвском районе под девизом «Труд». II премия. Перспективный вид застройки Путиловского района (Серафимовский участок). 1925. Бумага, тушь, акварель. ГМИ СПб

Ил. 3. Н. А. Троцкий, М. С. Рейзман, В. И. Ходов. Конкурсный проект застройки участков в Московско-Нарвском районе под девизом «Красный город». III премия. Перспективный вид застройки Крыловского и Серафимовского участков. 1925. Бумага, дублированная на бумагу, тушь, акварель. ГМИ СПб

Ил. 4. П. И. Сидоров

Конкурсный проект застройки участков в Московско-Нарвском районе

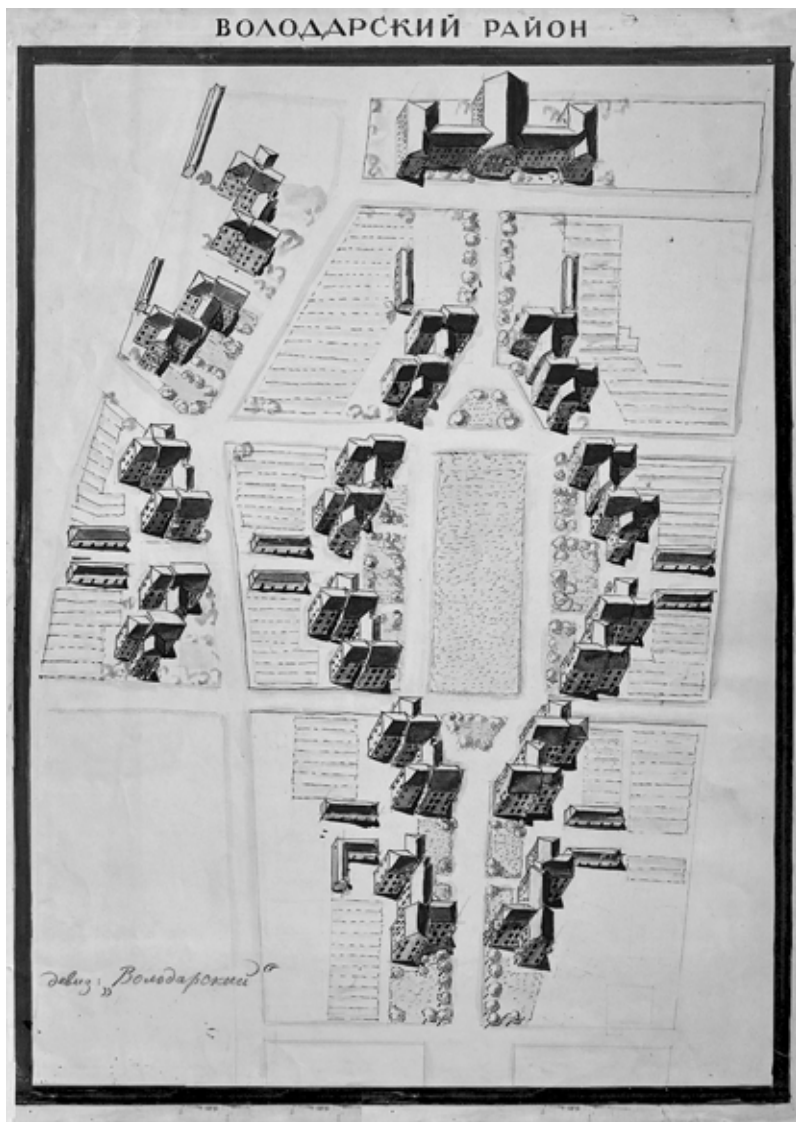
под девизом «Треугольник в круге». IV премия

Главный фасад жилого дома-коттеджа на 2 квартиры

Дворовый фасад жилого дома-коттеджа на 4 квартиры. 1925

Бумага, тушь, акварель, чернила

ГМИ СПб

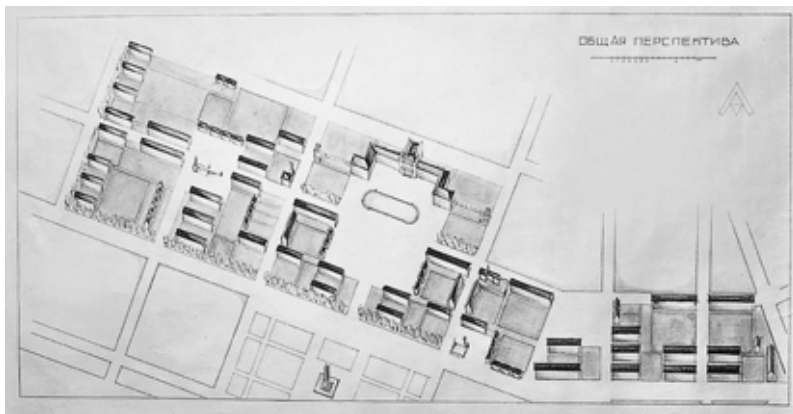
Ил. 5. И. А. Фомин. Конкурсный проект застройки участков в Володарском районе под девизом «Володарский». I премия. Перспективный вид застройки участка. 1925
Бумага, тушь, акварель, карандаш. ГМИ СПб

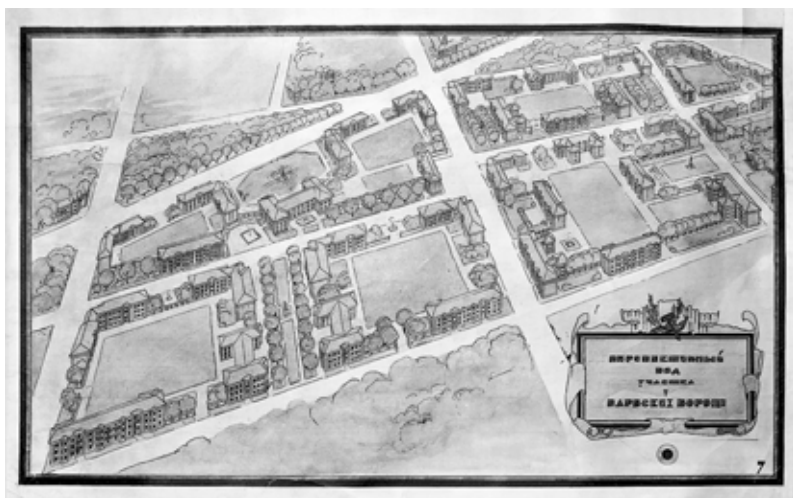
Ил. 6. Н. А. Троцкий, М. С. Рейзман, В. И. Ходов. Конкурсный проект застройки участков в Володарском районе под девизом «Новый город». III премия
Перспективный вид застройки участка. 1925. Бумага, карандаш, акварель. ГМИ СПб

Ил. 7. Ю. Ю. Бенуа, при участии Л. Н. Бенуа. Конкурсный проект застройки участков Московско-Нарвского и Володарского районов под девизом «Косо пересеченный круг». VI премия по Московско-Нарвскому, VI премия по Володарскому районам. Перспективный вид застройки участка у Нарвских ворот (Крыловский участок). 1925
Бумага, наклеенная на бумагу, тушь, акварель, карандаш. ГМИ СПб

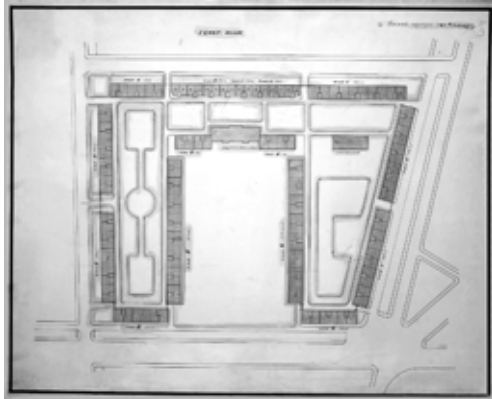
Ил. 8. Неизвестный автор. Конкурсный проект застройки участков в Московско-Нарвском районе под девизом «А». Рекомендован к приобретению Генеральный план застройки участков у Путиловского завода (Серафимовского) и Нарвских ворот (Крыловского). 1925. Бумага, тушь, цветная тушь. ГМИ СПб

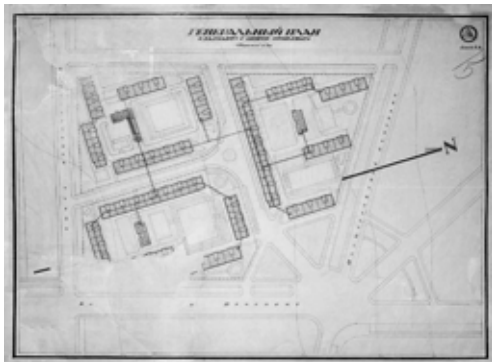
Ил. 9. Неизвестный автор. Конкурсный проект застройки участков в Московско-Нарвском районе под девизом «Черный круг в красном». Рекомендован к приобретению. Перспективный вид застройки участка у Нарвских ворот (Крыловский участок). 1925
Бумага, карандаш, тушь, акварель. ГМИ СПб

Конкурс

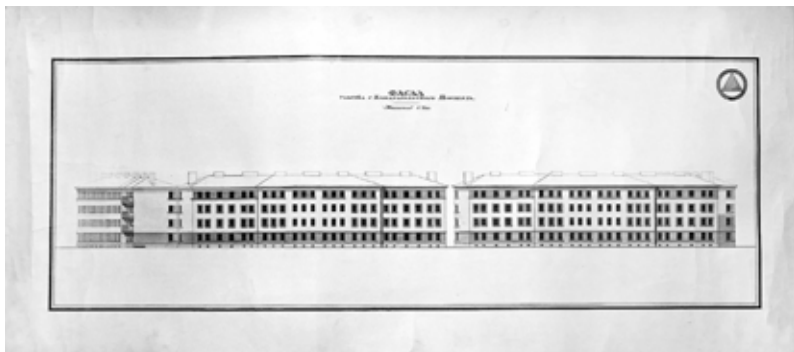
Комитета содействия рабочему жилищному кооперативному строительству
на планировку и застройку многоквартирными домами
участка на пересечении Кондратьевского и Полюстровского проспектов
(«Кондратьевский жилмассив»). 1928

Ил. 10. Д. П. Бурышкин, Л. М. Тверской, Л. Д. Аكوпова (?), Л. М. Малышев
Конкурсный проект под девизом «Долой черную лестницу!»
Вариант с центральным отоплением. I премия. Генеральный план участка. 1928
Бумага, тушь, акварель. ГМИ СПб

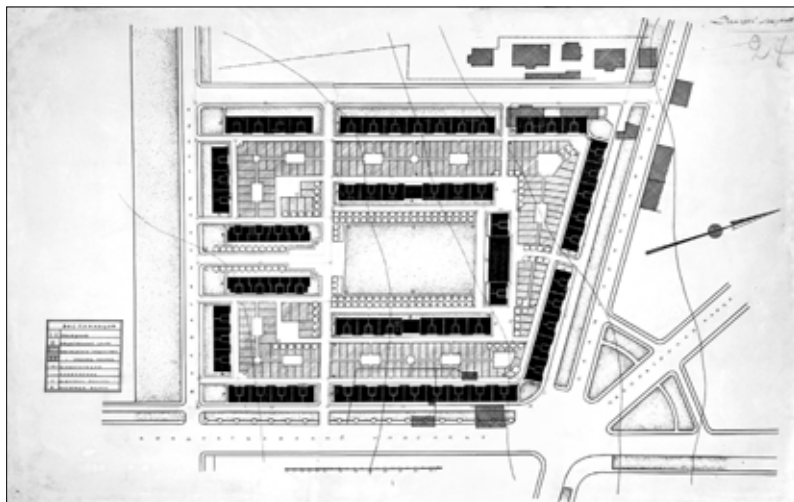

Ил. 11. В. Ф. Райлян, В. И. Упатчев (Упатчев). Конкурсный проект под девизом
«Красный треугольник в зеленом круге». Вариант с центральным отоплением
(II премия) и вариант с печным отоплением (без премии)
Генеральный план застройки участка. Вариант с центральным отоплением. 1928
Бумага, дублированная на бумагу, тушь, акварель. ГМИ СПб

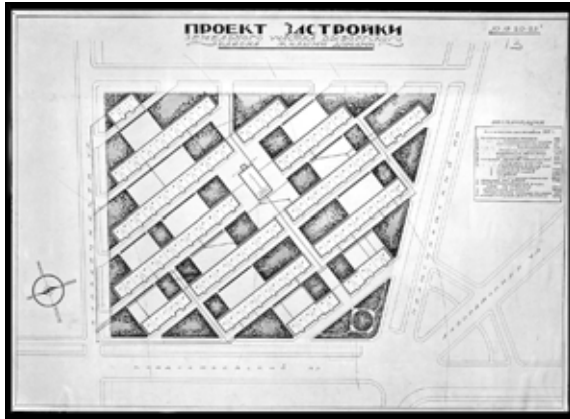

Ил. 12. В. Ф. Райлян, В. И. Упачев (Упатчев)

Конкурсный проект под девизом «Красный треугольник в зеленом круге»
Вариант с центральным отоплением (II премия) и вариант с печным отоплением
(без премии). Фасады жилых корпусов по Кондратьевскому проспекту. 1928
Бумага, тушь, цветная тушь. ГМИ СПб

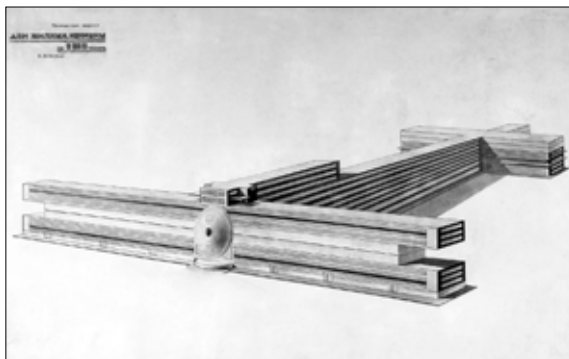
Ил. 13. Д. П. Бурыйшкін, Л. М. Тверской, Л. Д. Аكوпова, О. И. Руднева,
при участии Н. Д. Каценеленбогена. Конкурсный проект под девизом
«Дашь лифт!». Вариант с печным отоплением. II премия
Генеральный план застройки участка. 1928
Бумага, тушь, чернила. ГМИ СПб

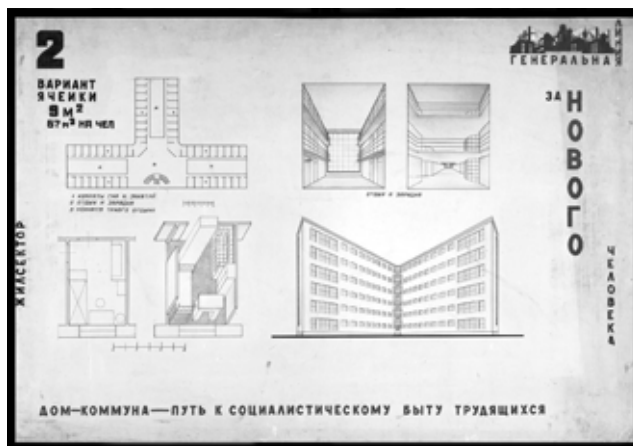
Ил. 14. С. Е. Бровцев, А. В. Петров, при участии А. И. Омелина, Н. К. Данини
Консультант В. П. Апышков. Проектное бюро акционерного общества
«Ленинградстрой». Конкурсный проект под девизом «-10-15-20-25-»
Вариант с печным отоплением. IV премия. Генеральный план застройки участка
1928. Бумага на картоне, тушь, гуашь, акварель, чернила. ГМИ СПб

Конкурс

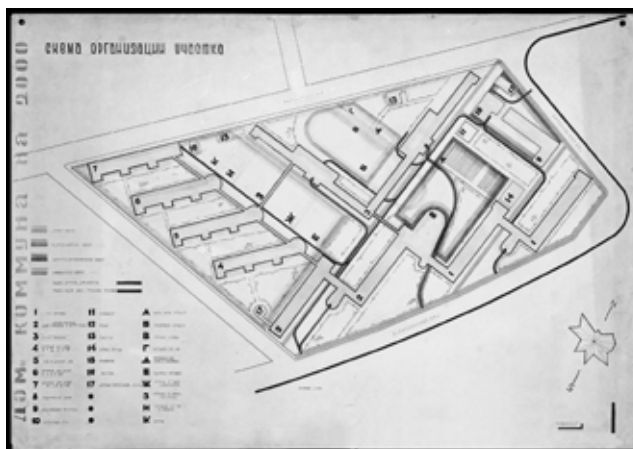
**Комитета содействия рабочему жилищному кооперативному строительству
на планировку и застройку многоквартирными домами участка
на пересечении Кондратьевского и Полостровского проспектов
(«Кондратьевский жилмассив»). 1928**

Ил. 15. К. Н. Шеенков, Д. Г. Потапов (Иваново-Вознесенск)
Проект под девизом «Ответ Пию». 1 тур конкурса (VII премия). Аксонометрия
1930. Бумага, дублированная на ткань, тушь, цветная тушь, акварель. ГМИ СПб

Ил. 16. И. Прокофьев, В. Н. Хруцкий, И. М. Чайко, Т. Н. Чегодаева. При участии художника А. Н. Прошкина. Проект под девизом «Генеральная линия» 1 тур конкурса (без премии). Жилой сектор. План этажа, план жилой ячейки, аксонометрия жилой ячейки, перспективный вид коридора, перспектива фасада 1930. Бумага на картоне, тушь, карандаш, аппликация. ГМИ СПб

Ил. 17. Бригада ЛО ВОПРА: Н. В. Баранов, А. Н. Кривецкий, В. Я. Нотес, Н. Д. Чемоданов, М. Е. Русаков, В. Романов. Проект под девизом «Смена» 2 тур конкурса. III премия. Генеральный план застройки участка, ограниченного Алексеевским проспектом, Мало-Спасской и Путиловской улицами 1930. Бумага на картоне, тушь, акварель, цветная тушь. ГМИ СПб

*Ил. 1. А. А. Кроленко. А. А. Кроленко в кабинете. 1924
Стереофотография. ГМИ СПб. Публикуется впервые*

Ил. 2. А. А. Кроленко
А. А. Кроленко и В. Н. Пастухов
на палубе парохода
«Царь Михаил Федорович». 1915
Стереофотография. ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 3. В. Н. Пастухов
Алжир
Дилижанс на городской улице. 1900-е
Стереофотография. ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 4. В. Н. Пастухов
Монако. Городской вид. 1900-е
Стереофотография. ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 5. Неизвестный фотограф
Франко-русские торжества
по случаю государственного визита
в Санкт-Петербург
президента Франции Э. Лубе
Праздничное оформление
Варшавского вокзала. 1902
Стереофотография. ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 6. Неизвестный фотограф
Франко-российские торжества
по случаю государственного визита
в Санкт-Петербург президента
Франции Э. Лубе. Праздничное
оформление Нового Арсенала. 1902
Стереофотография
ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 7. Неизвестный фотограф
Санкт-Петербург
Вид на Петроградскую сторону
с Биржевого моста. 1902
Стереофотография
ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 8. Неизвестный фотограф
Санкт-Петербург
Вид Екатерининского канала. 1910-е
Стереофотография
ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 9. Неизвестный фотограф
Санкт-Петербург
Калинкин мост. 1912–1916
Стереофотография
ГМИ СПб
Публикуется впервые

*Ил. 10. Неизвестный фотограф
Санкт-Петербург
Моштение Исаакиевской площади
(на заднем плане — новое здание
Германского посольства). 1913–1914
Стереοфотография
ГМИ СПб
Публикуется впервые*

*Ил. 11. А. А. Кроленко
Альб. Н. Бенуа на террасе своей дачи
в Новом Петергофе. 1915
Стереοфотография
ГМИ СПб
Публикуется впервые*

*Ил. 12. А. А. Кроленко
Н. В. Болдырев
1916
Стереοфотография
ГМИ СПб
Публикуется впервые*

*Ил. 13. А. А. Кроленко
Похороны Г. В. Плеханова в Петрограде
Процессия на Гороховой улице. 1918
Стереοфотография
ГМИ СПб
Снимок сделан из окна квартиры Кроленко
Публикуется впервые*

Ил. 14. А. А. Кроленко
В магазине издательства «Academia»
1922
Стереοфотография
ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 15. А. А. Кроленко
М. А. Кузмин и Н. П. Акимов
за игрой в шахматы
1930
Стереοфотография
ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 16. А. А. Кроленко
Д. Д. Шостакович и И. Д. Гликман
на даче Шостаковича в Комарово
1952
Стереοфотография
ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 17. А. А. Кроленко
А. И. Райкин с женой Руфиной
Марковной в гостях у Н. П. Акимова
1953
Стереοфотография
ГМИ СПб
Публикуется впервые

Ил. 1. Гербарий,
составленный узниками
Шлиссельбургской крепости
для Подвижного музея
Начало XX века
ГМП ИР
Публикуется впервые

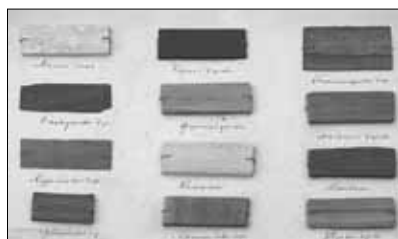

Ил. 2
Коллекция минералов,
составленная узниками
Шлиссельбургской
крепости для Подвижного
музея. Начало XX века
ГМП ИР
Публикуется впервые

Ил. 3. Коллекция
лишайников,
составленная узниками
Шлиссельбургской
крепости
для Подвижного музея
Начало XX века. ГМП ИР
Публикуется впервые

Ил. 4. Коллекция грибов, составленная
узниками Шлиссельбургской крепости
для Подвижного музея
Начало XX века. ГМП ИР
Публикуется впервые

Ил. 5. Коллекция образцов
древесины, составленная узниками
Шлиссельбургской крепости
для Подвижного музея
Начало XX века. ГМП ИР
Публикуется впервые

Ил. 1
Неизвестный фотограф
Н. С. Климова
Начало 1900-х
Фотография
Частное собрание
(Москва)
*Публикуется
впервые*

Ил. 2
Неизвестный фотограф
С. С. Климов,
отец Н. С. Климовой
Начало 1900-х
Фотография
Частное собрание
(Москва)
*Публикуется
впервые*

Ил. 3

М. Н. Конарский
Л. Н. Выропаева (Климова),
мать Н. С. Климовой
1870-е

Фотография
Частное собрание
(Москва)
Публикуется впервые

Ил. 4

Р. Крывкин (?)
О. Н. Климова,
тетя

Н. С. Климовой
Рязань
1890-е

Фотография
Частное
собрание
(Москва)
*Публикуется
впервые*

Ил. 5

Неизвестный фотограф
Н. С. Столярова (Климова)
с дочерьми Катей и Наташей
на вилле Вальроз, Ницца
1918. Фотография

Частное собрание (Москва)
Публикуется впервые

Ил. 1
Неизвестный фотограф
Разрушенный дом № 7
Петропавловской крепости
1943–1945
Фотография
ГМИ СПб

Ил. 2
Б. П. Кудяров (?)
Звукоулавливатели
на Государевом
бастионе
Петропавловской
крепости
1942
Фотография
ГМИ СПб

Ил. 3
Неизвестный фотограф
Восстановление
разрушенного дома № 11
Петропавловской крепости
Конец 1940-х
Фотография
ГМИ СПб

*Ил. 1. Участница конкурса юных экскурсоводов
Екатерина Малай. Тема: «Мода и костюм». 2006*

Ил. 2. Зачет по музееведению. Май 2002

Ил. 3. Участники и члены жюри конкурса юных экскурсоводов. 2006

Ил. 4. Защита проекта «Музей декабристов». 2006

Л. А. Кирикова

К истории проведения архитектурных конкурсов в Петрограде в первые послереволюционные годы

Осенью 2009 года в Государственном музее истории Санкт-Петербурга прошла выставка «Чистота: от традиции к цивилизации», посвященная истории коммунальной гигиены в Петербурге. На ней впервые были широко представлены хранящиеся в собрании музея материалы конкурсов на проект общественных уборных, терм и душевых павильонов, проведенных в 1919–1920 годах Архитектурной мастерской Совета по урегулированию плана Петрограда и его окраин. Авторами этих эффектных по графике работ являлись талантливые молодые архитекторы: Д. П. Бурыйшкін, А. И. Гегелло, В. Г. Гельфрейх, И. Г. Лангбард, Л. М. Тверской, Н. А. Троцкий и др. Их проекты, выполненные в годы Гражданской войны и финансового кризиса, остались неосуществленными. Тем не менее они представляют несомненный интерес как с точки зрения формирования творческого «почерка» будущих известных ленинградских зодчих, так и процесса становления советской архитектуры.

История проведения конкурсов в Петрограде в первые послереволюционные годы остается недостаточно изученной. Из трех конкурсов, о которых пойдет речь ниже, в поле зрения исследователей оказался лишь конкурс на проект терм на Ватном острове. Впервые его материалы были опубликованы в трудах В. Э. Хазановой более 50 лет назад¹. В своих работах московская исследовательница допустила ряд неточностей в атрибуции. В частности, авторство проекта под девизом «Два красных треугольника», получившего II премию, приписано Н. А. Троцкому

¹ Хазанова В. Э. Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы. М., 1963. С. 164–165; *Она же*. Советская архитектура первых лет Октября. М., 1970. С. 128, 129.

и Л. М. Тверскому. В действительности же проект выполнил Л. М. Тверской вместе со своим братом инженером В. М. Тверским. Вслед за Хазановой ту же ошибку повторила Т. Э. Суздалева в книге о Н. А. Троцком и авторы каталога графических работ Н. А. Троцкого, хранящихся в ГМИ СПб².

Изучение в ЦГАЛИ СПб протоколов заседаний Совета по урегулированию плана Петрограда и Художественного совета Архитектурной мастерской позволило выяснить историю проведения этих конкурсов, а также уточнить атрибуцию ряда листов из музейного собрания³.

Активизация конкурсной практики в Петрограде в первые послереволюционные годы связана с деятельностью Архитектурной мастерской Совета по урегулированию плана Петрограда и его окраин. Идея ее создания принадлежала архитектору М. И. Рославлеву. В своей докладной записке Петроградскому Совету Коммунального хозяйства, он обратил внимание городских властей на «бессистемность и разбросанность» в деле городского благоустройства. В качестве примера архитектор привел факты снятия решетки Зимнего дворца и установки «где попало» памятников деятелям революции. По мнению автора записки, необходимо уделять большее внимание проблемам «городской эстетики»: «Эстетика для народа вовсе не роскошь, а право и потребность в такой же мере, как и гигиена»⁴. Чтобы избежать ошибок в области городской «санитарии, гигиены и красоты», Рославлев предложил сосредоточить все полномочия по решению этих вопросов в Отделе благоустройства, учредив при нем Архитектурную мастерскую. Задачи мастерской он определил следующим образом: «общий проект плана города и его окрестностей», «более подробные планы отдельных районов», «детальные проекты улиц, площадей, садов и пр.», «эскизы отдельных сооружений»⁵.

² Суздалева Т. Э. Н. А. Троцкий. Л., 1991. С. 30; Архитектор Ной Абрамович Троцкий. Графика и документы из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга / Составители В. Г. Авдеев, Т. М. Семенова. СПб., 2005. С. 34.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 29, 30, 38, 70, 86.

⁴ В. А. Архитектурная мастерская Совета коммунального хозяйства // Жизнь искусства. 27 января 1920. С. 3.

⁵ Там же. Многие положения докладной записки М. И. Рославлева впоследствии вошли в «Программу работ мастерской», которую И. А. Фомин изложил на первом заседании Совета по урегулированию плана Петрограда 28 июня 1919 года.

На основании записки М. И. Рославлева 19 мая 1919 года Коллегией Петроградского Совета коммунального хозяйства было принято решение об организации при Отделе благоустройства Совета по урегулированию плана Петрограда и его окраин с Архитектурной мастерской. В Совет вошли члены Коллегии, руководители управлений мостовых, канализации, мостов и набережных, межевого и статистического отделов. Председателем Совета стал заведующий отделом благоустройства М. И. Хахарев (8 декабря 1919 его сменил на этом посту Л. М. Михайлов), главным инженером — В. К. Ефимьев.

Архитектурную мастерскую, разместившуюся в бывшем доме А. Н. Оболенской на Моховой ул., 20, возглавил академик архитектуры И. А. Фомин. Первоначально мастерская состояла из шести архитекторов: М. И. Рославлев (заместитель), А. М. Литвиненко (ученый секретарь), Б. А. Альмединген, С. Ф. Гроер, Л. М. Тверской и Б. Д. Цинзерлинг. В 1920 году в мастерскую пришли Д. П. Бурышкин, В. Г. Гельфрейх, С. С. Некрасов, А. С. Никольский, С. С. Серафимов, Н. А. Троцкий и другие специалисты. При мастерской был сформирован свой Художественный совет, куда на положении экспертов входили профессор-гигиенист В. П. Кашкадамов и «известные авторитеты в области искусства»: А. Н. Бенуа, П. П. Вейнер, М. В. Добужинский, В. К. Лукомский, А. П. Остроумова-Лебедева и др.

Деятельность мастерской была многообразной⁶. Здесь утверждались проекты различных управлений Отдела благоустройства «для окончательного разрешения в отношении удовлетворения эстетики». Составлялись общие и детальные планы «будущего Петрограда» и проектировались «новые

⁶ Подробнее о работе мастерской см.: *Повелихина А. В.* Первая советская архитектурная мастерская в Петрограде // Вопросы архитектуры и графики. Доклады XII научной конференции / Ленингр. инж.-стр. ин-т. Л., 1964. С. 81–83; *Лисовский В. Г.* О градостроительных работах И. А. Фомина // Проблемы синтеза искусств / Академия художеств СССР. Л., 1972. С. 34–40; *Казусь И. А.* Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М., 2009. С. 46–49, 277–278. В конце ноября 1920 Архитектурная мастерская, переименованная в Научно-художественное бюро, вошла в состав Отдела градостроительства Петрогубсовкомхоза (бывш. Совкомхоз), который возглавил В. А. Плансон. Туда же были переданы Совет по урегулированию плана Петрограда, переименованный в Ученый Комитет, и Музей Города. Деятельность Бюро (Архитектурной мастерской) была прекращена в 1923 г., а его функции и архив архитектурной графики были переданы в Музей Города.

общественно-полезные сооружения». Особенностью работы мастерской была организация большого количества архитектурных конкурсов. К их числу относится конкурс на проект общественных уборных, проведенный в ноябре–декабре 1919 года.

Вопрос о состоянии городских отхожих мест был поднят на третьем заседании Художественного совета 10 июля 1919 года. Первым на их плачевное состояние обратил внимание профессор В. П. Кашкадамов, специалист в области городской гигиены и санитарии, присутствовавший на заседании в качестве эксперта: «Петроград беден уборными, а те, которые остались от прежнего времени, почти все оказываются непригодными; по строительному своему существу не отвечают нашим климатическим условиям, крайне тесны, неудобны. О внешности их и говорить не приходится»⁷.

25 сентября Советом по урегулированию плана Петрограда было принято решение о проведении конкурса проектов общественных уборных двух типов — подземных и наземных «в местах наиболее интенсивного движения и скопления населения». 27 октября была обсуждена и после ряда поправок утверждена программа конкурса.

По условиям конкурса каждому из участников требовалось предоставить по одному проекту каждого типа уборных, «удовлетворяющих современным гигиеническим условиям», в составе следующих чертежей: генеральный план с указанием места расположения, план, фасад и разрез. На выбор конкурсантам предлагалось несколько участков под проектирование: у Гостиного двора и Технологического института, на пл. Восстания и пл. Труда — для подземных уборных; для наземных — у Андреевского рынка, у Михайловского сада, в Александровском саду и Александровском парке, на Никольском рынке. Выбор места для проектирования предоставлялся на усмотрение конкурентов. В программе оговаривалось число очков в мужском (от 4–6) и женском (от 6–8) отделениях. В каждом отделении должны были быть следующие помещения: небольшой вестибюль (тамбур), помещение для чистки платья и сапог, помещение для сторожа, комната для котельного отопления. За лучшие проекты каждого типа уборной были установлены по две премии в 5 000 и 2 500 рублей.

⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 86. Л. 37.

29 декабря 1919 года на заседании Художественного совета мастерской были обсуждены итоги конкурса и утверждены протоколы жюри. По подземным уборным 1-я премия была присуждена архитектору А. И. Гегелло за проект под девизом «Черта, перечеркнутая тремя линиями» (рисунок); вторая — архитектору А. Я. Белобородову за проект под девизом «Свеча». Среди проектов наземных уборных победителем стал архитектор С. Ф. Гроер, выступивший с проектом под девизом «Черная пальметта» (рисунок), на втором месте — архитектор В. Н. Талепоровский (девиз «Удобство»)⁸.

Помимо чертежей лауреатов конкурса в собрании ГМИ СПб находятся также не удостоенные наград проекты В. Г. Гельфрейха под девизом «Квадрат с диагоналями» (рисунок) и Л. М. Тверского (без девиза).

Одним из самых сложных дел Архитектурной мастерской стала организация конкурса на проект «первых районных терм». 18 сентября 1919 года на заседании Совета по урегулированию плана Петрограда был поднят вопрос о строительстве центральных общественных бань. Представители мастерской предложили вместо утилитарных пропускных бань с прачечной устроить термы, в которых бани были бы соединены с бассейнами и спортивными учреждениями, необходимыми «для поднятия физического здоровья рабочего класса и для борьбы с вырождением»⁹.

Продолжительная дискуссия разгорелась по поводу выбора участка для устройства терм. Этому вопросу было посвящено несколько заседаний Совета в октябре 1919 – марте 1920 года. Для «экономии средств» Фомин предложил использовать под термы «старые стены» Литовского замка. Против этого предложения выступил председатель Совета М. И. Хахарев, указавший на непригодность Литовского замка под эти цели и «предпочтительности отдельного здания». Его поддержал заведующий управлением водопровода и канализации Совкомхоза С. К. Врублевский, предложивший построить термы на территории Городского древесного питомника у Тучкова буяна на Петроградской стороне. По его словам, «место это удобно как для снабжения терм водою независимо от городского водопровода, так и для спуска вод.

⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 29. Л. 60 об.

⁹ Там же. Д. 38. Л. 30 об.

Кроме того, к этому месту легко подвозить уголь, а сходящиеся здесь трамвайные линии дадут возможность обслужить большой район»¹⁰. В защиту питомника, «нужного городу как зеленая площадь», высказался архитектор В. С. Кривенко, предложивший, в свою очередь, использовать под строительство Ватный остров. Подробно обсуждался предложенный М. И. Рославлевым вариант приспособления под термы зданий Новой Голландии, архитектура которых, по его мнению, как нельзя более соответствовала назначению нового сооружения. К тому же, по словам Фомина, «получить готовые стены при современных экономических условиях — это уже половина дела». Но и это предложение было отклонено по причине «чрезвычайной загрязненности» Крюкова канала, очистка которого в условиях эпидемии «была нежелательна». Фигурировали и другие адреса, как в центре города, так и в рабочих районах на окраинах. Наконец, 2 августа 1920 года на заседании Художественного совета мастерской большинством в восемь голосов против двух воздержавшихся для устройства терм, «которым в течение продолжительного времени придется играть роль центральных, или даже единственных терм», был определен Ватный остров¹¹.

Идея создания здесь спортивно-оздоровительного центра была не нова. Уникальное местоположение острова в самом сердце дельты Невы, напротив лучших парадных ансамблей — Стрелки, Дворцовой набережной, Адмиралтейства и Петропавловской крепости привлекло к нему внимание городских властей и архитектурного сообщества в начале XX века. 1914 годом датирован проект стадиона, выполненный архитекторами И. С. Китнером и В. А. Покровским в неорусском стиле.

В конце августа 1920 года была принята программа курса на проект «первых районных терм» и определен состав жюри. В него вошли профессор медицины Песков, зав. отделом

¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 29. Л. 63.

¹¹ В 1896–1897 гг. на территории Ватного острова по проекту Р. Р. Марфельда были построены казенные винные склады и спиртоочистительный завод. Эта территория оставалась не урегулированной до 1960-х гг., когда после засыпки проток, отделявших остров от Петроградской стороны, на нем были сооружены корпуса Государственного института прикладной химии. В 2008 г. было принято решение о сносе на этом месте всех сооружений и строительстве элитного квартала «Набережная Европы».

водопровода и канализации С. К. Врублевский, архитекторы И. А. Фомин, В. А. Щуко и С. С. Некрасов, А. Ф. Голензовский, художник А. Н. Бенуа и др. Были утверждены две премии в 150 и 100 тысяч рублей и два приобретения по 40 тысяч рублей. Кроме того, были заказаны проекты архитекторам А. Е. Белогороду и В. Г. Гельфрейху (в начале декабря вместо Гельфрейха заказ был передан Л. М. Тверскому)¹².

Срок подачи работ, первоначально назначенный на 1 декабря, впоследствии был перенесен на 10 декабря по причине «мобилизации всех архитектурных и художественных сил по случаю празднования 3-й годовщины Октябрьской революции и соответственных заявлений конкурсантов»¹³.

Конкурс проходил в сентябре–декабре 1920 года. Его программу обнаружить не удалось. Судя по пояснительным запискам конкурентов, термы мыслились как многофункциональный комплекс, «удовлетворяющий новейшим требованиям гигиены, где трудящееся население могло бы найти удовольствие и отдых»¹⁴. В их состав должны были войти здание для бань, ванн и душей, бассейн, гимнастический зал, площадки для спортивных состязаний, трибуны для зрителей. Разработчики программы вполне отдавали себе отчет в невозможности осуществления столь сложного комплекса в современных условиях. По словам М. И. Рославлева, «об устройстве капитальных сооружений сейчас мечтать нельзя, но к ним надо теперь же готовиться»¹⁵. Поэтому конкурс носил во многом экспериментальный характер, был своего рода творческим поиском идеи нового для России типа здания — городского спортивно-оздоровительного центра. Такая позиция вытекала из принципа, которым мастерская руководствовалась в своей деятельности и который был сформулирован в ее программе: «исходить из потребностей не только сегодняшнего дня, но, принимая в расчет прогрессивное развитие Петрограда, смотреть значительно далее вперед, на столетие и больше»¹⁶.

27 декабря 1920 года Художественный совет мастерской утвердил протоколы жюри о распределении премий.

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 30. Л. 58.

¹³ Там же. Д. 29. Л. 68.

¹⁴ Там же. Д. 38. Л. 51.

¹⁵ Там же. Д. 30. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Д. 38. Л. 61.

Предпочтение было отдано проекту под девизом «Три моста», выполненному Н. А. Троцким, Л. М. Тверским и Д. П. Бурышкиным. Вторая премия была присуждена проекту под девизом «Два красных треугольника», исполненному Л. М. Тверским и В. М. Тверским¹⁷. Был приобретен проект С. С. Серафимова под девизом «Заштрихованная арка» и проект И. Г. Лангбарда под девизом «Два черных круга».

В марте 1920 года Архитектурной мастерской был объявлен конкурс на проект душевых павильонов. Вопрос о строительстве «районных душей» впервые возник в октябре 1919 года во время дискуссии о термах. Члены Совета по урегулированию плана Петрограда единодушно пришли к выводу, что для удовлетворения потребности населения в «зданиях для мытья» необходимо строить души. Активным сторонником устройства душевых павильонов являлся заведующий управлением канализации и водопровода Петрогубсовкомхоза С. К. Врублевский, выступавший против строительства дорогостоящих терм.

Для выяснения отношения рабочих к устройству душевых сооружений по заводам города была разослана анкета. Заводские управления отнеслись весьма безразлично к «столь важному делу в интересах оздоровления рабочих»: из 79 заводов лишь два дали ответы на запросы по анкете. Тем не менее было решено провести конкурс на устройство районных душевых павильонов. Его программа, разработанная С. К. Врублевским и архитекторами мастерской С. Ф. Гроером и В. Г. Гельфрейхом, была утверждена 15 марта 1920 года. Основная задача конкурса — выработать наиболее простой тип «здания для мытья», главная функция которого, по словам профессора В. П. Кашкадамова, «поддержание тела в чистоте».

В жюри конкурса вошли С. К. Врублевский, архитекторы И. А. Фомин и Л. М. Тверской, художник А. Ф. Гауш, профессор-гигиенист В. П. Кашкадамов. Были установлены две премии в размере 20 000 и 15 000 рублей и заказаны проекты архитекторам Э. Я. Штальбергу, А. Е. Белогрудю и Д. П. Бурышкину. Срок

¹⁷ По всей вероятности, это заказной проект, полученный Л. М. Тверским вместо отказавшегося от заказа В. Г. Гельфрейха. К работе над ним архитектор приступил не ранее начала декабря, подключив к ней своего брата инженера В. М. Тверского. Поэтому, в отличие от других конкурсных работ, проект Тверских составлен очень эскизно и сопровождается очень подробной пояснительной запиской.

подачи работ, первоначально назначенный на 1 мая, впоследствии был продлен до 10 июня.

На конкурс было подано пять проектов. Обратимся к отзыву комиссии судей в той последовательности, в которой они включены в отчет¹⁸.

Проект под девизом «Идите купаться» (архитектор И. Г. Лангбард). I премия.

1. Коридоры перед кабинами тесноваты.
2. Неудобно пересечение в тесном месте путей из вестибюля в зал ожидания, из зала ожидания к душам и из душей в вестибюль.
3. Задний фасад слишком монументальный и по стилю не вяжется с передним.
4. Проект отличается от других ясностью плана и логичностью расположения помещений.
6. Передний фасад приятен.

Проект под девизом «Ион» (архитектор Н. А. Троцкий). II премия.

1. Залы ожидания неудобно расположены и слабо освещены.
2. Освещение вестибюля недостаточно.
3. Неудачна ось сквозь мужское отделение, вестибюль и женское отделение.
4. Излишняя монументальность фасада.
5. Неудачна мысль фонтана на крыше.

Проект под девизом «Красный кружок» (архитектор С. С. Серафимов). Рекомендован к приобретению.

1. Случайное размещение помещений в плане.
2. Женская ожидальня неудобно расположена и слабо освещена.
3. Вестибюль освещен недостаточно.
4. Фасад соответствует назначению здания.

Проект под девизом «Старые кварталы» (архитектор не установлен).

1. Вестибюль, касса и служебные помещения рядом с кассой темны.

¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 38. Л. 37–37 об.

2. Помещения для сторожа и сторожихи отсутствуют, т. к. для этой цели не могут служить два помещения по 4 кв. арш. рядом с кассой.

3. Расположение помещений в плане не скомпоновано.

4. Коридоры слабо освещены и узковаты.

5. Неудачно чрезмерное развитие прачечной расположенной в 1-ом этаже в ущерб остальным помещениям.

6. Здание слишком велико.

7. Фасад нехарактерен и неудачен.

Проект под девизом «Факт» (архитектор Д. П. Бурышкин)

1. Кабины несколько узковаты и плохо освещены.

2. На фасаде слабо выражен вход, помещающийся в одном из трех одинаковых выступов.

3. Кабины лишены света.

4. Расположение внутренних помещений недостаточно скомпоновано.

5. Не архитектурно помещена лестница.

6. Фасад приятен.

21 июня 1920 года при обсуждении итогов конкурса произошел казус. Видимо, одним из членов Художественного совета было замечено, что фасады душевого павильона в проекте И. Г. Лангбарда являются не оригинальными, а заимствованными. Совет согласился с мнением жюри о присуждении автору I премии, но в протоколе заседания было отмечено: «довести до автора проекта под девизом “Идите купаться” ... что фасад проекта явно заимствован, и таким образом вся работа свелась к внутренней планировке, что принципиально недопустимо»¹⁹.

Анализируя конкурсные работы 1919–1920 годов, следует отметить, что все они носят ретроспективный характер. При этом стилизаторский подход к проектированию сочетался с поиском решений новых функциональных требований. Многие проекты отмечены тягой к повышенной монументальности и отличаются стилистической выдержанностью, носящей порой оттенок архаики. Подавляющее большинство авторов придерживалось в своих

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 30. Л. 51 об.

композициях традиционных для Петербурга классицистических принципов. Такая приверженность к классике, в которой видели универсальную художественную систему, во многом объясняется влиянием и авторитетом заведующего мастерской И. А. Фомина — апологета русского классицизма. Неоклассическая стилистика, на которую мастерская ориентировала своих проектировщиков, была четко сформулирована в одном из экспертных заключений: «Следует отрешиться от подражания новейшим торгово-промышленным строениям... европейских городов. Государственные сооружения... должны выявлять собой ярко выраженную монументальность. Образцами могут служить создания Кваренги, Томона, Росси и их ближайших последователей, таких, как, например, Стасов»²⁰.

В период «бумажного проектирования» инициированные мастерской конкурсы стимулировали творческую активность архитекторов, среди которых было много талантливой молодежи. Для них участие в конкурсах явилось настоящей школой мастерства и оказало большое влияние на последующую творческую деятельность, выдвинув зодчих в ряды ведущих мастеров ленинградской архитектуры. Именно в эти годы сложился тот коллектив единомышленников, который в середине 1920-х годов приступил к реальному строительству в Ленинграде.

Конкурсные проекты общественных уборных, первых районных терм и душевых павильонов поступили в ГМИ СПб из Музея Города, куда в 1923 году, после прекращения деятельности Архитектурной мастерской (Научно-художественного бюро) был передан весь архив архитектурной графики.

Выяснение истории проведения этих конкурсов по архивным делам ЦГАЛИ СПб позволило переатрибутировать ряд листов из музейного собрания. В частности, все материалы, относящиеся к конкурсу проектов общественной уборной, проходившем в 1919 году, ошибочно датированы 1920, 1920-ми годами, либо первой четвертью XX века. Кроме того, авторство проекта под девизом «Черная пальметта» вместо С. Ф. Гроера приписано В. М. Тверскому (инв. № I-Б-1729-ч и I-Б-1732-ч) и В. Г. Гельфрейху (инв. № I-Б-1743-ч).

²⁰ Цит. по: *Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов...* С. 47–48.

Авторами одного из листов конкурсного проекта терм на Ватном острове под девизом «Штриховая арка» (поперечный разрез, инв. № I-Б-886-ч) вместо С. С. Серафимова указаны Н. А. Троцкий, Л. М. Тверской и Д. П. Бурыйшкін.

К конкурсу проектов терм относится также проект под девизом «Аqua» в составе девяти чертежей²¹. В музейной картотеке они обозначены как «проект душевого павильона». Часть из них датирована 1920 годом, другие — первой четвертью XX века. Автором одного из этих листов числится И. Г. Лангбард (аксонометрия, инв. № I-Б-1973-ч), в остальных авторство не указано. Манера исполнения листов и стилистика проекта в духе петербургского неоклассицизма начала XX века выдают руку мастера «старой школы», они близки неоклассическим работам И. А. Фомина 1910-х годов. Не исключено, что автором проекта мог быть А. Е. Белогруд. Косвенным доказательством этому является факт получения архитектором персонального заказа на проект терм, который должен был остаться в архиве мастерской. Не установлено также авторство проекта душевого павильона под девизом «Старые кварталы». Возможно, дальнейшее изучение архивных материалов позволит уточнить атрибуцию этих работ.

²¹ ГМИ СПб, инв. № I-Б-890, 891, 892, 1828, 1830, 1973, 1974, 1975, 2804-ч.

М. Л. Макогонова

**Архитектурные конкурсы
1920-х – начала 1930-х годов
как источник формирования коллекции
советской архитектурной графики
Музея Города**

Собрание советской архитектурной графики ГМИ СПб в настоящее время насчитывает около 11 000 листов. Ядро этой коллекции было сформировано в предвоенные годы в Музее Города, преемником и наследником которого является ГМИ СПб. В 1920 году Музей Города, учрежденный Наркомпросом в 1918 году, перешел в ведение Совкомхоза Исполкома Петрогубсовета (позднее — Губоткомхоз, Откомхоз)¹ и таким образом оказался в самом центре архитектурной жизни Ленинграда. В 1924 году при музее создали Бюро планировки², на которое были возложены функции упраздненной в 1923 году Архитектурной мастерской Совета по урегулированию плана Петрограда и его окраин. Бюро, руководимое директором Музея Города Л. А. Ильиным, занималось разработкой проектов градостроительной реконструкции отдельных районов города и первых вариантов генерального плана развития Ленинграда. Все созданные в бюро

¹ Совет коммунального хозяйства Исполкома Петроградского Губернского совета (1919–1921). Преобразован в Отдел коммунального хозяйства (Губоткомхоз) Исполкома Ленинградского Губернского совета (1921–1927). Преобразован в Отдел коммунального хозяйства (Откомхоз) Исполкома Ленинградского областного совета (1927–1931). Ликвидирован в 1931 г. В состав отдела входило несколько подразделений, в том числе Научно-технический совет, Подотдел благоустройства, Комитет по строительству рабочих жилищ — Стройком с собственным Проектным бюро.

² Бюро планировки Ленинграда до конца 1925 г. являлось главным планировочным органом города. В декабре 1925 г. бюро вошло в состав вновь созданного Отделения планировки при подотделе благоустройства Откомхоза Ленсовета (с 1931 г. — Архитектурно-планировочный отдел Ленсовета. Ныне — Комитет по градостроительству и архитектуре Правительства Санкт-Петербурга).

проекты поступали в музей, так же как и «материалы, рисующие текущую работу Губоткомхоза в области планировки города и нового жилищного строительства»³. Одним из направлений этой работы была организация архитектурных конкурсов, в подготовке и проведении которых активно участвовал Музей Города.

В первые послереволюционные годы, во время Гражданской войны и послевоенной разрухи, когда профессиональная архитектурная деятельность сосредотачивалась исключительно в области «бумажного» проектирования, значительную роль в организации архитектурных конкурсов в Петрограде играла действовавшая при Совкомхозе Архитектурная мастерская Совета по урегулированию плана Петрограда и его окраин. Архив Архитектурной мастерской, переданный Музеем Города в конце 1923 года, стал одним из первых поступлений, положивших основу коллекции советской архитектурной графики. Среди этих листов — материалы конкурсов на приспособление для рекламы (1919), проект Крематория (1919), «жилище для пролетария» (1920), планировку Путиловского района (1920), на разбивку Петрограда на зоны (1919–1920), планировку третьей зоны Петрограда (1920), планировку второй и четвертой зон Петрограда (1920), на коллективное жилище для второй и пригородной зон (1921), а также конкурсов на проекты общественных уборных, «первых районных терм», душевых павильонов (1919–1920)⁴.

В 1925 году, когда в Ленинграде возобновилась реальная строительная деятельность, инициатива в организации конкурсов перешла к архитектурным обществам (ЛОА и ОАХ) и Комитету содействия кооперативному строительству рабочих жилищ Ленгубсовета профсоюзов и Губоткомхоза. Губернский Комитет содействия (далее — Комитет содействия) был учрежден Президиумом Ленгубсовета 19 июля 1924 года и сразу же приступил к разработке программ нового строительства на рабочих окраинах города⁵. В 1925–1928 годах комитет организовал и провел

³ Музей Города. К Октябрю 1927. Очерк музея и путеводитель. Л., 1928. С. 88.

⁴ О деятельности Архитектурной мастерской и материалах конкурсов на проекты общественных уборных, «первых районных терм», душевых павильонов см. статью Л. А. Кириковой в настоящем сборнике.

⁵ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9051. Л. 27–28 об. Положение о Ленинградском Губернском Комитете Содействия Кооперативному Строительству рабочих жилищ и план работы его. Там же. Л. 29–30. Протокол № 1 Бюро Комитета Содействия Кооперативному Строительству рабочих жилищ.

три больших архитектурных конкурса, материалы которых были переданы в Музей Города, а ныне хранятся в ГМИ СПб. Это открытый конкурс «на составление проектов новых типов жилых домов для рабочего населения» в Московско-Нарвском и Володарском районах Ленинграда (1925); закрытый конкурс на проект Дома культуры Московско-Нарвского района Ленинграда (1925) и открытый конкурс «на типы стандартных квартирных ячеек в каменных жилых домах и застройку участка земли в Выборгском районе Ленинграда» (1927–1928).

Открытый конкурс Комитета содействия «на составление проектов новых типов жилых домов для рабочего населения» в Московско-Нарвском и Володарском районах Ленинграда⁶ был проведен 24 января – 6 апреля 1925 года. В Московско-Нарвском районе под застройку выделялись участки у Нарвских ворот (Крыловский участок) и у Путиловского завода (Серафимовский участок); в Володарском районе — участок, расположенный между Палевой улицей и веткой Октябрьской железной дороги (Палевский участок), и участок, расположенный между проспектом Села Смоленского (ныне — проспект Обуховской обороны) и Московской улицей (ныне — улица Крупской) — т. е. участок нынешней улицы Ткачей. Проекты градостроительного урегулирования этих участков были разработаны в конце 1924 – начале 1925 года в Отделе нового строительства Жилсоюза под руководством А. И. Зазерского (Володарский район) и Л. А. Ильиным в Бюро планировки при Музее Города (Московско-Нарвский район)⁷.

В состав жюри конкурса вошли: председатель — уполномоченный Губпрофсовета Г. Д. Вейнберг, члены — А. И. Дмитриев и А. И. Дитрих (от Общества архитекторов), Л. А. Ильин (от Откомхоза), И. М. Зайцев (от Жилсоюза), А. И. Антоновский (от Губздравотдела), А. В. Розенберг (от Союза строителей) и губернский инженер Я. Д. Тартаковский. Конкурс должен был «выявить такой тип жилых строений, который одновременно

⁶ Впервые материалы конкурса были изучены и частично введены в научный оборот В. Э. Хазановой: Из истории советской архитектуры 1917–1925 гг. Документы и материалы. М., 1963. С. 84–84. Здесь также были опубликованы несколько чертежей из собрания ГМИ СПб с неполной атрибуцией.

⁷ Ильин Л. А. Проект урегулирования планировки в районе улицы Стачек. 1925. Инв. № 1-Б-3217-ч; 1-Б-3219-ч; 1-Б-4061-ч; 1-Б-7684-ч.

давал бы застройке характер наиболее простой и дешевой конструкции и носил бы на себе по возможности яркое отражение как нашего нового социального строя, так и нарождающегося нового быта, в то же время, достигая той художественной и архитектурной красоты, которая отвечает современным запросам»⁸. Проектируемая застройка должна была сочетать экономичность, конструктивную простоту и целесообразность отдельных сооружений с рациональным использованием территории при «соблюдении санитарно-технических норм (сквозное проветривание, двухстороннее освещение, ориентировка зданий, наивыгодная по отношению к странам света)»⁹. Программа конкурса, разработанная специальной Технической комиссией с участием представителей Губздрава, ЛОА и ОАХ, определяла планировочные нормативы, плотность населения, этажность застройки, количество и тип квартир, размещение в них санитарно-технического оборудования, строительные материалы и конструкции. К жилым корпусам выдвигались следующие требования: высота не более трех этажей, желательны веранды и балконы; число квартир в корпусе — не более 18, высота жилых помещений — 2,8 м при норме жилой площади на 1 человека — 9 м; из общего числа квартир половина — в три жилые комнаты с кухней и столовой, одна треть — в две комнаты с кухней-столовой, остальные — в четыре комнаты с кухней, столовой и ванной комнатой. Помимо жилых домов в застройку всех участков предлагалось включить здание центральной прачечной, а в застройку участка у Путиловского завода и участков в Володарском районе здание общежития со столовой, кухней и комнатами на 1–2 человек¹⁰.

На конкурс было подано 28 проектов, итоги окончательно подведены 6 апреля 1925 года¹¹. По мнению жюри, среди представленных работ не было «ни одного безукоризненного разрешения выдачи в полном объеме, но есть ряд весьма удачных и ценных мыслей, дающих необходимый материал для практического

⁸ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9051. Л. 75.

⁹ Там же.

¹⁰ Программа конкурса опубликована: Из истории советской архитектуры... С. 84–86.

¹¹ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9051. Л. 164–170. Заключение жюри по конкурсу на составление проектов жилых домов для рабочего населения.

осуществления новых типов жилья в условиях нового быта»¹². По Московско-Нарвскому районам были присуждены премии с первой по четвертую и шестая, пятая премия не присуждалась. По Володарскому району были присуждены первая, третья и шестая премии, вторая, четвертая и пятая премии не присуждались. Характерно, что помимо проектов, подготовленных профессионалами, на конкурс поступили и работы, выполненные неспециалистами. Так, проект «Кузьмин из Колпина», по отзыву жюри, представлял «отклик рабочего, желающего внести свою лепту в полезное начинание», «Проект Гурьева» «должен быть отмечен как усердная работа неспециалиста, желающего принять участие в разрешении поставленной задачи и разрешающего ее во многих отношениях целесообразно», а «Проект Козлова» представлял интерес как «работа представителя тех групп населения, для которых новое строительство предназначается» и «посильный вклад в общее полезное дело»¹³.

В собрании фонда советской и современной архитектурной графики ГМИ СПб выявлены все премированные проекты. Среди них по Московско-Нарвскому району — 11 листов проекта под девизом «Во!» (первая премия) И. Г. Лангбарда и С. Я. Турковского¹⁴; 9 листов проекта под девизом «Труд» (вторая премия) И. А. Фомина¹⁵; 9 листов проекта под девизом «Красный город» (третья премия) Н. А. Троцкого, М. С. Рейзмана и В. И. Ходова¹⁶;

¹² Из истории советской архитектуры... С. 92.

¹³ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9051. Л. 170.

¹⁴ Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. Каталог / Автор-составитель М. Л. Макогонова. СПб., 2008. С. 14–15 (Кат. № 5–14). Отдельные листы проекта атрибутированы В. Г. Авдеевым, см.: Архитектор Иосиф Лангбард (1882–1951). Графика и документы в собрании ГМИ СПб. Каталог / Составители В. Г. Авдеев, Л. А. Кирикова // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 16. СПб., 2007. С. 70–73.

¹⁵ Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 15–17 (Кат. № 15–23). Отдельные листы проекта атрибутированы В. Э. Хазановой, см.: Из истории советской архитектуры. С. 87–88.

¹⁶ Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 17–19 (кат. № 24–33). Отдельные листы проекта атрибутированы В. Э. Хазановой с неполной расшифровкой девиза — в числе авторов не был упомянут В. И. Ходов, см.: Из истории советской архитектуры. С. 89–90; а также Т. Э. Суздалевой, см.: *Суздалева Т. Э.* Н. А. Троцкий. Л., 1991. С. 48–49. В учетной документации ГМИ СПб ряд листов этого проекта ранее ошибочно приписывался Д. П. Бурышкину, который участия в конкурсе не принимал.

14 листов проекта под девизом «Треугольник в круге» (четвертая премия) П. И. Сидорова¹⁷. По Володарскому району — 7 листов проекта под девизом «Володарский» (первая премия) И. А. Фомина¹⁸; 10 листов проекта под девизом «Новый город» (третья премия) Н. А. Троцкого, М. С. Рейзмана, В. И. Ходова¹⁹; 33 листа проекта под девизом «Косо пересеченный круг» (шестая премия по Московско-Нарвскому району, шестая премия по Володарскому району) Ю. Ю. Бенуа при участии Л. Н. Бенуа²⁰. Кроме того, в ГМИ СПб хранятся 14 листов проекта под девизом «Черный круг в красном»²¹ и 7 листов проекта «московского архитектора под девизом “А”»²², которые жюри конкурса постановило приобрести за сумму в 500 рублей, равную последней премии, а также 7 листов непремированного и невостребованного автором по завершении конкурса проекта застройки в Володарском и Московско-Нарвском районах под девизом «Заря»²³. К сожалению, выявить имена их авторов нам пока не удалось, так как в протоколы жюри они занесены не были.

В апреле–мае 1925 года прошел закрытый конкурс Комитета содействия на проект Дома культуры Московско-Нарвского района Ленинграда (Дворец культуры им. М. Горького)²⁴, который должен был стать частью нового общественного центра в районе

¹⁷ Проект атрибутирован нами, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 19–22 (Кат. № 34–48).

¹⁸ Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 25–26 (Кат. № 71–77). Отдельные листы проекта атрибутированы В. Э. Хазановой, см.: Из истории советской архитектуры. С. 91–93.

¹⁹ Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 26–28 (Кат. № 78–87). Отдельные листы проекта атрибутированы В. Э. Хазановой, см.: Советская архитектура первых лет Октября. С. 104 [с неполной расшифровкой девиза — не упомянут В. И. Ходов], а также Т. Э. Суздальной, см.: *Суздальева Т. Э.* Н. А. Троцкий. С. 48–49. В учетной документации ГМИ СПб ряд листов этого проекта ранее ошибочно приписывался Д. П. Бурышкину, который участия в конкурсе не принимал.

²⁰ Проект атрибутирован нами, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 28–34 (Кат. № 88–120).

²¹ Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 23–25 (Кат. № 56–70).

²² Там же. С. 22–23 (Кат. № 49–55).

²³ Там же. С. 34–35 (Кат. № 121–126).

²⁴ Материалы конкурса исследованы Л. А. Кириковой — см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 70.

площади Стачек, к этому времени уже начиналось жилое строительство на Крыловском и Серафимовском участках. Программа конкурса составлялась специальной Технической комиссией, в которую вошли архитекторы Проектного бюро Стройкома²⁵ Д. П. Бурыйшкий, Л. М. Тверской и А. И. Гегелло. К участию в этом конкурсе были приглашены архитекторы А. И. Дмитриев, Н. А. Троцкий и В. А. Щуко. Кроме того четыре проекта представило Проектное бюро Стройкома. Итоги конкурса были подведены 1 июня. Встречающееся в литературе указание на то, что первая премия была присуждена проекту Н. А. Троцкого, опровергается документами. Жюри под председательством директора Музея Города Л. А. Ильина признало «лучшими с точки зрения плана и экономичности постройки» следующие проекты: вариант III проекта Проектного бюро Стройкома (первое место), проект Н. А. Троцкого (второе место)²⁶, вариант IV проекта Проектного бюро Стройкома (третье место), проект А. И. Дмитриева (четвертое место)²⁷ и проект В. А. Щуко (пятое место)²⁸.

В собрании ГМИ СПб представлены все проекты, участвовавшие в конкурсе и по его завершении поступившие в Музей Города. Поскольку конкурс носил заказной характер, большая часть этих листов подписные, что позволяет уверенно их атрибутировать. Исключение составляют лишь четыре проекта, разработанные Стройкомом, которые вместо подписей авторов имеют однотипные рукописные штампы Проектного бюро, с указанием имен всех пяти архитекторов, входивших в 1925 году в его штат (Д. П. Бурыйшкий, А. И. Гегелло, А. С. Никольский, Г. А. Симонов,

²⁵ Стройком — Ленинградский комитет по строительству рабочих жилищ Ленгубсовета профсоюзов и Губоткомхоза. Создан в 1925 г., в 1926 преобразован в Строительный комитет при Президиуме Ленсовета, в 1928 — в трест коммунального и жилищного строительства отдела коммунального хозяйства (трест Стройкомхоз). В 1930 году ликвидирован, на его основе организованы строительные тресты Жилгражданстрой и Ленкомстрой. В 1932 году из состава треста Жилгражданстрой был выделен проектный трест Ленжилгражданпроект, с 1934 — трест Ленпроект (позднее — институт Ленпроект).

²⁶ В ГМИ СПб нами выявлены 12 листов этого проекта, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 71–73. Кат. № 297–307.

²⁷ В ГМИ СПб нами выявлены 16 листов этого проекта, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 74–76. Кат. № 311–326.

²⁸ В ГМИ СПб нами выявлены 13 листов этого проекта, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 76–77. Кат. № 327–339.

Л. М. Тверской). Именно на основании этих надписей, по всей видимости, принятых за авторские подписи, листы всех проектов Стройкома были ранее ошибочно приписаны Бурышкину, Гегелло, Никольскому, Симонову и Тверскому. Никольский и Симонов вообще не принимали участия в конкурсе. Третий вариант проекта Проектного бюро, занявший на конкурсе первое место, был разработан Д. П. Бурышкиным и Л. М. Тверским, в ГМИ СПб нами выявлены 9 листов этого проекта²⁹. Теми же авторами создан оставшийся без места первый вариант проекта Стройкома, представленный в собрании ГМИ СПб 12 листами³⁰. Четвертый вариант проекта Проектного бюро Стройкома, занявший третье место, был разработан А. И. Гегелло, в ГМИ СПб выявлены 3 листа³¹. А. И. Гегелло также был автором второго варианта проекта Проектного бюро Стройкома, который представлен в собрании 9 листами (не премирован)³².

Конкурсы 1925 года на составление проектов новых типов рабочих домов в Московско-Нарвском и Володарском районах и проект Дома культуры Московско-Нарвского района Ленинграда достаточно хорошо известны. Другой значительный конкурс ленинградского Комитета содействия — «на типы стандартных квартирных ячеек в каменных жилых домах и застройку участка земли в Выборгском районе Ленинграда», проведенный в ноябре 1927 — апреле 1928 года, внимания исследователей почти не привлекал, а хранящиеся в ГМИ СПб проекты оставались долгое время неатрибутированными.

Необходимость в организации этого конкурса была вызвана опытом двух первых лет жилищного строительства в Ленинграде, который не всегда оказывался удачным. Как отмечалось в преамбуле конкурсной программы, «существующее положение проектирования в большинстве случаев носит характер случайный, кустарный. Отсутствие определенных заданий и норм, рациональных

²⁹ Атрибуция Л. А. Кириковой, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 70–71. Кат. № 288–206.

³⁰ Атрибуция Л. А. Кириковой, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 77–79. Кат. № 340–351.

³¹ Атрибуция Л. А. Кириковой, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 73–74. Кат. № 308–310.

³² Атрибуция Л. А. Кириковой, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 79–80. Кат. № 352–360.

типовых планировок и конструкций, технически и экономически обоснованных, вызывает многочисленные переделки проектов как в процессе их составления, так и утверждения. В связи с этим увеличивается труд и время, затрачиваемые на проектирование, и является запоздание в приступе к работам и своевременном выполнении подготовительных работ»³³.

Программа конкурса разрабатывалась на протяжении нескольких месяцев, предшествовавших его объявлению. Этим занималась специальная Техническая комиссия. Участок под застройку не выделялся, но указывалось, что «кварталы, ограниченные проездами общественного пользования, должны быть прямоугольной формы, площадью не свыше 2,5 гектаров и протяжением не более 250 метров»³⁴. При этом Г. А. Симонов выдвигал предложение о последовательном проведении трех отдельных конкурсов: на установление экономического стандарта жилой ячейки, на установление экономического стандарта здания, а впоследствии — на установление экономического стандарта квартала. В ходе длительного обсуждения проекта программы такой подход был признан излишне «научным» и непрактичным. В частности, представитель Общества архитекторов, директор ЛИГИ профессор А. И. Дитрих указывал, что «в основу поставленной Комитетом содействия задачи рационализации и удешевления вновь создаваемых жилищ поставлена чрезвычайная срочность, чтобы к ближайшему строительному сезону уже были применены решения, которые желательно получить объявлением соответствующего конкурса»³⁵. В результате в конкурсное задание был включен конкретный участок в Выборгском районе на пересечении Кондратьевского и Полюстровского проспектов, который был подготовлен к застройке и мог использоваться для практического воплощения результатов конкурса. Однако участок был небольшим по площади (6,8 гектара), что исключало возможность разбивки его на типовые кварталы. Таким образом, значение конкурса в разработке стандартов для жилищного строительства изначально было ограничено проектированием типовых квартирных ячеек.

³³ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3-1. Д. 9507. Л. 77–89.

³⁴ Там же. Л. 37.

³⁵ Там же. Л. 42.

Согласно окончательной программе, в жилых четырехэтажных домах предлагалось разместить четыре типа квартир: двухкомнатные на три человека (жилой площадью 27–30 кв. м), двухкомнатные на четыре человека (36–40 кв. м), трехкомнатные на пять человек (45–50 кв. м) и трехкомнатные на пять человек и одного ребенка (50–55 кв. м). Причем под трехкомнатные квартиры отводилось 90 % жилой площади. Все квартиры должны были иметь переднюю, кухню, холодильный стеновой шкаф, уборную, при соблюдении принципов двухстороннего освещения, возможность сквозного или диагонального проветривания. Дома проектировались в двух вариантах — с печным и центральным отоплением.

В состав конкурсного жюри вошли представители Комитета содействия, директор Стройкома В. В. Александров, директор Музея Города Л. А. Ильин, а также архитекторы и инженеры А. И. Дитрих, Л. П. Шишко, С. О. Овсянников, М. И. Рославлев, Т. В. Кибардин, К. В. Сахновский, М. И. Лаппо-Старженецкий, А. П. Бойчевский. В конкурсе участвовали 40 проектов, в том числе 4 иногородних — из Москвы, Нижнего Новгорода, Сорочинска и Днепропска. Были присуждены восемь премий (четыре по каждому из вариантов), два проекта были удостоены рекомендации к приобретению³⁶. При этом жюри решило, что «ни один из премированных проектов не дал полного разрешения поставленных конкурсом задач. Материалы конкурса являются только лишь как этап в поисках дальнейших путей типового рабочего жилища, — каждый проект, взятый в отдельности, не дает законченного целого». По завершении конкурса премированные проекты поступили в распоряжение Комитета содействия, откуда были переданы в Музей Города.

Согласно условиям конкурса, каждый проект должен был содержать генеральный план застройки участка с обозначением зеленых насаждений и хозяйственных сооружений, чертежи лицевых фасадов, планы подвалов, первого и четвертого (верхнего) этажей, пояснительную записку. В собрании фонда советской и современной архитектурной графики ГМИ СПб материалы

³⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9507. Л. 129–129 об. Протоколы заседания Комитета содействия рабжилстроительству и Жюри конкурса от 8, 10 и 19 марта 1928 года.

конкурса представлены значительным комплексом листов, но не полно. Нами выявлены 12 листов проекта под девизом «Желтый круг с двумя чертами» (первая премия по варианту с печным отоплением), разработанного в Проектном Бюро акционерного общества «Ленинградстрой» С. Е. Бровцевым, А. В. Петровым при участии А. И. Омелина, Н. К. Данини, консультант В. П. Апышков; пять листов проекта под девизом «Даешь лифт!» (вторая премия по варианту с печным отоплением) Д. П. Бурышкина, Л. М. Тверского, Л. Д. Акоповой, О. И. Рудневой, при участии Н. Д. Каценеленбогена; шесть листов проекта под девизом «10-15-20-25» (четвертая премия по варианту с печным отоплением) С. Е. Бровцева, А. В. Петрова при участии А. И. Омелина, Н. К. Данини, консультант В. П. Апышков; а также четыре листа проекта под девизом «Долой черную лестницу!» (первая премия по варианту с центральным отоплением) Д. П. Бурышкина, Л. М. Тверского и Л. М. Малышева; 14 листов проекта под девизом «Красный треугольник в круге» (вторая премия по варианту с центральным отоплением) В. Ф. Райляна и В. И. Упатчева; два листа проекта под девизом «Красный круг» (четвертая премия по варианту с центральным отоплением); и два листа рекомендованного к приобретению проекта под девизом «Гвоздь», разработанного И. Г. Лангбардом³⁷. В коллекции музея, однако, не представлены не только «рекомендованный» проект под девизом «Коллектив» (авторы — студенты ЛИГИ К. А. Иванов, Ф. А. Терехин, П. И. Смолин), но и удостоенные третьей премии проекты под девизами «Зеленый квадрат» (Г. А. Симонов, Т. Д. Каценеленбоген, И. Г. Безруков) и «Синий квадрат» (Г. А. Симонов, Т. Д. Каценеленбоген, И. Г. Безруков, С. В. Васильковский), которые были особо отмечены жюри за «исследовательский характер в области экономики жилищного строительства».

Характерно, что победа в конкурсах Комитета содействия не гарантировала авторам передачи заказа на дальнейшее проектирование, да такая цель их организаторами и не преследовалась. Скорее, эти конкурсы были этапом коллективного творчества. Так, в 1925 году одновременно с проведением конкурса на новые типы рабочих домов в Проектном бюро Стройкома по той же

³⁷ Все проекты атрибутированы нами, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 40–48. Кат. № 138–181.

программе А. И. Гегелло, А. С. Никольский, Г. А. Симонов вели проектирование застройки тех же участков в Московско-Нарвском районе, а Д. П. Бурышкин и Л. М. Тверской — участка улицы Ткачей в Володарском. В отделе нового строительства Жилсоюза А. И. Зазерским и Н. Ф. Рыбиным при участии И. Г. Безрукова были созданы проекты застройки Палевского участка³⁸. Именно эти проекты были приняты к осуществлению. Как разъясняла Техническая комиссия: «Комитет ставил перед собой две, не связанные друг с другом задачи: еще весной этого [1925] года, отнюдь не откладывая на неопределенное время, начать постройку новых домов в испытывающих острую жилищную нужду рабочих кварталах, используя для этого весь опыт и знания, накопленные в технических аппаратах Откомхоза и Жилсоюза, а параллельно с этим объявить конкурс на составление проектов отвечающих современным условиям новых жилых домов»³⁹. При подведении итогов конкурса на проект Московско-Нарвского Дома культуры «в смысле реальности по отношению к постройке домов культуры» жюри единогласно высказалось за выполненный А. И. Гегелло вариант IV проекта Проектного бюро Стройкома, которому было присуждено третье место. Стройкому же и было поручено разработать новый проект Дома культуры по материалам конкурса. В окончательном варианте, созданном А. И. Гегелло в соавторстве с архитектором Д. Л. Кричевским и инженером В. Ф. Райляном, были использованы некоторые решения, предложенные в конкурсном проекте А. И. Дмитриева. По завершении конкурса 1928 года проектирование вновь было передано Проектному бюро Стройкома, где под руководством Г. А. Симонова при участии И. Капцюга, Т. Д. Каценеленбоген и Л. М. Тверского и был создан окончательный проект Кондратьевского жилого массива, осуществленный в 1929–1930 годах.

В начале 1930-х годов, когда в Ленинграде завершалось формирование системы государственных проектных организаций

³⁸ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 148 Л. 32. Проект застройки Палевского участка в Володарском районе был утвержден 11 марта 1925 г., т. е. почти за месяц до подведения итогов конкурса. Об этом подробно см: Из истории советской архитектуры... С. 86.

³⁹ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9051. Л. 170. Строительные работы на Серафимовском участке начались 15 апреля 1925 г., на Крыловском и Палевском участках — в конце апреля — начале мая 1925 г.

и органов управления строительным комплексом, Отдел Коммунального хозяйства Леноблисполкома был ликвидирован, а из его состава выделился целый ряд самостоятельных ведомств и организаций. Находившийся в ведении Откомхоза Музей Города⁴⁰ также переживал ряд реорганизаций, утрачивая свое прежнее влияние на реальное проектирование, но продолжал активную собирательскую и выставочную деятельность. В этот период его фонды пополнились комплексом материалов конкурса на проект Дома-коммуны на 2 000 человек для рабочих Ленинграда (1930)⁴¹.

Конкурс был организован Леноблисполкомом весной 1930 года для выработки «проекта коллективного жилищного комплекса, отвечающего современным стремлениям к социализации быта и раскрепощению женщины с учетом реальных возможностей в экономическом, хозяйственном и культурном отношениях при наилучших санитарных и технико-экономических показателях»⁴². Конкурс проводился с конкретной целью дальнейшей постройки опытного дома-коммуны в Выборгском районе Ленинграда и отражал практические потребности времени, породившего растущее общественное движение за коллективизацию быта»⁴³.

Конкурс проходил в два тура, каждый из которых имел собственную программу. Программа первого тура основывалась на идее уничтожения семьи и традиционного домашнего быта: «Жилищная коммуна организуется на основе полного обобществления бытовой и культурно-просветительской жизни живущих. Жизнь организуется в условиях полного освобождения от забот по ведению индивидуального хозяйства, но с активным участием живущих во всех видах коллективного хозяйства и быта коммуны. Дети до 16 лет находятся на общественном воспитании и проживают в закрытого типа яслях, детских садах и интернатах,

⁴⁰ В 1932 г. переименован в Музей социалистической реконструкции Ленинграда, в 1938 — в Музей истории и развития Ленинграда.

⁴¹ Дома Коммуны. Материалы конкурсов: Всесоюзного межвузовского конкурса на студенческий дом-коммуну, конкурса Ленинградского совета на дома-коммуны для рабочих. Л., 1931; *Хазанова В. Э.* Советская архитектура первой пятилетки. М., 1980. С. 187–195.

⁴² ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9799. Л. 141.

⁴³ По данным обследования, проведенного Экономико-статистическим сектором Облплана в январе 1931 г., в Ленинграде насчитывались 103 бытовые коммуны с 13 434 взрослыми членами, см.: *Цедилин Н.* Бытовые коллективы и коммуны Ленинграда // XV лет диктатуры пролетариата. Л., 1932. С. 21.

находящихся при коммуналке. В помещениях, предназначенных для сна взрослых, особой площади для детей не подразумевается»⁴⁴. Предполагалось создание комплекса зданий так называемой «сто процентной» бытовой коммуны. Опыт организации таких коммун в Ленинграде уже имелся. Так, например, «Первая бытовая рабочая коммуна», которая была создана в октябре 1929 года и располагалась в четырех квартирах обычного многоэтажного жилого дома (Таврическая ул., 3), была стопроцентной. Ее члены не имели ничего своего, даже денег. В личном пользовании оставались лишь зубные щетки, бритвы, полотенца. Как писала пресса: «в последнее время под влиянием разъяснений врача возникает вопрос, который еще не разрешен, о предоставлении права иметь каждому “свое” белье, так как этого требует элементарная гигиена и профилактика»⁴⁵.

Согласно конкурсному заданию на одного человека отводилась кабина для сна площадью 9 кв. м, оборудованная стенным шкафом, столом, стульями и откидной кроватью. Предполагалось также устройство индивидуальных кабин для занятий площадью от 5 до 10 кв. м. На группу 250–300 человек устраивались одна приемная для гостей, комната отдыха, буфет. Для занятий физкультурой отводилась плоская крыша с солярием и закрытый зал площадью 200 кв. м с душами и раздевалками. Во взрослом секторе устраивались красный уголок и библиотека с читальным залом с возможностью показа кино. В детском секторе должны были располагаться общие спальни, каждая — не более чем на 10 человек, ванны, души, уборные, умывальные, бельевые, комнаты для занятий, развлечений и спорта, библиотека-читальня. Предполагалось, что питание взрослых осуществляется в общей столовой, питание детей — при яслях и детском саде, в столовой при интернате. В состав обслуживающих помещений включались парикмахерская, медпункт, почтово-телеграфный киоск, отделение товаро-производящей сети (магазин-распределитель), механическая прачечная, гараж, бельевая, кладовые, тепловая станция. На территории участка при каждом из секторов проектировались огород, сад, оранжерея и спортплощадка.

⁴⁴ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9799. Л. 140–140 об. Программа конкурса на проект жилищной коммуны на 2 000 человек в городе Ленинграде.

⁴⁵ Юльев М. Ростки нового обобщественного быта // Вопросы коммунального хозяйства. 1930. № 2. С. 35.

С целью привлечения к разработке проектов широкого круга архитекторов, конкурсантам предоставлялась «полная свобода в выборе характера оформления графического и письменного материала, представляемого на конкурс, при общем только условии, чтобы материалы эти понятно и возможно полнее выражали замысел автора»⁴⁶. Все проекты было необходимо представить в Конкурсный комитет не позднее 17 часов 30 мая 1930 года. В состав жюри конкурса вошли представители Президиума Ленсовета, Стройсекции Облплана, Облпрофсовета, Облзддрава, Облоно, Облкомсомола, Межсекционного инженерно-технического клуба, отдела планировки города, треста коммунальных домов, Горжилсоюза, Союза строителей, директор ЛИГИ С. И. Краузе, представители Стройкомхоза В. В. Александров и Г. А. Симонов, профессор А. И. Дитрих, а также эксперты — архитекторы М. М. Синявер и С. О. Овсянников.

На первый тур было подано 30 проектов, которые были выставлены для всеобщего обозрения на выставке, проходившей сначала в Смольном, а затем — в Доме культуры Выборгского района. Там же 1 июля 1930 года на расширенном заседании жюри в присутствии 156 рабочих Выборгского района и представителей общественности было устроено публичное обсуждение проектов и подведены окончательные итоги конкурса. Премии получили 10 проектов⁴⁷, из которых в ГМИ СПб представлен лишь один лист

⁴⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9799. Л. 141.

⁴⁷ Там же. Л. 29. В I туре были премированы: первая премия — проект под девизом «Два круга» (инженер П. М. Китнер), вторая премия — проект под девизом «Компактно» (Кабинет стандартизации и типизации при Архитектурном факультете ЛВХТИ: сотрудник Бронштейн при консультации архитектора М. И. Рославлева); третья премия — проект под девизом «Темп» (Я. О. Свирский, П. И. Томин); четвертая премия — под девизом «Бригада» (бригада ЛО ВОПРА: студенты ЛИКС П. И. Жуковский, А. И. Князев, О. И. Проскурина, Б. Р. Рубаненко, Н. Ф. Хомутецкий, И. О. Шадрин, консультант А. А. Оль); пятая премия — под девизом «Элемент соцгорода» (бригада ЛО ВОПРА: студенты ЛИКС Н. В. Баранов, Л. Ю. Гальперин, Е. А. Ильин, В. Я. Нотес, М. Е. Русаков, А. К. Чалдымов, консультант А. С. Никольский); шестая премия — под девизом «Зеленый прямоугольник» (бригада ЛО ВОПРА: студенты ЛИКС И. Калентьев, Е. Квасников, А. Н. Кривецкий, А. Сухоручкин, Ф. А. Терехин при участии П. И. Смолина); седьмая премия — под девизом «Ответ Пию» (инженер-архитектор К. Н. Шеенков, техник Д. Г. Потапов); восьмая премия — под девизом «Турксиб» (Д. П. Бурышкин, Н. Н. Кравченко); девятая премия — под девизом «Красный с черным кругом» (В. Н. Игнатенко); десятая премия — проект под девизом «Перечеркнутый примус» (студенты ЛИКС И. Антонов, А. Власов, Э. Клаус, Б. Попов, В. Романов).

проекта под девизом «Ответ Пию», получившего седьмую премию и разработанного К. Н. Шеенковым и Д. Г. Потаповым (Иваново-Вознесенск)⁴⁸. В собрании также выявлены восемь листов непермированного проекта первого тура под девизом «Генеральная линия», разработанного студентами ЛИГИ И. Прокофьевым, В. Н. Хруцким, Т. Н. Чегодаевой, И. Н. Чайко при участии художника А. Н. Прошкина⁴⁹.

При проведении второго тура конкурса основные положения Программы были существенно пересмотрены на основании известного постановления ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 года, осудившего как «оппортунистические» и «чрезвычайно вредные» попытки полного обобществления всех сторон быта трудящихся, отделения детей от родителей и запрета индивидуального приготовления пищи. В результате в Программе второго тура были полностью переработаны требования к жилому сектору⁵⁰. Жилые помещения дома-коммуны на 2 000 человек населения, состоящего из 1 400 взрослых и 600 детей, теперь должны были включать 480 отдельных кабин для холостых (по 9 кв. м); 120 двойных кабин (по 15 кв. м) для совместного проживания двух человек; 400 отдельных кабин (по 9 кв. м), соединенных попарно дверью, для проживания семейных пар. Для семей с детьми отводились 200 ячеек из двух комнат-кабин увеличенного размера (площадью по 9 и 15 кв. м), где предусматривалось место для второй (детской) кровати. Дети от 16 до 18 лет жили отдельно от родителей в детском секторе, где для них устраивались отдельные кабины (по 9 кв. м) и общие жилые комнаты на 2–4 человека. Для строительства дома-коммуны был выделен участок в Выборгском районе Ленинграда у станции Кушелевка, ограниченный Алексеевским проспектом (ныне — Политехническая улица), Мало-Спасской (ныне — улица Карбышева) и Путиловской (ныне не существует, вошла в застройку) улицами.

⁴⁸ Атрибутирован нами на основании Протокола совещания жюри (ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9799. Л. 29.), см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 56. Кат. № 210.

⁴⁹ Листы атрибутированы нами, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 56–58. Кат. № 211–218.

⁵⁰ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9799. Л. 43–45. Программа второго конкурса (окончательного) на составление проекта дома-коммуны на 2 000 чел. в Ленинграде.

На второй тур было подано три проекта. Итоги подводились в октябре 1930 года, при этом проекты под девизами «Прогресс» и «А. А.» были признаны не соответствующими программе. Первая и вторая премии не присуждались. Проекту под девизом «Смена» жюри посчитало возможным присудить третью премию, признав, что «неудачная компоновка его отдельных секторов, сложность коммуникации, большое количество вспомогательной площади, высокая стоимость дома и дефекты отдельных деталей не допускают возможности осуществления этого проекта без коренной переработки»⁵¹. В собрании ГМИ СПб выявлены девять листов проекта под девизом «Смена», разработанного бригадой ЛО ВОПРА — Н. Ф. Барановым, А. Н. Кривецким, В. Я. Нотесом, Н. Д. Чемодановым, М. Е. Русаковым и В. Романовым⁵².

По итогам двух туров конкурса жюри пришло к заключению, что они «не дали ни одного решения, которое могло бы быть осуществлено в натуре без коренной переработки», причем «осуществление единого комплекса зданий на 2 000 человек оказывается невыгодным экономически и организационно». Конкурсный комитет порекомендовал поручить проектирование дома-коммуны Стройкомхозу «согласно программы 2-го конкурса и с использованием находящегося в Конкурсном комитете материала, с тем, чтобы обнаруженные в результате проведения конкурса отрицательные моменты задания (как, например, вместимость дома в 2 000 чел.) были соответственно изменены и окончательный проект был изготовлен не позже 1 января 1931 г.». Проектирование было передано в трест Жилгражданстрой для переработки, осуществленной В. Я. Нотесом и М. Е. Русаковым под руководством Г. А. Симонова. В результате был создан проект дома-коммуны на 1 700 человек, реализация которого была намечена на 1931 год. В собрании ГМИ СПб он представлен одним листом⁵³. Строительство осуществлено не было.

Следует особо отметить, что в Музей Города поступали материалы далеко не всех архитектурных конкурсов, проходивших

⁵¹ ЦГАНТД СПб. Ф. 192. Оп. 3–1. Д. 9799. Л. 28. Протокол совещания жюри Конкурсного комитета по постройке Дома-Коммуны в Ленинграде от 12 октября 1930.

⁵² Листы атрибутированы нами, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 58–59. Кат. № 219–227.

⁵³ Атрибутирован нами, см.: Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании ГМИ СПб. С. 59–60. Кат. № 228.

в Петрограде–Ленинграде в рассматриваемый период, кроме того, часть поступивших проектов в ходе постоянных реорганизаций музея в 1930-е годы была утрачена⁵⁴. Хотя хранящаяся ныне в ГМИ СПб коллекция архитектурной графики не отражает с исчерпывающей полнотой картину конкурсного проектирования «эпохи ленинградского конструктивизма», однако, она достаточно репрезентативна. Огромная заслуга в этом принадлежит Музею Города. Его собрание комплектовалось продуманно и профессионально, в нем отразились основные вехи архитектурной жизни города 1920-х – начала 1930-х годов. Последним из конкурсов «эпохи конструктивизма», материалы которого были переданы Музею Города и ныне хранятся в ГМИ СПб, стал всесоюзный конкурс на проект Ленинградского зоопарка. Ныне в фонде советской и современной архитектурной графики ГМИ СПб хранится более 100 листов премированных на этом конкурсе проектов, однако это тема отдельной статьи.

⁵⁴ Отдельные конкурсные проекты 1920–1930-х гг. поступали в Музей истории Ленинграда в более поздний период из личных архивов Я. Г. Гевирца, И. Г. Лангдбарда, Е. А. Левинсона, Н. А. Митурича, А. А. Оля, Н. А. Троцкого и др. архитекторов.

С. А. Кроленко, Л. Г. Мясникова

Коллекция стереоскопических фотографий А. А. Кроленко

В 2001 году в фонды ГМИ СПб поступила коллекция А. А. Кроленко — уникальное собрание стереонегативов и стереофотографий на стекле, насчитывающее 6 000 единиц хранения. Стереоскопические фотографии на стекле были весьма популярны в России в начале XX века. Со стеклянных парных стереонегативов контактным способом печатались позитивы на стекле, впоследствии их стали печатать на бумаге, стереоэффект при этом утрачивался. Данная коллекция может послужить источником для изучения истории Петербурга–Петрограда–Ленинграда и других городов мира после ее полной научной обработки.

Создатель коллекции Александр Александрович Кроленко (1889–1970)¹ родился в г. Ромны Полтавской губернии в семье купца 2-й гильдии, владельца механического завода. В семье было четверо детей, А. А. Кроленко был вторым ребенком². В 1907 году он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который закончил в 1911 году, и с 1912 года работал помощником присяжного поверенного, а с 1917 — присяжным поверенным. Во время Первой мировой войны Кроленко служил в Министерстве земледелия. Сразу после революции он стал заниматься издательской деятельностью, был одним из организаторов трудовой артели «Наука и школа», в задачу которой входила книготорговля и обеспечение книгами учебных заведений.

¹ См.: Мартынов И. Ф., Кукушкина Е. Д. Александр Александрович Кроленко // Книга: Исследования и материалы. Сб. 28. М., 1974.

² Старшая сестра Мария (в замужестве Смирягина) умерла в Ленинграде во время блокады, младшая — Любовь (в замужестве Рождественская) жила в одной квартире с братом и умерла через несколько лет после его смерти. Младший брат Яков до середины 1920-х гг. жил в Ленинграде с семьей, затем переселился в Москву, где умер в середине 1970-х гг.

В 1921 году по предложению Н. В. Болдырева³, А. А. Франковского⁴ и Э. Л. Радлова⁵ Кроленко организовал издательство «Academia», которое возглавлял до 1929 года⁶.

Издательство «Academia» является примером весьма успешного и яркого начинания в области книгоиздания в послереволюционной России, вокруг него сплотилась большая группа известных деятелей культуры и искусства нашего города⁷. Фотографии многих сотрудников издательства имеются в коллекции Кроленко. К работе были привлечены и близкие Кроленко — обе его сестры и брат (одно время он возглавлял московский филиал издательства), а также его будущая жена — Марта Гавриловна Строд.

После перевода в 1929 году издательства «Academia» в Москву Кроленко остался в Ленинграде, где занимался преподавательской работой в книжном и полиграфическом техникумах. В начале 1930-х годов он начал работать в качестве художественного и технического редактора изданий, связанных с театральной жизнью Ленинграда. При участии Кроленко и его сестры Л. А. Рождественской (она была сотрудником издательского отдела Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества) был издан целый ряд книг, посвященных деятельности ленинградских театров.

Во время Великой Отечественной войны Кроленко оставался в Ленинграде, был сотрудником Ленинградского академического малого оперного театра (ныне — Михайловский театр). В 1945 году

³ Николай Васильевич Болдырев (1883–1929) — юрист, приват-доцент, позднее — профессор Петроградского (Ленинградского) университета и Государственного института истории искусств.

⁴ Адриан Антонович Франковский (1890–1942) — филолог, переводчик, секретарь Философского общества, в 1922–1925 гг. — член правления издательства «Academia», с 1923 г. входил в коллегию переводчиков при издательстве.

⁵ Эрнст Леопольдович (Львович) Радлов (1845–1928) — философ, литературовед, переводчик, член-корреспондент Российской академии наук (с 1920), профессор Петроградского (Ленинградского) университета, председатель совета Философского общества. Занимал пост директора Петроградской Публичной библиотеки в 1918–1924 гг., в 1922–1923 гг. — председатель правления и редакционного совета издательства «Academia».

⁶ Архив ленинградского периода деятельности издательства и дневники А. А. Кроленко с 1918 по 1970 г. находятся в отделе рукописей РНБ.

⁷ Об издательстве «Academia» см.: *Дацик И. В., Сидоров И. Н.* Петроградские страницы истории издательства «Academia» // Вече: Альманах русской философии и культуры. Вып. 14. СПб., 2003. С. 210–225.

он вернулся к своей основной профессии и работал адвокатом до выхода на пенсию в 1954 году.

Кроленко увлекся фотографией еще в студенческие годы. Незадолго до Первой мировой войны он начал использовать при съемке стереоскопическую фотокамеру — это был немецкий фотоаппарат для стереоскопических снимков на стеклянные пластинки с двумя объективами — «Гелиарами» фотосилой 4,5 выпуска 1905–1907 годов. Именно этим аппаратом в период с 1915 по 1958 год были сделаны все снимки Кроленко.

Примерно до середины 1930-х годов для съемки и печати стереоскопических диапозитивов использовались пластинки фирмы «Kodak», специально изготавливавшиеся для стандартных стереоскопических фотоаппаратов. В 1930–1950-е годы этот материал оказался недоступным, в качестве негативов и позитивов использовались имеющиеся в продаже советские фотопластинки. Они предназначались для научных целей и отличались высокой контрастностью, а кроме того не подходили по размерам к рамкам фотоаппарата и обрезались вручную. Поэтому эти стекла, как правило, имеют неровные края. Они также значительно толще, чем специальные стекла дореволюционного изготовления.

Коллекцию стереоскопических фотографий Кроленко можно разделить на три основных хронологических периода — 1910-е годы, первые послереволюционные десятилетия и послевоенный.

Одна из значительных серий дореволюционного периода посвящена семье профессора Н. В. Болдырева, с которым Кроленко был связан в дальнейшем по работе в издательстве «Academia». Фотографии сделаны, по-видимому, на даче Болдыревых, расположенной на Каменном острове или близ него. Все четыре сына Н. В. Болдырева стали известными учеными и внесли заметный вклад в развитие отечественной науки. Младший из них, Александр, известный востоковед, является автором мемуаров «Осадная запись» (СПб., 1998), в которых содержится много сведений о семье Болдыревых.

Многие сюжеты фотографий этого времени связаны с квартирой, которую Кроленко занимал со своей семьей с 1914 года (возможно, и ранее) и в которой прожил до конца дней. Это квартира № 9 на третьем этаже дома № 66 по улице Гороховой. Старинный особняк начала XIX века известен как дом Домонтовичей,

им владели родители известной революционерки, политической деятельницы, дипломата А. М. Коллонтай (урожденной Домонтович). Ее сестра проживала на втором этаже этого дома до середины 1930-х годов. Некоторые сведения о доме можно найти в книге В. Я. Курбатова «Петербург. Художественно-исторический очерк и обзор художественного богатства столицы» (СПб., 1913). В этом доме А. А. Кроленко жил со своими родителями, сестрами и младшим братом, а с 1944 года здесь остались А. А. Кроленко с женой Мартой Гавриловной и сыном Сергеем Александровичем и его сестра — Любовь Александровна. Квартира была обставлена хорошей мебелью, ее украшали картины К. Н. Вещилова, В. Н. Федоровича, Альб. Н. Бенуа и две большие бронзовые скульптуры М. Клодиона. У Кроленко была прекрасная библиотека.

Ряд фотографий 1916–1918 годов снят из окон квартиры, выходящих на Гороховую улицу. На снимках запечатлены похороны генерала, погибшего во время Первой мировой войны, похороны Г. В. Плеханова (1918). Представляют интерес фотографии двора дома № 66 (на одной из них запечатлен дворник), групповой снимок жильцов, а также виды прилегающих улиц, в том числе постройки на Загородном проспекте, в частности, здание с пожарной каланчой напротив Семеновских казарм. Дополняет эту серию снимок разрушенного во время революции дома на углу Загородного проспекта и Гороховой улицы, который занимал участок современного дома № 70 по Гороховой. До революции в этом угловом доме размещался полицейский участок, а после сноса дома много лет здесь располагался небольшой угловой скверик. В 2005–2006 годах на этом месте был построен новый жилой дом.

В коллекции имеются относящиеся к 1915–1916 годам снимки других районов Петрограда и его окрестностей. Среди них — фотографии, сделанные на Невском, Московском и Каменно-островском проспектах, Крестовском острове и т. д.

Большая серия фотографий 1915 года посвящена поездке А. А. Кроленко и его сестер к своим родителям в город Ромны на Украине. На снимках запечатлены как семейно-бытовые сцены, так и виды этого маленького провинциального городка.

Следующая группа фотографий 1915–1916 годов связана с В. Н. Пастуховым, его женой М. В. Пастуховой и их окружением. По рассказам А. А. Кроленко, он познакомился с Пастуховым,

который был лет на 10 старше, еще в студенческие годы. Пастухов имел прекрасную квартиру в Петербурге, большую дачу с пристанью на Волге, где-то в районе Плеса, и дом в Ярославле. Он был тонким ценителем искусства, имел в художественной среде широкий круг знакомых, среди которых были и представители семьи Бенуа; кстати, сам Пастухов, по свидетельству современников, очень хорошо играл на фортепьяно. Кроленко и Пастухова сблизила любовь к стереоскопической фотографии, которой Пастухов начал заниматься, по-видимому, еще в начале 1900-х годов. Фотографии из коллекции Кроленко с видами Кавказа, разных городов и местностей Западной Европы, Северной Африки были сделаны Пастуховым во время его многочисленных путешествий в 1900–1910 годах. Почти на всех негативах и многих диапозитивах имеется авторская надпись, идентифицирующая место съемки (обычно город, а иногда и более детальные сведения), иногда год съемки, а также каталожные номера первого владельца. Многие надписи на стереоскопических диапозитивах были сделаны позже самим Кроленко. Он специально занимался определением архитектурных памятников на этих фотографиях. Весьма вероятно, что Пастухову принадлежали и некоторые другие фотографии дореволюционного периода, в частности, съемка франко-российских торжеств в связи с государственным визитом в Санкт-Петербург президента Франции Э. Лубе в 1902 году.

После революции Пастухов и его семья эмигрировали, тогда-то Пастухов и передал Кроленко многие из своих фотографий. Можно с уверенностью предположить, что в воспоминаниях И. В. Одоевцевой описаны те самые Пастуховы — друзья Кроленко: «В Риге мы с Георгием Ивановым вели более светскую, чем литературную жизнь... Один из его друзей юности, “очаровательный Валечка Пастухов”, поселился в Риге, и с ним я сразу подружилась.

Этот Валечка Пастухов действительно на редкость очаровательный, застенчивый и нежный, заслуживший в Петербурге прозвище по Маяковскому — “не мужчина, а облако в штанах”, был женат на Марии Владимировне Майборода, “женщине с бородой”, как ее называли из-за фамилии, а главное из-за ее мужеподобия, энергии и активности. Более нелепого брака, кажется, и придумать нельзя было, а оказалось, что Валечка всем был обязан своей жене,

без нее он — бывший миллионер и отличный пианист, совершенно не способный к жизненной борьбе, в эмиграции, конечно, влачил бы жалкое существование, давая грошовые уроки музыки, за которые большинство его учеников не платило бы вовсе. Она же взяла дело в свои железные руки и добилась того, что в Риге учиться музыке у Пастухова считалось честью... очень дорого стоящей. Завела она к тому же и связи в рижском свете и сумела сделать из своего — правда талантливого мужа местную знаменитость. Супругов Пастуховых мы часто встречали в рижских светских кругах»⁸.

Необходимо отметить, что Кроленко большинство дат на негативах Пастухова изменил на 1913–1914 годы — время его собственных кратковременных поездок в Европу, но старая датировка иногда угадывается. Обращает внимание также и то, что практически на всех фотографиях этой группы отсутствуют портреты — самого фотографа или его спутников. Возможно, Пастухов путешествовал один, но, скорее всего, в коллекции Кроленко сохранились только те фотографии, которые не несли никакой информации о Пастухове. Более того, Кроленко, по всей видимости, в советское время постарался уничтожить все свидетельства об авторе и первом владельце этих фотографий, что вполне объяснимо, если учесть атмосферу того времени, — ведь Пастухов был эмигрантом.

Кроленко сам много фотографировал Пастуховых, часто — в их собственном доме, в компании с художниками, музыкантами, деятелями культуры. На снимках запечатлены также родственники Пастуховых, их дача. Большая серия фотографий посвящена путешествию Кроленко с Пастуховыми по Волге — они посетили Рыбинск, Ярославль, Казань, Нижний Новгород. Интересна подборка фотографий, сделанных в петербургской мастерской барона К. К. Рауша во время создания скульптурного портрета жены Пастухова.

Еще одна серия фотографий связана с художником Альбертом Николаевичем Бенуа, его семьей и окружением⁹, среди них — вид дачи Бенуа в Петергофе, портреты Бенуа, его жены и учениц, в том числе — с посланником Японии в России.

⁸ *Одоевцева И. В.* На берегах Сены. М., 1989. С. 70–71.

⁹ Большинство стереоскопических снимков этой серии находятся в Музее семьи Бенуа в Петергофе.

Следующий большой пласт фотографий — снимки первых послереволюционных десятилетий. Они разнообразны по тематике — это семейные фотографии, автопортреты, снимки, отражающие разнообразную творческую деятельность Кроленко, виды Петрограда–Ленинграда.

Многие фотографии 1920-х годов связаны с работой Кроленко в издательстве «Academia», на них запечатлены магазины издательства «Academia» и артели «Наука и Школа» на Литейном (тогда — Володарского) проспекте, 53, портреты сотрудников издательства. Заслуживает внимания серия групповых снимков, сделанная в студии М. С. Наппельбаума в 1926 году, когда отмечалось пятилетие издательства. Помимо основной официальной фотографии, снятой Наппельбаумом, ряд снимков был сделан самим А. А. Кроленко¹⁰. Большой интерес представляют фото-портреты известных деятелей культуры того времени: художника и режиссера Н. П. Акимова, поэта М. А. Кузмина, художника Н. Э. Радлова, литературоведов С. С. Мокульского, В. М. Жирмунского, А. А. Смирнова, А. А. Франковского. Несколько снимков были сделаны Кроленко на обеде, который состоялся в его доме в честь юбилея издательства.

Фотографии 1920–1930-х годов запечатлели разнообразные сюжеты из жизни города: наводнение 1924 года, разрушение Введенского собора лейб-гвардии Семеновского полка на Загородном проспекте в 1933 году и перестройка здания Немецкой реформатской церкви на улице Герцена (ныне — Большая Морская), 58, в начале 1930-х годов для размещения в ней Дворца культуры работников связи; зрительские трибуны на ипподроме (на одной из них — профессор К. Н. Державин), виды яхт-клубов; большая серия фотографий посвящена интерьерам Пушкинского дома. Снимки отражают характерные для того времени моменты: оформление площади Урицкого (Дворцовой) к Первомайскому празднику; подготовку учащихся Техникума печати к демонстрации; подростки на катке, залитом во дворе между домами. Живой интерес вызывают фотографии 1921–1922 годов, где на фоне Павловского парка запечатлены веселые, нарядные, шутиво позирующие перед объективом сам Кроленко, его жена, их

¹⁰ Эти фотографии хранятся в личном архиве С. А. Кроленко и в РНБ.

родственники и знакомые. Эти фотографии существенно дополняют представления о жизни города и эмоциональном настрое горожан в ту непростую историческую эпоху.

Для своей педагогической работы Кроленко сделал серию фотографий (правда, это не стереоскопические снимки) производственного процесса в одном из ленинградских издательств и типографии, которые отражают все этапы создания книги.

В период с 1928 по 1930 год Государственный академический театр драмы совместно с другими театрами Ленинграда организовал летний пансионат для своих работников в деревне Олиферовка на Украине, недалеко от Миргорода. Там в течение двух летних сезонов отдыхал Кроленко и сделал много интересных снимков (не стереоскопических, но с использованием стереоскопической камеры). В этой группе фотографий есть портреты художественного руководителя театра Н. В. Петрова, Н. П. Акимова, Е. И. Замятина, других известных ленинградцев, а также целый ряд снимков местных жителей, демонстрирующих национальные костюмы.

По окончании отдыха на Украине Кроленко совместно с несколькими другими отдыхающими (среди них — Н. В. Петров) совершил путешествие на Кавказ и в Крым. Виды Кавказа появляются и на более поздних фотографиях — середины и конца 1930-х годов. В Кисловодске и его окрестностях отдыхали актеры Е. П. Корчагина-Александровская, И. А. Ростовцев, писатель К. И. Чуковский и др.

Среди фотографий деятелей культуры следует отметить портреты художника Н. Э. Радлова, его жены, художницы Н. К. Шведе-Радловой, сделанные в их квартире, которая одновременно была мастерской; Н. П. Акимова — в его студии, а также во время визита на дачу в Сиверскую, где отдыхал И. И. Соллертинский с женой. Представляют интерес и портреты известного карикатуриста Б. И. Антоновского, который бывал в гостях у Кроленко на Гороховой. Несколько фотографий запечатлели путешествие в 1938 году Акимова, Кроленко и сына художника Б. М. Кустодиева Кирилла на резиновой лодке по реке Псел. Инициатива этого туристического похода принадлежала Акимову.

Серия фотографий посвящена дружеским встречам в квартире Кроленко, в том числе — предновогодней встрече в 1931 году. В доме Кроленко тогда собрались М. А. Кузмин, супруги Мокульские,

Н. П. Акимов, среди гостей был и писатель Е. И. Замятин, вскоре навсегда покинувший Россию. Частым героем семейных фотографий является Екатерина Васильевна Кезевич, в замужестве Каменская, — сестра Василия Васильевича Кезевича, второго мужа Л. А. Кроленко. Михаил Давыдович Каменский, муж Е. В. Каменской-Кезевич, был профессором Политехнического института. На снимках запечатлены интерьеры квартиры Каменских на улице Марата.

Сравнительно немного фотографий сделано в других городах — Москве, Киеве, Харькове. Среди московских снимков — квартира брата Кроленко, Якова Александровича, виды города, парад физкультурников, зафиксировано и посещение одной из подмосковных дач, которую на лето снимали Родионовы — родственники Кроленко.

Фотографии послевоенного периода тематически близки предшествующим. Особое место и значительную часть коллекции занимают выполненные в 1950-е годы стереоскопические фотографии памятников Ленинграда и пригородов. Кроленко поставил своей задачей запечатлеть основные архитектурные памятники города. Он планировал использовать этот материал для педагогической и музейной работы. Было снято более 600 видов улиц, площадей, памятников, набережных, отдельных зданий, парков, кладбищ. В целом, не будучи особенно оригинальными, они создают картину города 1950-х годов, а также содержат ряд уникальных фотографий с объектами, подвергшимися в дальнейшем частичной или полной реконструкции — такими, как Апраксина церковь, Введенский канал, Сенная площадь и др. Жанровых и уличных сцен в этой серии мало — к их числу можно отнести снимки футбольного матча на стадионе Кирова, дачные и пляжные фотографии в Комарово и Репино, выставку собак в саду Дзержинского, посещение зоопарка, прогулки на островах и по г. Пушкину. Серия фотографий запечатлела похороны академика Державина.

В это время выполнено много портретов — знакомых, друзей и близких Кроленко. Серия снимков сделана за городом, где Кроленко в эти годы снимал летом дачу, и запечатлела любимые места отдыха ленинградцев — Зеленогорск, Комарово, Репино. Интерес представляет большая групповая фотография ленинградских адвокатов (в т. ч. знаменитости того времени — адвоката Н. П. Успенского), с которыми Кроленко был в дружеских

отношениях. Многие фотографии коллег-адвокатов были сняты в их квартирах, во время совместных прогулок по Ленинграду, поездок по Карельскому перешейку.

Длительные дружеские отношения связывали Кроленко с профессором Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института (ныне — Санкт-Петербургская государственная медицинская академия им. И. И. Мечникова), известным гастроэнтерологом и специалистом по витаминам Симоном Михайловичем Рыссом и его семьей: женой, врачом-фтизиатром Верой Ивановной Мордвинкиной и сыном Евгением, профессором медицины. Эту семью Кроленко фотографировал, главным образом, на их даче в Комарово.

Многие снимки сделаны в Доме отдыха работников искусств, в Доме отдыха Малого оперного театра в Комарово, среди них — фотографии Д. Д. Шостаковича, И. Д. Гликмана, К. Н. Державина, Н. П. Акимова, литературоведов Б. М. Эйхенбаума, В. М. Жирмунского, режиссера Л. С. Вивьена, переводчика В. Д. Метальникова и др.

В послевоенный период сохранялись самые дружеские отношения Кроленко с Н. П. Акимовым и его семьей¹¹. Ряд фотографий выполнен в доме Акимова, во время семейных торжеств. На фотографиях в интерьере квартиры запечатлены его жена, актриса Елена Владимировна Юнгер, дочь — Анна, гости: знаменитый артист, сатирик, режиссер А. И. Райкин с женой Р. М. Иоффе, артистка Театра комедии Л. А. Люлько, физик Н. А. Толстой и другие. Сфотографировано также празднование дня рождения известного специалиста по истории музыкального театра и друга Д. Д. Шостаковича И. Д. Гликмана, на котором присутствовал дирижер Э. П. Грикуров и другие деятели культуры.

В коллекцию вошли также фотографии, сделанные сыном Кроленко, Сергеем Александровичем (одним из авторов данной статьи), в бытность его студентом и аспирантом биолого-почвенного факультета ЛГУ, в 1949–1956 годах. Это индивидуальные и групповые снимки студентов и аспирантов университета (главным образом, физиологов и биофизиков). Некоторые фотографии были сделаны на вечерах, которые проходили в квартире Галины Петровны Обуховой, будущей жены Сергея Александровича. Многие

¹¹ Об этом свидетельствует их переписка, см.: Акимов — это Акимов! СПб., 2006. С. 170–178.

из молодых ученых, запечатленных на снимках С. А. Кроленко, после окончания аспирантуры работали или работают по настоящее время в Институте цитологии РАН — это директор института Н. Н. Никольский, заведующие лабораториями Г. Н. Можаяева, А. А. Веренинов, а также действительный член РАН О. Г. Кусакин, возглавлявший лабораторию в Институте биологии моря во Владивостоке, Ю. А. Панков, действительный член Российской академии медицинских наук (РАМН), который долгие годы был директором Института эндокринологии РАМН в Москве.

С. А. Кроленко была также сделана серия фотографий у надгробного памятника выдающемуся физиологу академику А. А. Ухтомскому в день его памяти (год установить не удалось). Среди выступавших: профессор, заведующий кафедрой физиологии человека и животных ЛГУ, Н. В. Голиков. В группе, стоящей у надгробия, — А. В. Жирмунский, впоследствии — организатор Института биологии моря во Владивостоке, академик; Б. П. Ушаков, научный сотрудник Института физиологии им. А. А. Ухтомского, позже — заведующий лабораторией в Институте цитологии РАН, И. П. Суздальская, В. П. Трошина и другие сотрудники Института физиологии.

В коллекции Кроленко имеется также большая группа стереоскопических фотографий, датируемых началом XX века, происхождение и авторство которых не ясно. Часть из них могла принадлежать Аксельроду, брату известного российского революционного деятеля. Судя по качеству снимков, он был профессиональным фотографом и увлекался стереоскопической фотографией. Кроленко достаточно хорошо его знал, они обменивались материалами. Среди этих фотографий — виды Санкт-Петербурга, групповые портреты детей в маскарадных костюмах, выполненные в одном из петербургских дворцов. Не установлено авторство большой серии фотографий с видами разных городов и местностей: Кавказа (запечатлена Кавказская железная дорога, Тифлис, Баку), Крыма (виды Ялты, горная часть Крыма и побережье), много фотографий, сделанных в Прибалтике, Польше, Финляндии (в том числе — съемка водопада Иматра). Другая значительная часть снимков выполнена в окрестностях Петербурга — Павловске, Пушкине, отдельная группа фотографий посвящена поселку Кирилловское (Перкьярви).

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что уникальная коллекция стереоскопических фотографий А. А. Кроленко, ныне хранящаяся в ГМИ СПб, охватывает значительный период — первую половину XX века и представляет большой историко-культурный интерес. Она разнообразна по жанрам и включает семейные фотографии, бытовые снимки, хронику ряда исторических событий, индивидуальные и коллективные портреты многих известных деятелей науки и культуры. Большой и важный раздел составляют снимки архитектурных памятников городских и пригородных ансамблей в пред- и послереволюционный период. Авторская часть коллекции тщательно систематизирована. Ее материал, за единичными исключениями, никогда не публиковался и практически не известен широкому кругу специалистов. Все сюжеты коллекции объединены интересами, кругом знакомств, историей жизни и профессиональной деятельности их автора — человека высокой культуры и разнообразных интересов, создателя и руководителя издательства «Academia». Многочисленные стереоскопические фотографии В. Н. Пастухова, а также ряд снимков, авторство которых пока не выяснено, дополняют коллекцию, расширяя ее тематику и географические рамки.

ИСТОРИЯ МУЗЕЯ

Г. П. Игнатьева

Деятельность Подвижного музея наглядных учебных пособий в Петербурге и участие в ней узников Шлиссельбургской крепости

Подвижной музей в Петербурге был создан при Постоянной комиссии по техническому образованию Императорского русского технического общества. Главная задача музея заключалась в том, чтобы облегчить и сделать более продуктивным преподавание тех учебных предметов, которые по своему характеру требовали наглядных пособий. С этой целью музей выдавал на библиотечных началах во временное пользование физические приборы, приборы и посуду для химических опытов, всевозможные коллекции по всем отделам естествознания, а также проекционные фонари и световые картины. Право пользования музеем принадлежало всем без исключения школам, учреждениям и частным лицам. Вслед за появлением Подвижного музея в столице стали создаваться подобные музеи и в других городах России. Эта инициатива положила начало широкому движению по созданию и распространению учебных пособий, столь необходимых для деятельности многочисленных школ и учебных заведений, открывавшихся в это время по всей стране.

История музея началась в 1892 году, когда в Петербурге организовался кружок лиц самых разных профессий — литераторов, юристов, врачей, педагогов, ученых, готовых содействовать созданию собрания наглядных пособий, в которых остро нуждались учебные заведения — особенно воскресные и начальные школы, число которых к концу XIX столетия значительно возросло.

Участники первого заседания кружка — около 30 человек — собрали необходимые для преподавания предметы: «гербарии, минералы, спиртовые препараты, волшебный фонарь и картинки к нему, иллюстрации, вырезанные из журналов

и иллюстрированных изданий»¹. Так было положено начало коллекции Подвижного музея.

На взносы членов кружка была арендована за десять рублей в месяц небольшая комната в помещении частной библиотеки Рубакиных по адресу Б. Подъяческая улица, 24. Заведование музеем поручили Н. А. Рубакину, который жил в квартире при библиотеке².

Идея Подвижного музея встретила горячее сочувствие как среди жертвователей коллекций, так и среди лиц, желающих ими пользоваться.

На заседании кружка 18 октября 1893 года было решено открыть музей для всеобщего пользования. Члены кружка обратились в Постоянную комиссию по техническому образованию Императорского Русского технического общества с просьбой признать музей одним из своих учреждений. 10 ноября 1893 года совет общества, рассмотрев предложение комиссии об учреждении Подвижного музея, разрешил ей принять его в свое ведение, и 14 января 1894 года постановление Совета «было принято к сведению и исполнению»³.

С этого времени музей начал свою официальную деятельность с вывеской «Подвижной музей наглядных пособий при Постоянной комиссии по техническому образованию Императорского Русского технического общества, по адресу Большая Подъяческая, дом № 24».

С тех пор история музея неразрывно связана с просветительской деятельностью Постоянной комиссии, председателем которой в это время был А. Г. Неболсин, известный деятель технического образования, член ученого комитета Министерства народного просвещения по техническому и профессиональному образованию, председатель Фонда народного просвещения. Комиссия вышла далеко за рамки, определенные

¹ Стасова Е. Д. Воспоминания. М., 1969. С. 27.

² Частная общедоступная библиотека, основанная Л. Т. Рубакиной в 1885 г., располагалась на углу Б. Подъяческой и Садовой улиц, в доме Дурдина. Продолжил дело Рубакиной ее сын Николай Александрович Рубакин (1862–1946) — известный библиограф, публицист, популяризатор научных знаний. Рубакинская библиотека стала базой для первых воскресных рабочих школ.

³ Страхова М. И. Подвижные музеи наглядных пособий, их задачи и образовательное значение. СПб., 1905. С. 2.

ее наименованием, она «первая признала важность образования для простых рабочих, и в то время, когда правительство почти исключительно заботилось лишь о высшем образовании, она приступила к устройству школ для взрослых рабочих и их детей»⁴. В учебных заведениях комиссии обучалось 3 336 человек. В ее ведении состояли 12 вечерних школ взрослых для рабочих мужчин и 2 для работниц, 7 школ для малолетних рабочих и работниц, 12 начальных школ для детей рабочих, ремесленное училище по механическому делу, школа печатного дела, женские рукодельные классы при Путиловском заводе. Эти школы, училища и мастерские были расположены в рабочих районах или при больших заводах — Путиловском, Обуховском, Невском и других. Всю эту массу учеников обучали 130 учителей-энтузиастов, они приняли активное участие и в создании Подвижного музея, поскольку остро нуждались в наглядных пособиях для преподавания. Сотни лиц внесли в это дело инициативу, средства, свой труд. Можно сказать, что Подвижной музей был созданием многих «скромных и беззаветных тружеников»⁵, как назвал в 1909 году первых его организаторов М. В. Новорусский.

Главной задачей музея являлось предоставление во временное пользование школам и частным лицам естественно-исторических коллекций и других наглядных учебных пособий, в том числе картин для устройства чтений с проекционным фонарем. Кроме того, в задачи музея входило: объяснение коллекций музея, организация справочного бюро, устройство педагогическо-учебной библиотеки и издание книг и учебных пособий.

Все существенные вопросы жизни музея решались на общем собрании его членов, желающие активно участвовать в работе музея принимались без ограничения. Общее собрание членов музея выбирало распорядительное бюро, в состав которого входили: заведующий музеем, секретарь и казначей. Заведующей музеем долгое время была М. И. Страхова, учительница арифметики, у которой в свое время учились Е. Д. Стасова и А. М. Коллонтай.

⁴ Гизе М. Э. Подвижной музей учебных пособий в Петербурге // Советская педагогика. 1973. № 4. С. 116.

⁵ Новорусский М. В. Итоги 15-летней деятельности Подвижного музея при Постоянной комиссии по техническому образованию Императорского русского технического общества (1894–1909). СПб., 1909. С. 15.

Научные пособия были распределены по следующим отделам: физика, химия, география, минералогия, кристаллография, геология, этнография, палеонтология, ботаника, зоология, анатомия. Кроме того, в музее имелись микроскопы, проекционные фонари, световые картины.

Наглядными пособиями и приборами пользовались самые разнообразные учреждения Петербурга: начальные, средние и высшие учебные заведения, детские сады, воскресные школы и курсы для взрослых, народные аудитории на заводах, больницы, Общество трезвости, Дом призрения Императорского человеколюбивого общества и другие.

Подводя итоги 15-летней деятельности Подвижного музея (1894–1909), М. В. Новорусский писал: «Кроме учреждений музеем пользуются и малыши в детских садах, и сдобородые слушатели народных аудиторий, денщики и офицеры, слушатели Педагогической академии, больничные сиделки и лица, сдающие экзамены на доктора медицины»⁶.

В 1899/1900 учебном году фондом музея пользовались 157 учреждений и 139 частных лиц. В 1903/1904 учебном году количество учреждений возросло до 338, а частных лиц — до 184. В 1906/1907 учебном году к музею обратились 642 учреждения.

Музей был открыт только в учебное время, с 10 сентября по 15 мая, четыре раза в неделю. Выдача пособий из музея производилась по абонементу и для разового пользования. Самый высокий размер платы — 25 рублей — был установлен для высших, средних учебных заведений и частных лиц на весь учебный год. Начальные воскресные школы, вечерние классы для рабочих, народные аудитории и другие общественные просветительские учреждения приобретали абонементы за 5 рублей, а за разовое пользование одним предметом нужно было платить от двух копеек до одного рубля, в зависимости от предмета.

О быстром развитии спроса на коллекции свидетельствовали ежегодные отчеты музея:

в 1894–1895 учебном году было выдано из музея 2 725 предметов,
в 1897–1898 году — 27 541 предмет,

⁶ Новорусский М. В. Итоги 15-летней деятельности Подвижного музея при Постоянной комиссии по техническому образованию Императорского русского технического общества (1894–1909). СПб., 1909. С. 10.

в 1899–1900 году — 47 370 предметов,

в 1903–1904 году — 100 853 предмета,

в 1907–1908 году — 220 324 предмета.

Если в 1899/1900 учебном году в дни выдачи учебных пособий работали 12 человек, то в 1906/1907 учебном году в приемные дни выдачей предметов занимались от 80 до 150 человек, среднее число выданных за день предметов колебалось от 300 до 1 750, число посетителей в день доходило до 150 человек.

Для удобства абонентов музей организовал доставку экспонатов на дом, приобрел фургон, а для зимы — сани, арендовал лошадь. Стоимость одной доставки составляла: 30, 45, 60 копеек — для начальных училищ, 40, 55, 70 — для средних.

«Чтобы облегчить работу лошади и, вместе с тем, чтобы иметь возможность доставлять пособия в тот же день, город был разбит на участки, и каждый участок обслуживался в определенный день. Число абонентов, желающих пользоваться этой услугой музея, стремительно росло»⁷.

Разнообразная просветительская деятельность Подвижного музея стала возможной благодаря пожертвованиям коллекций и приборов и безвозмездному труду многочисленных сотрудников, которые оформляли, классифицировали коллекции, рисовали таблицы и схемы, писали научные аннотации, выполняли переплетные работы, делали ящики и коробки для приборов, дежурили в музее в дни приема и выдачи.

От многочисленных жертвователей в музей поступили тысячи книг, специальных атласов, альбомов, таблиц, фотографий, гербариев флоры России и многих стран мира, коллекции по энтомологии и зоологии (раковины, кораллы, скелеты и чучела животных и птиц), геологии и минералогии (10 000 экземпляров различных минералов с Екатеринбургской гранильной фабрики, самородки золота и платины из сибирских приисков, образцы слюды из месторождения на реке Витим в Восточной Сибири, минералы из горного района Гарца в Германии, коллекция шлифованных драгоценных, полудрагоценных камней и янтаря и другие), продукты чугунно-плавильного, нефтяного, резинового, шерстяного, бумагопрядильного производства. Собрание музея пополнялось

⁷ Отчет о деятельности Подвижного музея за 1910–1911 гг. СПб., 1911. С. 11.

физическими и химическими приборами и реактивами, микроскопами, станками, инструментами, моделями паровой машины, паровозов, фотографиями античных камней и рисунками, показывающими процесс изготовления камней. Академия художеств пожертвовала коллекцию орнаментов и фигур для рисования. В 1903 году от императора Николая II в музей поступил шкаф с моделями и образцами элементарных физических приборов, а также рельефная стенная карта Европейской России.

Постоянное содействие музею оказывала графиня С. В. Панина: на ее средства в 1902 году для нужд музея было приобретено трехэтажное здание по адресу Прилукская улица, 10; она предоставила в пользование музея астрономическую обсерваторию, построенную в Лиговском Народном Доме.

С 1900 года в бюджет музея ежегодно поступали субсидии по 1 000 рублей от Министерства финансов, Санкт-Петербургского Попечительства о народной трезвости, от Министерства торговли и промышленности. В 1903–1904 учебном году Министерство финансов сделало единовременный взнос в размере 5 000 рублей. Деньги поступали от Министерства народного просвещения, от многих частных лиц, в пользу музея шел доход от чтения лекций его сотрудниками. Артистка С. П. Глинская устроила спектакль, выручка от которого также предназначалась для пополнения средств музея.

В 1915 году Подвижной музей насчитывал в своем составе более 120 постоянных членов, среди них — В. М. Арцыховский, Е. А. и Н. А. Бекетовы, В. Г. Графтио, Ф. Ф. Ильин, А. М. Коллонтай, А. Г. и М. В. Неболсины, графиня С. В. Панина, Е. Д. Стасова, М. И. Страхова, М. А. Стахович, Е. Н. Янжул. Активное участие в деятельности музея приняли узники Шлиссельбургской крепости, постоянными членами музея были шлиссельбуржцы В. Г. Иванов, И. Д. Лукашевич, Н. А. Морозов, М. В. Новорусский, М. Н. Тригони, М. П. Шебалин.

Музей постоянно расширял свою деятельность: была организована мастерская учебных пособий, которая готовила коллекции и приборы для обслуживания жителей Петербурга и губернии, выполняла многочисленные заказы из провинции — в отчете музея за 1901–1902 годы перечислено около 100 городов и местностей России.

Для сбора материалов по зоологии и минералогии сотрудники совершали экспедиции на Урал, Кавказ, в Финляндию, Крым.

В 1903–1904 годах музей принимал участие в трех выставках в Петербурге. В Таврическом дворце на выставке «Детский мир» музей демонстрировал коллекцию наглядных пособий для начального обучения, за которую ему была присуждена высшая награда — Почетный диплом. Вторая выставка проходила в Соляном городке на Третьем съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию; музеем также был присужден Почетный диплом за общую деятельность, золотой медалью была награждена мастерская музея. Третья выставка была организована в Военно-медицинской академии во время Пироговского съезда.

В 1908–1909 учебном году при музее возник литературно-издательский отдел с целью издания каталогов и указателей наглядных пособий и книг.

Музей рекомендовал молодым учителям, работавшим в далекой провинции, книги, которые «заслуживали распространения по своей серьезности, научности и доступности»⁸.

Важным достижением в деятельности музея была организация подвижного школьного кинематографа. Для этого обратились за содействием к графине С. В. Паниной, она пожертвовала 300 рублей на приобретение необходимого оборудования, которое позволяло обслуживать большие аудитории, в частности Народный Дом.

Сотрудники музея, совместно с учителями-абонентами, разработали программу, рассчитанную на один час. В программу вошли научные, видовые, литературные, сказочные, комические ленты: «Петр Великий», «Мертвые души», «Извержение Этны», «Волга», «Птицы на гнездах», «Волшебная лампа Аладдина», «На проволоке через Ниагару» и другие. Дети всюду восторженно принимали показанные им живые «теневые сцены». За один учебный год киносеансы посетило около 14 000 человек.

Отдельная страница истории Подвижного музея — участие в его работе узников Шлиссельбургской крепости. В течение нескольких лет (1897–1902) узники Шлиссельбурга — народолюбцы В. Г. Иванов, И. Д. Лукашевич, Н. А. Морозов,

⁸ Новорусский М. В. Итоги 15-летней деятельности Подвижного музея... С. 14.

М. В. Новорусский, М. Н. Тригони, В. Н. Фигнер выполняли заказы Подвижного музея. Засушенные растения привозили из музея, разнообразный материал для гербариев давала работа заключенных на огородах. По свидетельству М. В. Новорусского, иногда, по просьбе узников, унтер-офицеры тюремной охраны привозили растения из окрестностей Шлиссельбурга. Из предоставленных музеем материалов изготавливались разнообразные коллекции по минералогии, геологии, кристаллографии, зоологии и ботанике.

Оригинальный и увлекательный для заключенных труд продолжался несколько лет, узники крепости достигли больших успехов. «Наша работа по составлению гербариев достигала такого совершенства, что свежесть окраски и красота расположения растений восхищали не только товарищей, но и заслужили похвалу на Парижской выставке, куда их посылал музей, скрыв их происхождение из русской Бастилии»⁹. М. В. Новорусский вспоминал: «За один мой гербарий огородных растений, в котором было около 70 листов, на Парижской выставке 1900 года предлагали музею 50 рублей, но музей не согласился продать ценный экспонат»¹⁰. Процесс оформления коллекций требовал мастерства — для изготовления альбомов, футляров, коробок, ящиков — и больших научных знаний, поэтому из Подвижного музея в крепость доставляли специальную литературу, справочники, указатели, а также свежие журналы и книги.

Кроме гербариев народовольцы использовали растения для изготовления коллекций по органографии цветка на стеклянных пластинках, М. В. Новорусский сделал около 1 000 штук, В. Н. Фигнер писала, что он «отличался особенной производительностью, а Н. А. Морозов специализировался на коллекциях мхов и лишайников»¹¹.

За четыре года народовольцы — узники Новой тюрьмы — сделали 297 гербариев и коллекций по ботанике (некоторые гербарии насчитывали до 470 листов), минералогии, геологии, зоологии, географии, химии (около 70), кроме того, были осуществлены столярные и картонажные работы — более 230 ящиков, коробок и папок для коллекций.

⁹ Фигнер В. Н. Когда часы жизни остановились. М., 1923. С. 131.

¹⁰ Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. 1887–1905. М., 1933. С. 170.

¹¹ Фигнер В. Н. Когда часы жизни остановились. С. 133.

Начальник Шлиссельбургского жандармского управления каждый месяц представлял в Департамент полиции сведения о работах, произведенных арестантами Шлиссельбургской тюрьмы¹².

В мае 1901 года были сделаны 34 гербария по органографии и систематике растений, 9 гербариев огородных растений, 3 гербария растений по способу питания и размножения, 5 коллекций насекомых, 2 коллекции цветочных семян, 4 коллекции цветов на стеклах, 16 коллекций по минералогии, 4 коллекции мхов, лишайников и водорослей, 1 карта звездного неба, 1 модель радуги, 1 папка с геологическими картами земного шара и другие, всего 97 предметов¹³.

В июне 1901 года узники выполнили 48 предметов по разным отраслям естествознания, в том числе 10 гербариев огородных растений, 3 гербария грибов, 6 коллекций бабочек и жуков, 5 коллекций полезных ископаемых горных пород, 1 модель улья, 1 статистическую таблицу по этнографии и другие¹⁴.

С большой благодарностью М. В. Новорусский вспоминал в своих мемуарах доктора Н. С. Безродного, который был посредником в сношениях с музеем: «Доктор оказался человеком весьма подходящим для роли ученого корреспондента. Всегда снисходительный и внимательный, всегда спокойный и обходительный, он с полным усердием и терпением вел это сложное и щекотливое дело. Не знаю, сочувствовал ли он искренно целям музея или старался только о том, чтобы доставить нам разумный и продуктивный труд. Он с готовностью отзывался на каждую просьбу, обращенную к нему в целях расширения нашего дела»¹⁵.

Источником для минералогических и геологических коллекций была земля крепости, которую многократно перекапывали узники, не оставляя без внимания ни один булыжник. Руды присылали из Подвижного музея. Предприимчивый В. Г. Иванов выписывал камни с Урала по почте через местную администрацию и из Германии через своего брата-инженера. Главным специалистом в области естественнонаучных знаний был И. Д. Лукашевич, который имел специальное образование, поэтому М. В. Новорусский

¹² ГАРФ. Ф. 102, ДП-5. 1884. Д. 5213. Ч. 3, литер В. Л. 29, 30, 58, 74, 75, 82.

¹³ Там же. Л. 92, 93 об.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 102, ДП-5. 1884 г. Д. 5213. Ч. 3, литер В. Л. 99.

¹⁵ Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. С. 172.

называл его «душой коллекционирования». И. Д. Лукашевич чертил геологические карты в красках с рисунками животных и растений, их эволюции в различные эпохи, изменения поверхности земного шара, перечислял горные породы, свойственные каждому периоду образования земли. К картам были приложены коллекции образцов.

Кроме составления коллекций узники занимались переплетом книг и журналов, которые поступали из Подвижного музея. «Эти три года были самые богатые духовной пищей, — вспоминал М. В. Новорусский, — мы были совершенно не в силах перечитать все, что к нам поступало, хватались за все, желая ничего не упустить, особенно из литературных новинок»¹⁶.

Работа узников для Подвижного музея проходила в условиях постоянного преодоления недоверия и подозрительности со стороны тюремного начальства. Администрация тюрьмы опасалась, что заключенные могут воспользоваться музеем как средством для безнадзорных сношений с «волей», и нашла официальный повод для запрета: расход казенных денег, ассигнованных на ремонт мастерских, и в результате «сочла нужным совсем прекратить такой разумный и плодотворный труд, который давал хоть некоторое содержание нашей бессмысленной и бесцельной жизни», — писал М. В. Новорусский¹⁷.

Но и после прекращения работы по заказам Подвижного музея узники продолжали заниматься составлением коллекций. Значительная их часть хранилась в особой камере, которую администрация и служащие тюрьмы называли «наш музей», гордились им и считали своим долгом показать его каждому генералу, который приезжал в тюрьму с ревизией.

В. Г. Иванов, освобожденный в 1904 году, вывез 20 ящиков коллекций по ботанике, энтомологии, минералогии и геологии. У М. В. Новорусского в 1905 году, когда был объявлен манифест об освобождении, накопилось 30 ящиков коллекций, которые он вывез и передал в Подвижной музей и в Вольную Высшую школу (курсы П. Ф. Лесгафта).

Краткий эпизод сотрудничества узников с Подвижным музеем М. В. Новорусский считал «самым благодарным временем из

¹⁶ *Новорусский М. В.* Записки шлиссельбуржца. С. 179.

¹⁷ Там же. С. 184.

всей продолжительной жизни в Шлиссельбурге»¹⁸. В. Н. Фигнер вспоминала: «Лекции и коллективные занятия наполняли содержанием бездеятельную жизнь в крепости. То, что выходило из наших рук, доставляло нам, помимо сознания, что участвуешь в культурно-просветительном деле, громадное эстетическое наслаждение. Все это вместе связало Лукашевича, Морозова, Новорусского и меня в тесный кружок, и в общей работе и постоянном общении окрепла дружба, не ослабевшая и после выхода из Шлиссельбурга»¹⁹.

Коллекции, сделанные заключенными, разошлись по всей России, часть их сохранилась до настоящего времени в фондах Государственного музея политической истории России.

После Октябрьской революции 1917 года музей продолжал свою работу. Его руководителем стал М. В. Новорусский. В 1921 году музей был переведен в новое помещение, с 1923 года он стал называться Центральным внешкольным педагогическим музеем. Его фонды составили не только коллекции Подвижного музея, но и другие наглядные пособия, выпускавшиеся петроградскими мастерскими. На этом завершилась история «Подвижного музея учебных пособий», организованного в 1892 году и занимавшего значительное место в истории просвещения России конца XIX – начала XX века.

¹⁸ Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. С. 186.

¹⁹ Фигнер В. Н. Когда часы жизни остановились. С. 133.

В. О. Климова, Г. С. Кан

**Максималистка Н. С. Климова —
узница Трубецкого бастиона
Петропавловской крепости**

Наталья Сергеевна Климова, член Боевой организации эсеров-максималистов, краткий период даже возглавлявшая ее, 4 декабря 1906 года за активное участие в подготовке покушения на премьер-министра П. А. Столыпина была заключена в тюрьму Трубецкого бастиона. Неизбежный в случае столь серьезного преступления смертный приговор был сразу после состоявшегося 29 января 1907 года заседания суда заменен вечной каторгой, однако вплоть до этого времени Климова, которой недавно исполнился 21 год, была уверена, что ее ждет смертная казнь. Летом 1918 года, уже находясь в эмиграции во Франции и переосмыслив многие прежние свои убеждения, она записала свои воспоминания о пребывании в тюрьме Трубецкого бастиона. Эти мемуары, помещаемые ниже, публикуются впервые. Они представляют собой небольшой очерк, автор которого стремится не столько передать факты и реалии пребывания в заключении (хотя и они присутствуют в тексте) или разобраться в случившемся, сколько отразить свои ощущения и психологическое состояние в тот момент — она будто заново переживает происшедшее. Очевидно, что события этого драматического периода не утратили для нее своей значимости спустя столько времени. Данная статья, предвещающая публикацию воспоминаний, повествует о жизни Н. С. Климовой, участницы целого ряда исторических событий, в биографии которой отразилась непростая судьба целого поколения. Находящиеся в частных собраниях в Москве документы и личные письма Климовой, воспоминания членов ее семьи и ее друзей дополняют черты этой яркой, незаурядной личности.

Покушение на премьер-министра П. А. Столыпина 12 августа 1906 года потрясло всю Россию. В 3 часа 20 минут пополудни,

в день приема на казенной даче, расположенной на Аптекарском острове за Ботаническим садом, раздался взрыв чудовищной силы. Как писали на следующий день «Биржевые ведомости», «до того велико было сотрясение воздуха [...], что содрогнулись как бы от землетрясения все дома на Выборгской стороне [...] разносчик фруктов, стоявший [...] на противоположном берегу Большой Невки, был отброшен на несколько шагов и сбит с ног»¹. Дача была почти полностью разрушена, но сам Столыпин не пострадал, он был лишь легко контужен, да чернила из отброшенной взрывной волной чернильницы залили ему спину и затылок. Погибли 29 человек, находившиеся на даче, среди которых были пришедшие на прием к Столыпину беременная женщина и мать с шестилетним ребенком, а еще 30, включая и двоих детей Столыпина, 14-летнюю Наталью и 3-летнего Аркадия, были ранены.

Этот террористический акт был организован группой, отделившейся в январе 1906 года от партии социалистов-революционеров. Группа называла себя эсерами-максималистами. Во главе ее Боевой организации стоял один из руководителей декабрьского вооруженного восстания в Москве 25-летний М. И. Соколов (партийные клички «Медведь» и «Анатолий»). Среди самых близких к нему людей была и 20-летняя Наталья Климова. Сразу после покушения на Столыпина утвердилось представление обо всех организаторах этого кровавого акта как о неких изуверах, но сохранившиеся факты и многочисленные свидетельства современников рисуют совсем иной образ этой девушки. В. М. Зензинов, известный эсер, после 1917 года эмигрант, писал: «Хорошо лично знавшие Наташу Климову [...] все отзываются о ней с восхищением. Это была девушка большого очарования, большой духовной и физической красоты. [...] “Ее все любили, — вспоминает о ней сейчас одна из ее приятельниц. — Никто не мог пройти мимо нее, не обратив на нее внимания. Она всех очаровывала”»². И. К. Каховская, максималистка, затем левая эсерка, проведшая почти 50 лет жизни в царских, а затем советских тюрьмах и ссылках, вспоминала: «На редкость красивая и внешне и духовно, она поражала своей гармоничностью. Радостная, смелая, с широкой

¹ Биржевые ведомости. 1906. 13 августа. № 9440.

² Зензинов В. М. Победа над смертью. [Статья.] Конец 1940-х или начало 1950-х гг. Частное собрание (Москва).

инициативой — и вместе серьезная, сосредоточенная в своей богатой внутренней жизни, она, казалось, одним своим присутствием способна была украсить окружающим какое угодно мрачное бытие. В любом наряде, в любом положении ей сопутствовали очарование и поэзия, захватывавшие и друзей, и врагов. Разговаривать с ней было удивительно интересно [...] мысли ее всегда были совершенно самостоятельны, оригинальны, просто и изящно выражены. [...] От нее веяло талантом и силой»³. А. В. Филиппенко, эсерка, жена видного эсера ученого-биолога А. А. Филиппенко: «Наташа, настоящая русская красавица, не дебелая и белолицая, а тонкая, стройная, с синими глазами — посмотрит — рублем подарит, и с темной косой. [...] Я не могла остаться равнодушной к такой наружности. Наташа была пленительна, — как внешне, так и манерой держаться»⁴. Н. Л. Иудин, эсер-максималист: «Своей красотой, умом, живостью Наташа на всех окружающих производила всегда чарующее впечатление. Даже мимолетные, случайные встречи невольно приковывали к ней внимание, заставляли всех замечать, что перед ними незаурядная личность»⁵. Правда, это говорят революционеры, люди, разделявшие ее политические взгляды, но вот и Н. Н. Гусев, личный секретарь и биограф Л. Н. Толстого, верный последователь толстовского учения⁶, который знал Наталью Климову (или, как он пишет, «Натулю» — так ее звали родные и друзья) с детства, называет ее девушкой «с очень сильно развитым нравственным и эстетическим чувством»⁷, «во многих отношениях замечательным человеком»⁸. Климова — прототип Наташи Калымовой, главной героини двух романов М. А. Осоргина — «Свидетель истории» (1932) и «Книга о концах» (1935), о ней написана повесть В. Т. Шаламова «Золотая медаль» (1966), она проходит также в качестве одного из персонажей в романах

³ *Каховская И. К.* Из воспоминаний о женской каторге // На женской каторге. М., 1932. С. 63–64.

⁴ ОР РГБ. Ф. 543. К. 14. Д. 1. Л. 49–50.

⁵ *Лукич Н.* [Иудин Н. Л.] Наташа Климова // Максималист. 1921. № 21. С. 4.

⁶ В письме к эсеру литератору В. В. Сухомлину от 13 июня 1962 г. Гусев писал: «Познакомившись в 19 лет с учением Толстого, я остался верен ему до 80 лет, и не предвижу такого времени, чтобы я когда-нибудь отрекся от него. “Отведав сладкого, не захочешь горького”» (ОР РГБ. Ф. 543. К. 16. Д. 40. Л. 1).

⁷ *Гусев Н. Н.* Мемуарный набросок. 1960-е гг. Частное собрание (Москва).

⁸ РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Д. 380. Л. 2.

М. А. Алданова «Самоубийство» (1957) и А. И. Солженицына «Август четырнадцатого» (1971). В 2007 году в Швейцарии вышла книга М. Мабийяр «Красный цветок. Наташа Климова и русские максималисты»⁹.

Дочь Климовой, тоже Наталья¹⁰, будучи подростком, напишет в так и не отправленном письме подруге Ирме: «Я сейчас узнала очень многое из жизни одного человека, которого люблю больше всех [...] — о моей маме. [...] Она была красивая, стройная, очень умная, с чарующими глазами. У нее был талант — она замечательно красиво могла писать»¹¹. Но из того немногого, что Н. С. Климова успела написать за свою, по определению ее дочери, «короткую и яркую жизнь», было опубликовано только «Письмо перед казнью», написанное в Трубецком бастионе Петропавловской крепости и отправленное друзьям несколько позже, из Дома предварительного заключения в Петербурге. Письмо это производило на читавших его такое впечатление, что в 1908 году, когда Климова сидела в Московской Новинской женской каторжной тюрьме, журнал «Образование» счел необходимым опубликовать этот документ¹². На эту публикацию откликнулся С. Л. Франк, один из авторов сборника «Вехи», знаменитый русский философ и религиозный мыслитель, очень далекий в те годы от революционных кругов. Он утверждал, что «эти шесть страниц своей нравственной ценностью перевесят всю многотомную современную философию и поэзию трагизма. [...] В литературе последнего времени письмо Климовой, мне кажется, может быть поставлено в ряд только с „De profundis“ Оскара Уайльда»¹³. Человек консервативных взглядов, Франк ставит весьма странный для людей его круга вопрос: «Неужели такому дарованию суждено окончить дни на каторге? Неужели по отношению к таким исключительным натурам не могут быть смягчены обычные юридические нормы?»¹⁴

⁹ *Mabillard M.* La Fleur Rouge. Natacha Klimova et les maximalistes russes. Lausanne, 2007.

¹⁰ Наталья Ивановна Столярова (17.06.1912 /н. ст./, Генуя – 31.08.1984, Москва).

¹¹ *Столярова Н. И.* Неотправленное письмо. Середина 1920-х гг. Частное собрание (Москва).

¹² *Климова Н.* Письмо перед казнью // *Образование*. 1908. № 8. С. 65–70.

¹³ *Франк С. Л.* Преодоление трагедии / *Франк С. Л.* Философия и жизнь. СПб., 1910. С. 315, 319.

¹⁴ Там же. С. 319.

Очевидно, что подобные отзывы, исходящие от людей самых разных убеждений и политических взглядов, могли появиться только в адрес действительно незаурядной личности.

Наталья Сергеевна Климова родилась 18/30 сентября 1885 года в Рязани в семье потомственного дворянина Сергея Семеновича Климова (24.04.1850 – 10.03.1907). В семействе Климовых все деятельно служили Отечеству. Как потом вспоминала Наталья Сергеевна, ей с детства внушали, что «жизнь не игра и сплошная радость, а большое, серьезное дело, требующее очень много мыслей, любви и страданий»¹⁵. Отец был одним из лидеров рязанского отделения «Союза 17 октября», успешным адвокатом, присяжным поверенным, вел много крестьянских дел, защищал их земельные владения, все свободное время отдавал работе в земстве, в апреле 1906 года был избран в члены Государственного Совета. Его старший брат, Василий Семенович Климов (21.01.1844 – 11.03.1900), тоже профессиональный юрист, в течение 23 лет был городским головой Екатеринодара (ныне — Краснодар), избиравшимся на этот пост семь раз и оставившим заметный след в истории города: при его содействии были открыты школы, библиотека, которая и сейчас является одной из лучших в России, построена больница, в городе проведены водопровод, электричество и телефон, на 10 лет раньше, чем в Москве, был пущен трамвай. Его служение интересам города было совершенно бескорыстно — умер В. С. Климов, не оставив после себя никаких средств, его похоронили за общественный счет. После смерти Климова городская дума выделила его семье ежегодное пособие. «В лице В[асилия] С[еменовича], — говорилось в некрологе, — наш город потерял опытного, умного, энергичного и смелого борца за святые принципы самоуправления, потерял передового честного деятеля...»¹⁶. В 1995 году в Краснодаре его именем была названа улица.

Мать Натальи Климовой, Любовь Никифоровна Климова (в девичестве Выропаева, 1853–1894) была одной из первых в России женщин-гинекологов. Она получила медицинское образование за границей, в Швейцарии, поскольку в России еще не существовало высших учебных заведений, куда принимали бы женщин. Она умерла, когда Наташе было всего 9 лет. Отец вскоре

¹⁵ Климова Н. С. Письмо О. Н. Климовой. 1910 г. Частное собрание (Москва).

¹⁶ Кубанские областные ведомости (Екатеринодар). 1900. 12 марта. № 57. С. 2.

женился на ее младшей сестре, Ольге Никифоровне Выропаевой (18.05.1866 – 06.09.1945). Ольга, тетя-мачеха, вырастившая осиротевших Наташу, ее младшего брата Мишу и своих четырех детей, в 1888 году закончила в Петербурге физико-математический факультет Высших (Бестужевских) женских курсов и преподавала в Рязанской женской Мариинской гимназии естественные науки, была членом правления общества «Попечения о бедных детях города Рязани».

В 1903 году Наташа Климова закончила ту же гимназию, где преподавала ее тетя. Среди ее ближайших друзей были и будущий секретарь Л. Н. Толстого Николай Гусев, и два Василия — Виноградов и Стребулаев, которые в дальнейшем стали революционерами-максималистами и были казнены в Кронштадте 18 октября 1906 года. Как писал Гусев 14 мая 1962 года в письме к Н. И. Столяровой, дочери Климовой, «у нее был период сильного увлечения толстовством; это было в последние годы ее жизни в Рязани перед отъездом в Петербург, когда она распространяла запрещенные произведения Льва Николаевича, давала их читать своим подругам гимназисткам»¹⁷. А вот как описывает это время отец Натальи в своем прошении о смягчении участи дочери от 18 января 1906 года: «Она увлекалась учением Толстого, проповедывавшего “не убий” как самую важную заповедь. Года два она вела жизнь вегетарианки и вела себя как простая работница, не позволяя прислуге помогать себе ни в стирке белья, ни в уборке комнаты, ни в мытье полов»¹⁸.

Летом 1903 года Наташа уехала в Петербург, где поступила на Высшие естественнаучные курсы М. А. Лохвицкой-Скалон. На этих курсах она проучилась чуть больше года: с сентября 1903 по декабрь 1904 года, потом оставила их, училась на курсах массажа некоей Венгеровой, работала массажисткой.

Кровавое воскресенье застало ее в Петербурге. По свідетельству приятельницы Климовой А. М. Марковой, зимой и весной 1905 года они уже участвовали в революционной работе: посещали пропагандистские социал-демократические кружки, возили нелегальную литературу за Невскую заставу, печатали

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Д. 380. Л. 1.

¹⁸ Взрыв на Аптекарском острове (Дело Климовой и Терентьевой о покушении на Столыпина) // Былое. 1917. № 5–6. С. 225.

прокламации, общались с рабочими¹⁹. Лето 1905 года Наталья провела в Рязани, а осенью поехала в Москву, где жила в общежитии Московских Высших женских курсов в одной комнате со своей будущей соратницей по Боевой организации эсеров-максималистов Н. А. Терентьевой и, возможно, посещала занятия на курсах как вольнослушательница.

Что происходило в ее душе в это время, почему она оставила Петербург, Климова позже подробно описала в «Письме перед казнью»: «О, эти годы, лучшие молодые годы. При одном лишь воспоминании вся душа наполняется чем-то тяжелым, удушливым и безысходным. Длинные дни... полные сомнения и безволия»²⁰.

Ее мучил «постоянный глубокий разлад между понятиями “истина”, “справедливость” и “должное” (моего “я” и его воли) и сущностью и формами всей внешней жизни... глубокий конфликт между этим “я” и общественными нравами, экономическими и государственными принципами российской действительности. Он был всюду и везде... И в виде голодных босяков, истощенных рабочих на улице города... и в виде разряженных, упитанных, тупо-самодовольных питерских автомобилистов... и в виде голодного, вырождающегося мужика... и в виде либеральствующего барина, “конституционалиста” (российского покроя) — земледельца, кулака и выжиги... и в виде стонущей и вялой интеллигенции... и в виде тюрем... самоуправства, дикости и безграничного, всепроникающего произвола российского и еще во многих других видах родимой действительности»²¹. Она приходит к выводу, что «борьба с “русскими разладами” [...] может дать удовлетворение лишь на почве девиза: “все или ничего”», и становится перед выбором: «Или отдаться борьбе без возврата, без сожаления, борьбе, идущей на все и не останавливающейся ни перед чем, и счастье свое видящей лишь в победе или смерти, — или, пользуясь всеми преимуществами привилегированного положения, [...] отдаваясь науке, природе, личному счастью и семье, рабски подчиниться и открыто и честно признаться в полном равнодушии к тому, что когда-то считал “святая святых” души своей»²². И вот выбор сделан.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1213. Л. 4.

²⁰ Климова Н. Письмо перед казнью. С. 69.

²¹ Там же. С. 68.

²² Там же. С. 69.

В декабре 1905 года Климова стала не только свидетельницей Московского вооруженного восстания, но и участницей событий — оказывала помощь восставшим, подносила на баррикады патроны. После подавления восстания она сблизается с «московской оппозицией» руководству партии эсеров, переросшей впоследствии в «Союз эсеров-максималистов» и знакомится с Михаилом Соколовым. В апреле 1906 года Климова вместе с тетей сопровождала заболевшего туберкулезом отца в Ниццу, но уже через несколько недель, в середине мая, вернулась в Москву, вступила в Боевую организацию эсеров-максималистов и почти сразу же переехала в Петербург. Гусев вспоминал: «В 1906 году, перед тем, как она вступила в партию революционеров-максималистов, она заходила повидаться со мною в Москве, но не застала меня дома и просила передать, что она уходит навеки. Следовательно, она совершенно сознательно шла на смерть и знала, что ей грозит»²³.

Вместе с Соколовым с 28 мая по 15 июля 1906 года они снимают конспиративную квартиру по адресу: Поварской переулок, д. 1/15, и живут в ней под именем супругов Веры Васильевны и Семена Петровича Шапошниковых. К этому времени они уже не просто товарищи по борьбе, между ними складываются и личные отношения. «Она [...] любила одного человека — крупного революционера, который обожал ее, и которого казнили. Я тебе назову его кличку: Медведь», — писала в 1920-е годы подруге старшая дочь Климовой²⁴. Группа планировала захват и взрыв Государственного Совета. После того как операция сорвалась, Климова во второй половине июля в последний раз в жизни ненадолго уехала в Рязань, а вернувшись в Петербург, приняла активное участие в подготовке покушения на Столыпина. 8 августа 1906 года Климова под именем Елены Ивановны Морозовой сняла квартиру по адресу: Большая Морская улица, д. 49, кв. 4, где поселилась вместе с товарищем по организации, сыном смоленского купца Н. И. Ивановым, жившим под видом ее мужа Даниила Павловича Морозова, и Терентьевой, игравшей роль горничной Анны Монакиной²⁵.

²³ РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Д. 380. Л. 2.

²⁴ *Столярова Н. И.* Неотправленное письмо. Середина 1920-х гг. Частное собрание (Москва).

²⁵ Взрыв на Аптекарском острове... С. 212–213, 215–216.

Интересны отзывы о Климовой лиц, видевших ее в эти дни. В своих показаниях от 18 августа 1906 года хозяйка квартиры И. Р. Гарфельд-Димитриева рассказывала: «Нанявшая у меня квартиру дама высокого роста, стройная, с развитыми бюстом и бедрами, не полная, держится прямо, движения плавные, спокойные, уверенные, держится несколько гордо, но может быть очень любезной [...]. Очень мало говорит и то самое необходимое. Она [...] принадлежит к числу сильных натур»²⁶. А вот как описывает Наташу 14 августа 1906 года старший дворник дома № 49 по Большой Морской улице И. Ф. Цветков: «Женщина высокого роста, худощавая, красивая, одетая в черное платье и желтую шелковую кофточку»²⁷. На эту квартиру 11 августа были принесены три бомбы. В своих показаниях Климова утверждала, что она сама принесла все три снаряда²⁸, хотя на самом деле они с Терентьевой принесли с Васильевского острова только один из них²⁹. На следующий день, 12 августа, из этой квартиры уехало ландо, увозя на Аптекарский остров трех террористов, взорвавших дачу Столыпина, — Н. И. Иванова, И. М. Типункова и Э. Забельшанского. Все они погибли во время взрыва.

До конца ноября Климова, меняя квартиры, живет то в Петербурге, то в Финляндии, где в октябре 1906 года участвует в конференции максималистов в Або (ныне — Турку, Финляндия). После экспроприации крупных сумм казначейства портовой таможни, совершенной максималистами 14 октября в Фонарном переулке в Петербурге, Климова помогала прятать похищенные деньги. В ноябре 1906 года она вместе с Соколовым готовила покушение на Николая II, для чего в Петербург из Финляндии привезла бомбы, а после ареста Соколова в Петербурге 26 ноября несколько дней возглавляла организацию. С начала ноября, еще в Финляндии, за Климовой была установлена слежка. Арестовали ее в 10 часов утра 30 ноября 1906 года недалеко от дома № 26 на Канонерской улице, где находилась ее последняя конспиративная квартира. Хорошо осведомленный начальник дворцовой охраны генерал А. И. Спиридович дает интересное описание сцены,

²⁶ ГАРФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 49. Л. 74–74 об.

²⁷ ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 8496. Л. 16 об.

²⁸ Взрыв на Аптекарском острове... С. 223.

²⁹ ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 8496. Л. 229 об.

сопровождаящей ее арест. При обыске квартиры на Канонерской агенты Петербургского охранного отделения позволили Климовой оставить у себя несколько маленьких украшений, бережно хранившихся ею в отдельной коробочке. Они были надеты на ней в день ее «свадьбы» с Соколовым, которого она, как пишет Спиридович, очень сильно любила³⁰.

Человек, которому удалось выследить руководство Боевой организации эсеров-максималистов, начальник Петербургского охранного отделения с 1905 по 1909 год А. В. Герасимов, сыграл в жизни Климовой очень важную роль. Сохранившиеся документы и известные нам факты позволяют предположить, что именно он помог сохранить ей жизнь. Герасимов был в это время очень влиятельным человеком, пользовавшимся полным доверием и Столыпина, и царя. Климову привезли в тюрьму при Петербургском охранном отделении, которое, словно по иронии судьбы, располагалось в то время на Мойке, 12, и не просто в этом здании, но даже непосредственно в той самой квартире, где умер А. С. Пушкин. Ее держали там недолго, всего несколько дней: 4 декабря ее уже перевезли в Петропавловскую крепость. Она не отрицала свое участие во взрыве на Аптекарском острове и в своих показаниях, выгораживая товарищей, даже несколько преувеличила свою вину, но отказывалась давать информацию, если считала, что это может кому-либо повредить.

Арестованный почти одновременно с Климовой максималист Н. Л. Иудин вспоминал о встрече с ней на Мойке, 12: «На повороте лестницы совершенно неожиданно увидел Наташу. Ее сопровождали городовые. Наташа с просветленным лицом, с ясными голубыми глазами, спокойная, как-то необыкновенно резко выделялась на фоне мерзкой, загаженной, заплыванной Охранки»³¹. Иудин продолжает: «Охранники в ее присутствии подтягиваются. Они необычайно вежливы. Наташа гордо и независимо приказывает: “Это письмо передайте ротмистру и скажите, чтобы возможно скорее он его отправил в почтовый ящик”»³². Можно, конечно, увидеть в картине, которую рисует Иудин, пристрастный взгляд

³⁰ *Spiridovitch A.* Last Years of the Court at Tsarskoe Selo. Pickering, Ontario, Canada, 2010. P. 115.

³¹ *Лукич Н. [Иудин Н. Л.]* Наташа Климова. С. 5.

³² Там же. С. 7.

человека, явно равнодушного к единомышленнице и просто привлекательной женщине. Однако сохранившиеся официальные документы также подтверждают, что Климова пользовалась симпатией не только друзей, но и некоторых врагов, и даже, как это ни парадоксально, вызывала у них желание облегчить ее участь.

По существовавшим тогда правилам, из охранного отделения отправлялась телеграмма родным арестованного с официальным извещением о его аресте. Из заявления Климовой на имя коменданта Петропавловской крепости А. В. Эллиса, написанного между 4 и 18 декабря, мы узнаем, что она ранее обращалась с просьбой разрешить ей самой известить о случившемся свою семью. Вот текст этого заявления: «В воскресенье 3-го декабря из Охранного отделения должна была быть послана телеграмма на имя моих родителей. Желательно было бы знать, была ли таковая послана и не справлялись ли обо мне мои родители»³³. Ее заявление переслали в Департамент полиции, куда из Петербургского охранного отделения поступил ответ: «Докладываю Департаменту полиции, что телеграмма на имя родителей содержащейся под стражей в С.-Петербургской крепости Натальи Сергеевны Климовой, согласно о том ее просьбы, посылаема не была»³⁴. А 22 декабря к коменданту Эллису поступает просьба: «Департамент полиции просит Ваше Высокопревосходительство не отказать в объявлении содержащейся в Высочайше вверенной Вам крепости Наталии Сергеевой Климовой на поданное ею прошение, что [...] телеграмма на имя родителей названной Климовой, согласно о том ее просьбы, посылаема не была»³⁵.

Далее события развивались также достаточно необычно. Первое письмо Климовой отцу с сообщением о случившемся, датированное тем же 22 декабря, ушло из крепости без штампа цензуры. Семья получила его в Рязани уже 24 декабря, о чем свидетельствует почтовый штемпель. В день написания письма, 22 декабря, Климову посетил полковник отдельного корпуса жандармов В. М. Шевяков³⁶, прикомандированный в тот момент к Петербургскому охранному отделению. В письме Климовой

³³ ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 10475. Л. 434.

³⁴ Там же. Д. 8496. Л. 433.

³⁵ Там же. Л. 435.

³⁶ Там же. Л. 446.

есть такие строки: «[...] Все то, что случилось, было неизбежным... Я не скрою от тебя, родной, что дело мое очень важное и грозит такими последствиями, о которых ты, вероятно, и не думаешь. Да уж из того факта, что я пишу тебе обо всем этом, ты поймешь... [...] *Хотелось бы много написать вам — но спешу и нельзя* (курсив наш. — В. К., Г. К.). Крепко, крепко целую тебя и ... о, если бы ты знал, как я хотела бы избавить тебя от страданий. [...]»³⁷. Возникает мысль, что письмо писалось прямо в присутствии полковника Шевякова, который, вынеся его из крепости, тут же и отправил его заказной почтой, иначе оно не могло бы дойти из Петербурга в Рязань за такой короткий срок.

Еще до полковника Шевякова Климову посетил и сам Герасимов. Существует свидетельство от 19 декабря 1906 года, выданное ему и его помощнику ротмистру М. С. Комиссарову (будущему начальнику охраны Г. Е. Распутина) Департаментом полиции³⁸. Беседы Герасимова с Климовой начались еще на Мойке, затем он приходил к ней в крепость, а через несколько дней, как раз на Рождество, вопреки всем правилам, на целую ночь забрал ее оттуда, чем вызвал крайнее недовольство коменданта Эллиса. От последнего директору Департамента полиции М. И. Трусевичу 29 декабря поступает жалоба: «Уведомляю Ваше Превосходительство, что содержащаяся в крепости арестованная Наталия Климова, согласно отношения директора Департамента полиции от 25 декабря за № 727, была выдана 25 декабря ротмистру Ломаковскому для доставления в С.-Петербургское охранное отделение и возвращена в крепость только 26 декабря в 1 ¼ часа пополудни, после напоминания по телефону. Для поддержания существующего порядка прошу сделать распоряжение, чтобы в тех случаях, когда арестованные берутся из крепости для каких-либо надобностей в С.-Петербургское охранное отделение, последнее доставляло арестованных в крепость в тот же день»³⁹. Ответ из Охранного отделения пришел только через неделю, 5 января 1907 года: «С возвращением настоящей переписки, докладываю Департаменту полиции, что Наталия Климова 25-го декабря допрашивалась в Отделении до глубины (многократно подчеркнуто от руки,

³⁷ Частное собрание (Москва).

³⁸ ГАРФ. Ф.102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 10475. Л. 441.

³⁹ Там же. Л. 488–488 об.

по-видимому, в Департаменте полиции. — *В. К., Г. К.*) ночи и так как ночью комендант не примет арестованную, то она была возвращена в крепость на следующий день»⁴⁰. Ротмистр Комиссаров, подписавший записку, явно лукавил, ведь Климову вернули в крепость не на следующее утро, а во второй половине дня, да и то только после телефонного звонка из крепости.

О чем говорили Герасимов и Климова во время этих встреч, можно предположить на основе некоторых документов и свидетельств, в первую очередь — «Письма перед казнью», написанного ею как раз в это время. Климова не боится предстоящей казни, она готова к смерти и даже полна радости: «Тот смутный страх, порою даже ужас, который я испытывала перед смертью, когда она была за сто верст, теперь, когда она за 5 шагов, совершенно исчез... Появилось любопытство к ней и подчас даже чувство удовлетворения от сознания, что вот скоро... скоро... и я узнаю величайшую тайну [...] Новые, странные и удивительно хорошие ощущения, мысли и настроения переживаю я здесь в этой большой, пустой и полутемной камере. Доминирующее ощущение — это всепоглощающее чувство какой-то внутренней особенной свободы. [...] И чувство это так сильно, так постоянно и так радостно, что, внимая ему, ликует каждый атом моего тела, и я испытываю огромное счастье жизни... [...] А из этих ощущений родилось и новое. [...] Это беспредельная, всепроникающая любовь (может быть, точнее определить, — внимательная ко всему нежность). [...] Знаете ли вы, что значит в одно такое мгновение вдруг почувствовать величайшее единство всего мира? Тончайшую и красивейшую связь между самой отдаленной звездой и вот этой микроскопической пылинкой, что лежит на крышке моего стола»⁴¹.

Константин Васильевич Шиловский (08.12.1880–29.06.1958), меньшевик и известный инженер-изобретатель, познакомившийся с Климовой в сентябре 1918 года незадолго до ее смерти, страстно полюбивший ее и тяжело переживавший ее преждевременную кончину, записал в дневнике ее слова: «Мы должны в то же время относиться к нашим врагам со всею любовью, вниманием (и с нежностью), помня, [...] что мы сами не имеем никаких заслуг

⁴⁰ ГАРФ. Ф.102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 10475. Л. 489 об.

⁴¹ *Климова Н.* Письмо перед казнью. С. 65, 67, 70.

и ничуть не лучше, и являемся лишь баловнями счастливо сложившихся условий. Так я относилась к тому лицу, которое было главным автором моего приговора к смертной казни, и такое мое отношение к нему было [то], что глубже всего поражало его и что ему труднее всего было пережить. Он сам говорил мне это»⁴². Есть основания предполагать, что здесь речь идет именно о Герасимове, из этих строк очевидно, какое сильное впечатление произвела на него личность Натальи Климовой.

После получения письма Климовой ее тетя О. Н. Климова оставила прикованного к постели мужа и четырех маленьких детей и уже в самом начале января 1907 года прибыла в Петербург, где бросилась хлопотать о смягчении участи своей племянницы. Младшая сестра Климовой, Нина, вспоминала: «Получив известия о Натулином аресте, мама начала обход своих друзей и друзей этих друзей для получения писем к власти имущим в Петербурге, чаще всего к их женам. [...] Я до сих пор помню, как кто-то из власть имущих, по фамилии Камышинский⁴³, сказал: “Обойдемся без Высочайшего (прошения о помиловании на Высочайшее имя. — В. К., Г. К.), ее не расстреляют, она несовершеннолетняя, не волнуйтесь, придет время, еще встретитесь с ней на свободе”. Запомнила я и ее разговор со Столыпиным. В ответ на мамину просьбу о снисхождении он сказал ей: “Не забывайте, у меня искалечена дочь”»⁴⁴.

Уже 2 января О. Н. Климова подала ходатайство о разрешении ей свидания с падчерицей, каковое ей и было дано 16 января⁴⁵. Через несколько дней в Петербург приехал младший брат Климовой, 18-летний Михаил. Скорее всего, именно он привез прошение отца на имя председателя Петербургского военно-окружного суда о смягчении участи дочери. Документ этот датирован 18 января и, в связи с тяжелым физическим состоянием Сергея Семеновича, написан рукою его брата и секретаря Константина Семеновича Климова. На 20 января свидание с Климовой было разрешено

⁴² Шиловский К. В. Дневник 1918–1919 гг. Запись не датирована. Частное собрание (Москва).

⁴³ Скорее всего, речь идет о П. К. Камышанском (1862–1910), который в 1905–1910 гг. занимал пост прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты.

⁴⁴ Климова (в замужестве Рабинович) Н. С. Воспоминания. 1980-е гг. Частное собрание (Москва).

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 8496. Л. 42.

отцу и брату⁴⁶, но вряд ли Сергей Семенович смог добраться до Петербурга и присутствовать на этом свидании, раз он был не в состоянии даже написать прошение своей рукой. Так что на этом свидании, скорее всего, был только брат Михаил. Следующая встреча Климовой с братом и тетей произошла 27 января⁴⁷, накануне намеченного на 29 января суда.

27 января датировано и заявление Ольги Никифоровны на имя директора Департамента полиции М. И. Трусевича с просьбой разрешить ей и Михаилу Климову увидеть Наталью 30 января, на следующий день после объявления приговора. В этом заявлении, в частности, есть такие слова: «В случае присуждения ее к смертной казни убедительно прошу Ваше Превосходительство разрешить обоим нам свидание личное и на более продолжительное время»⁴⁸. Просьба О. Н. Климовой была удовлетворена. Из Департамента полиции коменданту крепости в тот же день, 27 января 1907 года, были посланы письма за подписью Трусевича с разрешением на свидание 30 января как О. Н. Климовой, так и Михаилу Климову⁴⁹. Состоялось ли это свидание, мы не знаем.

Суд над Климовой и Терентьевой проходил 29 января 1907 года в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Среди тех, кто был допущен в зал суда, было много сановных лиц, в частности, присутствовал и сам Герасимов, который обычно не посещал заседаний суда. На суде была и О. Н. Климова, которая в выданном ей председателем суда, генералом Никифоровым, удостоверении названа «именующей себя мачехой подсудимой»⁵⁰. Судебное заседание открылось в 11 часов 15 минут утра и продолжалось чуть менее часа. После прочтения обвинительного акта, Климова и Терентьева признали факт своего участия в теракте, но отказались признать себя виновными. Суд постановил «в виду полного сознания подсудимых судебное следствие не производить»⁵¹. Подсудимые не стали возражать на обвинительную речь помощника прокурора. «Предоставлено было последнее

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 8496. Л. 43–44.

⁴⁷ Там же. Л. 54.

⁴⁸ Там же. Л. 56.

⁴⁹ Там же. Л. 58–59.

⁵⁰ Взрыв на Аптекарском острове... С. 226.

⁵¹ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 10134. Л. 98.

слово каждой из подсудимых, причем подсудимая Климова по распоряжению председательствующего за неприличное поведение была удалена из зала суда»⁵². Присутствовавшая на суде Ольга Никифоровна рассказывала дома, что «неприличное поведение» Натальи заключалось в том, что она крайне неуважительно отозвалась о Николае II, заявив, что у него «руки в крови»⁵³. Заседание суда завершилось в 12 часов 10 минут. В 1 час 30 минут пополудни был объявлен приговор: «Петербургский военно-окружной суд постановил: дворянку Наталью Сергеевну Климову и дочь купца Надежду Андреевну Терентьеву лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение»⁵⁴. Затем, согласно справке Департамента полиции, «вынесенный судом смертный приговор, по вступлении его, за отказом от обжалования, в законную силу, тут же, в порядке конфирмации помощником командующего войсками гвардии и С.-Петербургского округа генералом Газенкампом был заменен бессрочною каторгою для обеих подсудимых»⁵⁵.

Во всем этом деле обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, как мы помним, Наталья Климова была арестована в то время, когда Боевая организация эсеров-максималистов готовила покушение на царя, что было, безусловно, известно выследившему их начальнику Петербургского охранного отделения. Тем не менее этот факт никак не упоминается ни в ходе следствия, ни в обвинительном акте, ни во время судебного заседания, и можно предположить, что проводившие следственное дознание по какой-то причине не стали давать ход этому делу. Во-вторых, замена приговора произошла, как сказано в справке Департамента полиции, «тут же», хотя обычно осужденным давали возможность хорошенько «прочувствовать» свой смертный приговор. Такая быстрая замена свидетельствует о том, что решение о ней принималось заранее. Вряд ли генерал М. А. Газенкамф, видевший подсудимых первый раз в жизни во время часового судебного заседания, мог самостоятельно так быстро принять это решение и взять на себя за него ответственность.

⁵² РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 10134. Л. 98 об.

⁵³ *Столярова Н. И.* Заметки. Не датированы. Частное собрание (Москва).

⁵⁴ РГВИА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 10134. Л. 104.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 8496. Л. 87.

Так кем же и по каким соображениям принималось решение о сохранении подсудимым жизни? Возможно, мы никогда не получим точного ответа на этот вопрос, ведь соответствующее указание могло поступить и устно. Но можно предположить, что начальник Петербургского охранного отделения Герасимов, будучи влиятельным человеком и относясь с симпатией к юной революционерке, был в состоянии склонить в ее пользу чье-то авторитетное мнение. В частности, вполне возможно, что Герасимов мог действовать через дворцового коменданта В. А. Дедюлина, который имел немалое влияние при дворе и с которым Герасимов в тот момент поддерживал дружеские отношения⁵⁶. Занимавший в 1906–1911 годах должность товарища министра внутренних дел С. Е. Крыжановский прямо пишет в своих мемуарах, что Климова была избавлена от смертной казни «благодаря заступничеству высоких лиц»⁵⁷.

Нам известен еще один эпизод, показывающий особое отношение к Климовой части полицейских чинов во время ее пребывания в заключении. 22 февраля 1907 года, сидя в крепости, Наталья Климова обратилась в Департамент полиции с заявлением, написанным ею все в том же гордо-приказном стиле, как и предыдущий ее запрос о том, была ли отправлена телеграмма ее родителям с извещением о ее аресте: «На квартире, где я в последний раз ночевала, я оставила золотые часы с цепочкой и с вензелем моей матери Л. К. Я просила моих родных сходить на квартиру и взять их, но моя мачеха не могла найти ни дома, ни квартиры. Адрес квартиры — Канонерский, 24, кв. г-жи Винклер. М[ожет] б[ыть], я ошибаюсь в адресе — его можно проверить в жанд[армском] упр[авлении] — он там имеется. Так как эти часы мне дороги, как память матери, то я бы просила истребовать их оттуда и доставить их по месту моего заключения или сообщить мне точный адрес квартиры, дабы я могла написать родным»⁵⁸. И Герасимов, которому было передано это заявление, оторвал своих сотрудников от сыскной работы и послал разыскивать часы

⁵⁶ *Spiridovitch A. Last Years of the Court at Tsarskoe Selo. Pickering, Ontario, Canada, 2010. P. 113.*

⁵⁷ *Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 112.*

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 8496. Л. 133.

осужденной на бессрочную каторгу государственной преступницы и террористки Натальи Климовой. В результате 7 апреля 1907 года из Петербургского охранного отделения на бланке его начальника под грифом «Секретно» в Департамент полиции поступило письмо следующего содержания: «Вследствие предложения от 28-го февраля с[его] г[ода] за № 1376, представляю при сем Департаменту полиции золотые часы с такой же цепочкой, принадлежащие содержащейся под стражей в СПб. крепости дворянке Наталии Сергеевой Климовой, возвращенные г-жей Винклер. За начальника отделения ротмистр Комиссаров»⁵⁹. Согласно последующим документам, часы были отправлены для передачи просительнице в Дом предварительного заключения⁶⁰, куда Климова была переведена к тому времени.

Все мысли Климовой после вынесения ей приговора были сосредоточены на отце, умиравшем от туберкулеза. 8 февраля 1907 года она писала своей тете, пытавшейся ободрить падчерицу надеждами на выздоровление отца: «Ты пишешь, будем надеяться на лучшее. Нет, тетя, лучшего не будет и не надо обманываться... Развязка близка, очень близка... и единственное, что нам остается — это возможно прямее заглянуть ей в глаза. [...] Какими же простыми, легкими, почти радостными кажутся мне наши смерти. Эх, если бы можно было поменяться ролями...[...] Сознать, что я не увижу папу — никогда, его, которому я принесла столько тяжелого — о, как это тяжело, тетя... Но, должно быть, всему есть предел; порой кажется, что еще две, три оборванных струны, и уже нельзя будет различить звуков... А, м[ожет] б[ыть], это и есть настоящая свобода, когда человек перестает понимать страдание?»⁶¹.

10 марта 1907 года умер отец Климовой. Несмотря на то, что в ней все еще жила твердая вера в правильность выбранного пути и готовность принести любые жертвы ради того дела, которому она служила, Наталья тяжело пережила смерть отца, о чем свидетельствует следующее письмо коменданта Эллиса на имя Трусевича от 24 марта 1907 года: «У содержащейся в крепости арестантки Наталии Климовой в последние две недели замечается упадок сил, вследствие малокровия, в камере она большую часть

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 8496. Л. 131.

⁶⁰ Там же. Л. 134, 142.

⁶¹ Частное собрание (Москва).

времени лежит, ходить ей затруднительно, часто отказывается от обеда и находится в удрученном состоянии, вследствие пересланной ей телеграммы о смерти отца. Ввиду того, что означенная арестованная уже осуждена, причем ей назначены каторжные работы без срока, прошу Ваше Превосходительство меня уведомить, не будет ли признано Вами своевременным перевести ее из крепости, хотя бы временно»⁶². И уже 28 марта просьба Эллиса была выполнена — Климову перевели в Дом предварительного заключения в Петербурге.

26 марта Наталья написала тете еще одно письмо из крепости. В нем хорошо видно начало той внутренней борьбы, которая не оставляла ее до конца жизни и привела, в конце концов, к глубокому душевному надлому. В этом письме есть такие строки: «Оттого ли, что мне самой абсолютно не страшна смерть, [...] но — когда я думаю о папе, мне становится больно не столько от мысли, что он умер, сколько от сознания того, как страшно тяжела была его жизнь за последние 2 месяца. И я знаю, что причиной этому я; сознание это для меня мучительно и мучительно должно быть еще больше потому, что я ни в чем не могу раскаиваться. Заглядывая внутрь своего сознания, тщательно перебирая все свои поступки и действия, — я не могу найти ни одного, который был бы против моей совести, т. е. против того, что я считаю хорошим и должным... Значит... значит, если бы можно было начать сначала, то я поступала бы точно также. Но ведь ужасно жить и непрестанно сознавать, что жизнью своей мучаешь и убиваешь тех, кого любишь, и не видеть решительно никакого выхода»⁶³.

В Доме предварительного заключения Климова находилась недолго. Письма, которые она пишет оттуда оставшимся на воле товарищам, полны заботой об их общем деле и недвусмысленными планами побега. Они были захвачены при аресте адресатов и 16 июля 1907 года Климову снова водворили в крепость. А уже 22 июля комендант Эллис вновь писал Трусевичу, прося избавить его от беспокойной арестантки: «Прилагая записку, написанную арестованной Наталией Климовой, уведомляю, что я оставил ее за этот проступок на неделю без книг и письменных принадлежностей, после чего она начала голодать и сегодня, 22 июля,

⁶² ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 8496. Л. 120.

⁶³ Частное собрание (Москва).

на четвертый день голодовки, идя к умывальнику, упала в обморок, причем медицинское пособие старшим врачом оказано. Арестованная Климова не дорожит жизнью и ввиду ее крайне необузданного характера, прошу распоряжения Вашего Превосходительства о временном переводе ее в какую-либо больницу, чтобы предупредить пагубное последствие голодовки над арестанткой, которая еще нужна для предстоящего разбора дела. Отменить наложенное на Климову взыскание я не признаю возможным»⁶⁴.

19 июля 1907 года, в день начала голодовки, Климова писала тете и брату: «Ну, здесь для меня все вещи как старые знакомые: та же пустынная, полутемная камера... то же маленькое окошко с решетками... мелодичный бой часов на башне... мертвая тишина и молчание. Все это, и воспоминания большого русского прошлого, которые точно гнездятся в сводах и углах камеры... — все это создает такую прекрасную атмосферу для мысли»⁶⁵. В этом же письме имеется интересное описание тюремного дворика: «Отвыкла ли я от зелени, но он мне показался прямо настоящим садом. В первый раз, когда я пошла гулять — я стояла несколько секунд как очарованная — столько свежей зеленой листвы... столько пушистой травы... Здесь есть и клен, и сирень, и тополь, и калина... в траве — маленькие желтые цветы... И когда пройдет дождь, то все это дышит такой блестящей живою красотой, что прямо прелесть...»⁶⁶.

Просьба Эллиса об удалении Климовой из крепости не была удовлетворена. Осенью 1907 года у нее началась рефлексия, переросшая к декабрю в тяжелый душевный кризис. Мучительные сомнения в праве отнимать чужую жизнь и жгучее чувство вины приводили даже к мыслям о самоубийстве. В 1909 году Климова описала в письме к подруге Евгении Сомовой, что происходило с ней в тюрьме в декабре 1907 года: «По-моему тоже нельзя ничем искупить ошибок. Никакими муками, никакой жертвой и смертью своей тоже нельзя. [...] Мне сейчас ярко припомнилась одна минутка. Это было в позапрошлом Рождество. [...] Каждое мгновение было так ярко, так насыщено болью, что кружилась голова, и я чувствовала, что теряю всякую логику мысли. [...] И казалось

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1906. Д. 10475. Т. 2. Л. 453–453 об.

⁶⁵ Частное собрание (Москва).

⁶⁶ Там же.

тогда, что и стены, и тишина, и все люди — и бывшие, и настоящие, и будущие, — и Бог, если есть Бог, кричали: “Виновата — и ничем нельзя простить”. [...] Умереть тоже нельзя было — я понимала — нужна была громадная колоссальная жизнь, полная страсти, чтобы... не говорю искупить (что значит искупить?), а чтобы уравновесить приход расходом»⁶⁷.

Следующей весной, 29 марта 1908 года, Климову переводят в Петербургскую пересыльную тюрьму «Кресты». И здесь она участвует в протестах и голодовках. На некоторое время ее даже заковывают в кандалы. Но в отличие от мук ее собственной совести, репрессии тюремного начальства не могут сломить дух арестантки. Оказавшаяся с ней в «Крестах» Каховская вспоминала: «Каждый вечер Наташа Климова, наша соседка по камере, отплясывала под ритмичный звон кандалов причудливые танцы»⁶⁸.

В середине последней декады апреля 1908 года Климову отправили в Москву, и 27 апреля она прибыла в Московскую Новинскую женскую каторжную тюрьму, где отныне должна была отбывать бессрочную каторгу. И здесь через некоторое время с ней вновь оказалась Каховская, которой запомнился «обаятельный, всегда вдохновенный облик Н. Климовой со спущенной наперед косой»⁶⁹. «Кандалами и милым лицом она, очевидно, завоевала сердца, и уголовные относились к ней с нежностью и почтением, явно выделяя ее из остальных», — вспоминала Каховская⁷⁰.

Мысль о побеге не оставляла Климову. Ей удалось расположить к себе не только сокамерниц, но и надзирательницу А. В. Тарасову. В ночь с 30 июня на 1 июля 1909 года состоялся знаменитый побег 13 каторжанок, в организации которого Климова сыграла ключевую роль. История этого побега подробно изложена в книге Е. Д. Никитиной (одной из участниц побега) «Новинское освобождение» (М., 1932). Финансировался побег на деньги семьи Климовых. О. Н. Климова распорядилась тайно вырубить часть леса в имении и переправила вырученные за него деньги в Москву. После побега Климова месяц жила под Москвой у сочувствующего революционерам инженера-железнодорожника.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 460. Л. 13 об. — 14.

⁶⁸ Каховская И. К. Из воспоминаний о женской каторге. С. 57.

⁶⁹ Там же. С. 61.

⁷⁰ Там же. С. 59.

Затем она отправилась по железной дороге на Дальний Восток, где присоединилась то ли к торговому каравану, то ли к геологической экспедиции, с которыми пересекла на верблюдах пустыню Гоби, путешествовала по Китаю и Японии (подробных сведений об этом удивительном путешествии пока найти не удалось).

В середине января 1910 года на пароходе, вышедшем из Токио, она прибыла в Париж, и уже в начале августа 1910 года вступила в Боевую организацию партии эсеров, возглавляемую Б. В. Савинковым. М. М. Чернавский, член этой организации, вспоминал: «Она пришла к нам — радостная, смеющаяся — и внесла в нашу группу значительное оживление»⁷¹. Климова не сидит на месте — вместе с группой Савинкова она живет то в Англии (остров Гарнси), то во Франции, недалеко от города Дьепп. Но деятельность группы в отрыве от родины никак не налаживалась, даже несмотря на то, что Климова помогла разоблачить полицейского агента И. П. Кирюхина, парализовавшего работу организации.

К началу ноября 1910 года члены группы вернулись в Париж, а затем, в феврале 1911 года, организация прекратила свое существование. С ноября 1910 по март 1911 года Климова попеременно жила то в Париже, то в небольшом городке Кави, расположенном недалеко от Генуи, где с марта 1911 года решила поселиться постоянно. В первой половине 1911 года она еще горит идеей о воссоздании Боевой организации для борьбы с российским правительством, но уже к осени этого года совсем отходит от идеи террора. По свидетельству А. В. Филипченко, Наташа говорила тете Анны Васильевны, О. Е. Черновой (второй жене лидера эсеров В. М. Чернова), что «нельзя отнимать жизнь, если ты не дала жизнь хоть одному человеку. Вот если я, родя ребенка, все еще буду в состоянии заниматься террором, тогда — другое дело. Сейчас я этим заниматься не могу»⁷². В апреле 1911 года она познакомилась с другим беглым каторжанином — эсером Иваном Васильевичем Столяровым (18.04.1885 – 21.04.1938). В конце лета 1911 года они вступили в брак и 17 июня (н. ст.) 1912 года у них родилась дочь Наталья.

Вскоре муж уехал учиться в Швейцарию, в Торговую академию в Сен-Галлене. Что происходило в это время в душе

⁷¹ Чернавский М. В Боевой организации // Каторга и ссылка. 1930. № 8–9. С. 60.

⁷² ОР РГБ. Ф. 543. К. 14. Д. 1. Л. 50.

Климовой, как оценивала она свое прошлое, хорошо видно из ее июльского письма мужу: «Ты знаешь, что в прошлом у меня сплошная и страшная боль. Ты же знаешь, что я бегу от воспоминаний, что стараюсь забыться, что там, позади, у меня нет ни одной, самой маленькой звездочки. Все тяжело, все больно.[...] Будем говорить о детке, ведь она родилась у нас из этих больных и страшных минут...»⁷³. Климова тяжело переживала частые разлуки с мужем и в августе 1913 года переехала к нему в Сен-Галлен, где у них родился второй ребенок — дочь Катя⁷⁴.

В эмиграции, вдали от Родины, жизнь никак не складывалась. Не было работы, не было денег, главное же, не было смысла в этом существовании. «За границу я не люблю», — писала Климова своей тете 1 сентября 1916 года. При этом она прекрасно понимала и ценила все то хорошее, что видела в Европе: «Я удивляюсь ее культуре, ее электричеству, дорогам, богатству и чистоте. И больше всего удивляюсь трудолюбию ее жителей. Когда я вспоминаю Россию, я невольно улыбаюсь. Мы все, все, богатые и бедные, интеллигенты и народ, все — бесконечные лодыри по сравнению с Европой». Но, восхищаясь трудолюбием европейцев, она чувствовала «все-таки себя бесконечно чужой им» и считала, что у нее есть «что-то очень большое и важное, что мне дала ленивая и пьяная Россия, и что это что-то есть самое большое и важное на свете». «Когда я думаю о будущем России, о той России, которая проснется и начнет по-настоящему, по-европейски работать, то у меня кружится от радости голова», — так завершает Климова свои размышления⁷⁵. «У меня в душе всегда живет яркая надежда, что Россия все превозможет и будущее готовит ей много радостей», — пишет она тете в другом, более раннем письме⁷⁶.

Главная радость жизни Климовой — дети, хотя они и «связывают ее по рукам и ногам». Жалуется она и на безденежье и тяжелый быт. Началась Первая мировая война, в феврале 1915 года Климова вместе с мужем и дочерьми переехала в Лозанну (Швейцария), где они прожили до мая 1917 года. В это время

⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 812. Л. 26, 28.

⁷⁴ Екатерина Ивановна Столярова (в замужестве — Анци; 20.11.1913 /н. ст./, Сен-Галлен — 16.09.2009, Женева).

⁷⁵ Частное собрание (Москва).

⁷⁶ Там же.

политические взгляды Климовой совпадают с воззрениями правых эсеров-оборонцев. Она очень скучает по России. «Вся заграница непрестанно волнуется мечтой о возвращении в Россию. [...] Так хочется теперь домой, делать хоть что-нибудь, хоть что-ниб[удь] самое маленькое, только бы не быть далеким свидетелем того страшного, что происходит у вас. Там, дома, чтобы ни было, всегда будешь чувствовать те огромные народные силы, которые не должны, не могут быть побеждены»⁷⁷, — писала Климова тете в 1915 году.

Когда произошла Февральская революция и была объявлена амнистия политическим эмигрантам, путь к возвращению в Россию оказался, наконец, открыт. В мае 1917 года Климова со всей семьей переехала в Париж, надеясь оттуда перебраться в Россию. Однако в то время она уже была беременна третьим ребенком, неожиданно заболели ее дочери, и после их выздоровления старые друзья Климовой — Тарасова (бывшая надзирательница из Московской Новинской женской каторжной тюрьмы) и ее муж эсер В. О. Фабрикант — пригласили всю семью к себе на юг Франции, на виллу Valrose в Ницце. Столяров отвез жену и детей в Ниццу, а сам в июле 1917 года отправился в Россию, надеясь принять активное участие в революции.

11 августа 1917 года датировано последнее из сохранившихся писем Климовой к тете, где вновь звучит ностальгия по родине: «О том, как мне хочется в Россию, как хочется видеть вас всех, Рязань, хутор (существует ли он или его уже разграбили?) — я не стану говорить, и сама стараюсь не думать, — так обидно и досадно становится, так не вовремя связана я по рукам и ногам. [...] Думаю, что ваше материальное положение плохо, благодаря всероссийскому кошмару[...]. Все, что мы знаем здесь о России, — все бесконечно печально и грустно, и не знаешь, на что можно надеяться сейчас»⁷⁸. Таким образом, видно, что революционные события 1917 года Климова воспринимала отнюдь не восторженно.

Вскоре ее постиг новый удар. Родившаяся в конце сентября 1917 года маленькая Таня, не прожив и полгода, умерла от желтой лихорадки. Чтобы заглушить боль, Климова оставила детей с няней и уехала в маленькую деревушку в горах, где оставшись

⁷⁷ Частное собрание (Москва).

⁷⁸ Там же.

наедине с природой, пыталась писать. Но писать она могла только о России и прошлом. Так и появились воспоминания о пребывании в крепости.

Тем временем ситуация в России стремительно ухудшалась, связь Климовой с мужем и родственниками окончательно оборвалась. Столяров так и не смог приехать к жене и детям. В конце августа 1918 года Климова с детьми вернулась в Париж с намерением уехать в Россию. Большинство друзей и знакомых тщетно пытались отговорить ее от этого шага. В конце сентября 1918 года Климова познакомилась со своим земляком, Константином Васильевичем Шиловским, и эта встреча стала важным событием в ее жизни. Но уже через две недели случилось несчастье, ставшее причиной преждевременной кончины Натальи Климовой. В середине октября 1918 года обе дочери заразились в детском саду «испанским гриппом». Ухаживая за тяжело больными детьми, заболела и сама Климова. 22 октября ее в тяжелом состоянии перевезли на Rue Chernoviz (улицу Черновиц), 1, в пустующий дом известного эсера И. И. Фондаминского. Шиловский и его жена Ольга Петровна самоотверженно ухаживали за больной, но состояние ее продолжало быстро ухудшаться, и 26 октября, в 23 часа 20 минут, Наталья Сергеевна Климова умерла в страшных мучениях. Перед смертью она успела продиктовать О. П. Шиловской сказку «Красный цветок», предназначенную для дочерей, в которой попыталась рассказать о своей жизни. К сожалению, текст этой сказки пока не найден. 28 октября 1918 года Климову похоронили на кладбище Булонь-Бийянкур в пригороде Парижа, на могиле поставили православный крест. Могилы не сохранились — плата была внесена только за 22 года, по истечении этого срока останки перезахоронили в общую могилу на том же кладбище, где были также похоронены жертвы массовых бомбардировок Второй мировой войны.

После смерти Климовой ее дочери остались совсем одни, старшей Наташе было чуть больше шести лет, а младшей Кате не исполнилось и пяти. От осиротевших детей долго скрывали смерть матери, друзья безуспешно пытались связаться с их отцом, но еще несколько лет он не знал ни о смерти жены, ни о том, где находятся его дети. Их сначала забрали к себе в Ниццу на ту же виллу Valrose Тарасова и Фабрикант, а потом удочерили не имевшие своих детей Шиловские.

Удивительно сложилась дальнейшая судьба дочерей Климовой. Их в конце концов нашел отец, и в 1920-е годы они дважды съездили к нему в Советскую Россию. Екатерина все же осталась жить в Европе, во время Второй мировой войны она участвовала во французском Сопротивлении. Наталья, наперекор всему, верная заветам своей матери, желавшей для дочерей «русской судьбы», вернулась в Россию навсегда и прожила сложную и удивительную жизнь, отчасти похожую на жизнь матери. И, несмотря на все выпавшие ей тяготы и лишения, никогда не пожалела об этом.

Это уже совсем другая история, хотя об одном ее эпизоде все же стоит рассказать. Наталья Ивановна была очень дружна с Солженицыным и помогала переправлять его произведения за границу. Во многом именно благодаря ей был опубликован «Архипелаг Гулаг». Александр Исаевич называл ее Евой. «Этот огромный пакет от Евы, — рассказывал Солженицын — [...] Степан Татищев принес нам в парижскую гостиницу D'Isly на рю Жакоб, на мансарду — и тут произошло совпадение более чем символическое, как умеет ставить только История. Принесший ушел, на диване грудой еще лежала неразобранная посылка от Наташи Климовой-младшей, — а по той же узкой чердачной лесенке через две минуты к нам взшел Аркадий Петрович Столыпин — тот маленький сын Столыпина, едва не убитый во взрыве на Аптекарском острове Наташей Климовой-старшей, — да и пришел ко мне обсудить эскиз моей главы о Петре Столыпине. [...] Так за две трети столетия повернулась Россия»⁷⁹.

⁷⁹ Солженицын А. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 12. С. 29.

Н. С. Климова. Воспоминания о Петропавловской крепости¹

Публикация В. О. Климовой, Г. С. Кана

Я смотрю в окно кареты на бегущие улицы, дома и прохожих и думаю о том, куда меня везут. «Мы едем в Петропавловскую креп[ость]?» — спрашиваю я у сидящих напротив жандармов. «Не приказано отвечать», — хмурится один и старается смотреть в противоположное окно.

День сегодня холодный и яркий. На солнечном голубом небе четко вырисовываются легкие контуры деревьев с кое-где запоздавшими желтыми листьями. Глухо и мерно стучат копыта лошадей по торцовой набережной. А вот и мост: все также прекрасна спокойная Нева, все также задумчивы скованные берега, все также весело снуют, свистя и пыхтя с одной стороны на другую, маленькие смешные пароходики. Все так обычно и знакомо мне: отчего же лишь сегодня мне хочется смотреть на все с каким-то совсем особенным тревожным любопытством, хочется все вобрать в себя, запечатлеть раз навсегда, унести с собой? «Должно быть потому, что в последний раз», — мелькает где-то во мне, и я с какой-то заостренной ждущей внимательностью заглядываю в мелькающие лица. В последний раз? Почему?.. Ах, да. Как это ненужно и странно в такой чудесный, светлый день. Но мне не страшно и не жаль — как не страшно и не жаль маленькому камню, сорванному в горах бешеной струей потока: волнуясь и спеша, весь окутанный прозрачной пеной, весело несется он навстречу темной глубине широкого спокойного моря.

Карета сворачивает направо, — значит, в крепость. Еще немного и мы въезжаем в узкий двор, окруженный невысокими старыми зданиями. Третий жандарм, сидящий рядом с кучером,

¹ Воспоминания Н. С. Климовой были написаны летом 1918 г. во Франции. Публикуются впервые. Текст приводится по машинописной копии, хранящейся в частном собрании (Москва). Документ не озаглавлен, название дано публикаторами.

подает часовому какую-то бумагу. Мы ждем минут пять и въезжаем в открывшиеся ворота во внутренний двор крепости.

Уже несколько дней как я в Петропавловке. У меня большая камера с железной койкой и столом, привинченным к стене. Наверху под потолком небольшое с решеткой окно. Через него на стену падают косые лучи. Они наполняют воздух скрытым неровным светом. В углах же сумрак — все кажется, что там всегда таятся какие-то тени. Ночью, когда в стене над столиком зажигается электрическая лампочка и освещает меня и мою книгу тусклым пятном, — тени выползают из углов и темным колеблющимся строем окружают меня.

Все эти дни я не могу отделаться от одного странного ощущения. Не только не могу отделаться, но оно даже как будто все ширится и укрепляется во мне: все кажется мне, что не силой привели меня сюда, а живу я здесь сама по своей вольной воле, и что не крепость вовсе это, не тюрьма, а мое, наше родовое вековое поместье. Все наше здесь: и гулкие сводчатые коридоры, и вереница тяжелых дверей за желез[ными] засовами, и маленький дворик со старыми развесистыми деревьями, и серые холодные стены камер с выцарапанными и тщательно замазанными надписями, и старые запыленные книги в выцветших переплетах с пожелтевшими страницами, и вот эта по диагонали моей камеры вытоптанная дорожка в каменном полу... Кто ходил по ней (этой дорожке) долгие дни, долгие ночи, долгие годы, ходил вот так же, как я, одиннадцать с $\frac{1}{2}$ шагов вперед и таких [же] одиннадцать назад? Кто так же, как я, слушал мелодичный звон курантов и так же, как я, прислонившись к стене, жадно смотрел через маленькое окно на кусочек голубого далекого неба и тревожно чутко прислушивался к гулу и треску речных волн о крепостные стены. Вереницы забытых образов, далеких и таких близких любимых теней. Вот разорвана тишина молчаливых сводчатых коридоров и темных камер: десятки, сотни молодых лиц, сильных и страстных голосов. Как много их — декабристы, каракозовцы, нечаевцы, народовольцы и дети настоящего, их отпрыски — последние звенья длинной, живой цепи. Длинная живая цепь, вся сотканная из несбывшихся надежд, желаний и радости и боли. Я ухожу в самый далекий угол камеры, щекой прислоняюсь к стене, и она кажется мне теплой, близкой, моей — я закрываю глаза и отдаюсь во власть мучительно-прекрасных сказок...

С шумом поднимается засов и визгом и лязгом на ржавых петлях медленно открывается дверь. «Прогулка». По старым стоптанным ступеням я спускаюсь в нижний этаж и через коридор иду во двор в сопровождении двух жандармов. Моросит мелкий осенний дождик, и желтая поблекшая трава жалко никнет к земле. По-зимнему голы потемневшие деревья: беспомощно качают они свои ветви под набегающими порывами ветра. Откуда-то издавка слышится шум и ропот города, свистки пароходов и трамваев и гулкий шум автомобилей. Я иду по маленькой, окаймляющей весь дворик дорожке, внимательно присматриваюсь к отпечаткам следов на сырой земле. Рядом с огромными резиновыми галошами чьи-то совсем детские крошечные ножки на высоких каблукках. Меня смешит этот контраст и мне хочется улыбнуться им обоим так, чтобы этого не заметил черный высокий жандарм, что следит за мной неотступным напряженным взором. Посредине двора маленькая баня со створчатыми оконцами. Я иду по потемневшим ступенькам в открытую жандармами дверь. В передней, весело потрескивая дровами, горит огонь. Продрогшие солдаты, переминаясь с ноги на ногу, греют у печки озябшие руки. В предбаннике чисто, тепло и пахнет распаренным деревом. Меня встречает худая бледная женщина с равнодушно-спокойным лицом. Я смотрю через оконце на черные сучья деревьев, что стучат в запотевшие стекла и меня незаметно, но властно охватывают далекие воспоминания детства. Вот такая же крошечная баня на опушке березового леса недалеко от нашего дома... Такие же оконца. Также парно, тепло и пахнет размоченным осиновым листом. Мне пять лет и на голове у меня две маленьких косички с кусочками красных лент. «Мамочка, — говорю я, прижавшись к матери и указываю пальцем на высокую бледную женщину с равнодушным печальным лицом, — мамочка, а Анисья говорит, что это домовый сердится в котле». Я со страхом озираюсь на булькающий котел и еще крепче прижимаюсь к матери. «Глупости, девочка», — говорит мать и ласково обеими руками обнимает мою голову. «Глупости. Это просто кипит вода». Я радостно целую кончики ее длинных пальцев и точно вековая тяжесть спадает с моей души. «Просто кипит вода», — задорно кричу я Анисье и храбро карабкаюсь на самую верхнюю полку потемневшего полка, где в страшной духоте причудливо чернеют жуткие вихрастые веники.

А потом, заботливо укутав меня во многое множество платков, мать несет меня домой. Я радостно жмусь к ней, для чего-то делаю вид, что мне страшно холодно, и с веселой завистью прислушиваюсь, как хлопают ее калоши по мокрой разъезженной дороге. В сенях меня берет на руки бабушка и несет в столовую. Там на белом столе кипит самовар, и громко тикают старые большие часы. Я сижу на высоком стульчике, пью чай с малиновым вареньем и недоверчиво через окно всматриваюсь в черные сучья голых деревьев, что настойчиво царапали и стучали в запотевшие стекла...

«Пора кончать», — говорит чей-то далекий чужой голос. Я наскоро застегиваю пальто и через освещенные сени мимо солдат выхожу на дворик. Упорный дождик уже смыл столь милые моему сердцу следы, и, осторожно пробираясь между лужами, я прохожу в сводчатый коридор и, поднявшись по лестнице, вхожу в камеру. Она вся полна вечерних теней и только что рассказанных сказок. Я ложусь на койку, укрываюсь потеплее халатом и начинаю, как каждый день, как каждую ночь, думать о том, что случится со мной через несколько недель.

Какие странные дни и странные ночи... Часто кажется, что все, что было раньше, было сном и смутным ожиданием того, что пришло теперь. И не только новые и другие дни, но и другое представление о времени и вещах, таких когда-то простых и понятных.

Теперь я ничего не знаю о времени. Когда я оглядываюсь назад, то мне кажется, что дни бегут с невероятной быстротой и даже, быть может, прошел всего только один день и одна ночь. Когда же рано утром из полуразрушенной башни против моего окна начинает проникать бледный рассвет и я открываю глаза, то моей первой мыслью бывает сознание невозможности дожидаться, дожить до вечера — так длинен, так полон громадно-трудной работы предстоящий день.

И еще я теперь знаю, что значит слышать тишину. Я не только ее слышу, я слушаю ее долгими неподвижными часами, но я чувствую, я вижу ее.

Крепость спит. Спят высокие развалившиеся башни, спит широкая крепостная стена, спят темные коридоры, полные колышущихся теней прошлого, и сырые карцеры. Тихо дремлют за дверью солдаты, утомленные днем. Вкрадчиво и властно спустилась ночь — все окутала черным тяжелым бархатом своим, все

проникло темным, густым дыханием. «Так не бывает тихо, так не может быть», — шепчу я, и мне вдруг начинает хотеться сказать это громко, закричать, раздвинуть, растолкать это черное душное тело. Но я стискиваю зубы и молчу — я знаю, что этого не может никто, что этого еще нельзя. Звонят мелодичные куранты и призрачно-яркие звуки падают на тело тишины — не шелохнувшись, всасывает она все жадными черными щупальцами, и падают они бездушно и мягко на глубокое дно.

Я сижу на койке и, положив голову на стол, слушаю, как молчит крепость, как молчат мертвые и живые, что под ее тяжелыми сводами они умеют молчать — не проронив ни одного звука, не шелохнувшись без вдоха, как умеют молчать лишь те, кто громко, страстно и жестоко может разговаривать лишь с самим собой. Я не знаю их лиц, я никогда не увижу их и лишь мельком, торопливо проходя по гулким коридорам, я на мгновение смогу прижаться ласковым и пытливым взглядом к почерневшим дверям их камер. Но я знаю, о чем молчат они, и каждую ночь так трепетно страстно жду нашего часа. Длинные ночи молчания, десятки, сотни, тысячи молчаливых ночей... А сколько их впереди... Сколько нужно молчать и ждать, пока придет радостное солнце, сверкающими золотистыми нитями разрежет ночь и растопит горячим дыханием холодное недвижимое молчание. «Оно придет», — говорит кто-то во мне тихо и твердо. Тени вышли из углов и узким кольцом окружили. «Оно придет», — говорю я их бледным колеблющимся лицам, придет, убьет ночь и молчание, принесет жизнь и тогда все вспомнит, все исправит и все испкупит...

Совсем близко подкрались тени, наклонились надо мной и дышат мне в лицо легким призрачным дыханием. Я поднимаю голову и смотрю им прямо в глаза — да это вовсе не тени, это все мои только что ушедшие навсегда товарищи, и радостная искра вспыхивает во мне. Я тихонько дотрагиваюсь до их горячих рук и с мучительной пытливостью вглядываюсь в их бледные неясные лица. Там, на воле... тогда... было некогда, а теперь какой неиссякаемой любовью было бы полно мое сердце. «Но ведь Вас же нет, Вы же умерли», — шепчу я тихо. Они смеются, качают головами, подходят еще ближе ко мне и пополняют камеру молодыми живыми голосами и безумная страстная надежда начинает просачиваться в мое сердце. «Вас нет, Вы умерли и не вернетесь

никогда», — упрямо твержу я и встаю. Тени вздрагивают, шаркаются и, собравшись в маленький черный комочек, прячутся в самом темном углу. Я подхожу к койке, медленно раздеваюсь, ложусь и вытягиваюсь в струну, стараясь не шевелиться ни одним мускулом. Только так, я знаю, сумею я осилить самую себя.

Маленький черный зверек с длинной мордочкой присосался к моему сердцу и каплею мучительно медленно пьет из меня кровь. Я не могу прогнать его, потому что не смею шевельнуться. Не могу крикнуть. Упаду в такую бездну отчаяния, от которой помутится мой разум. Я молчу и жду. Медленно и устало, влача плоские, широкие тела, ползут мгновения.

И. А. Карпенко

Петропавловская крепость в 1941–1945 годах

К истории Петропавловской крепости в XX столетии в последние десятилетия исследователи обращались редко. Причина тому — сложность поиска информации о многочисленных организациях, располагавшихся на Заячьем острове в советское время. С 1917 года территория и здания Петропавловской крепости были разделены между различными организациями: Музеем Революции, Ленинградским военным округом, подразделениями НКВД, Монетным двором и т. д. Документы, свидетельствующие о событиях, деятельности организаций, реставрационных проектах, работе музея оказались рассеяны по многочисленным архивам, часть из которых, как Главный военный архив Министерства обороны Российской Федерации в Подольске, остаются недоступными. Тем не менее в последние годы появлялись публикации документов и научные статьи, относящиеся, прежде всего, к периоду блокады Ленинграда.

Первая попытка свести воедино отрывочные сведения о событиях, происходивших в крепости в 1917–1945 годах, была предпринята в статьях Л. В. Андриановой¹. В своих публикациях она выстроила хронологический ряд основных событий 1941–1944 годов в Петропавловской крепости, рассказала о подготовке крепости к обороне Ленинграда.

Книга «Восстановление памятников архитектуры Ленинграда», подготовленная сотрудниками ГИОП и опубликованная в 1987 году, содержит важные материалы о разрушениях зданий и последующей реставрации памятников архитектуры на Заячьем

¹ Андрианова Л. В. Петропавловская крепость в 1917–1945 годах // Петропавловская крепость. Страницы истории. СПб., 2000. С. 397–406; Она же. Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы 1920–1940-х годов // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 316–319.

острове². Однако за рамками вышеперечисленных публикаций оставались вопросы использования крепости военными организациями, ликвидации последствий бомбежек, реставрационных работах в военное время. Комплексы документов, рассекреченных в настоящее время, позволяют уточнить сведения, опубликованные в вышеперечисленных исследованиях, а также раскрыть многие ранее неизвестные стороны жизни крепости в военное время.

К 1941 году на Заячьем острове Музею Революции принадлежали лишь два здания — Петропавловский собор и Тюрьма Трубецкого бастиона. Остальные куртины, бастионы, рavelины, жилые дома занимали военные организации. После начала Великой Отечественной войны именно военные стали готовить крепость к обороне: завозили оружие, ввели жесткий пропускной режим, перестраивали укрепления. Так, были раскрыты амбразуры в Иоанновском рavelине у Иоанновских ворот³, в Алексеевском рavelине в правом полуконтргарде устроены стрелковые гнезда⁴. На Меншиковом, Зотовом, Нарышкином⁵ и Головкином⁶ бастионах расположились зенитные батареи. На Государевом бастионе были установлены звукоулавливатели, необходимые для обнаружения вражеских самолетов в небе. В здании Главной Гауптвахты (д. № 3) разместился штаб МПВО крепости⁷.

Подготовка зданий к возможным авианалетам и бомбежкам велась сотрудниками Музея Революции и Комитета по охране памятников Ленинграда. Они продолжали следить за состоянием принадлежавших музею зданий и предпринимали меры по защите памятников.

7 августа 1941 года специально созданная ГИОПом комиссия обследовала Петропавловский собор. В соборе с 1940 года велись реставрационные работы и внутри колокольни реставраторами

² Кедринский А. А., Колотов М. Г., Ометов Б. Н., Раскин А. Г. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. Л., 1987. С. 65–85.

³ Письмо Н. Н. Белехова начальнику 6-го отдела НИМТИ ВМС полковнику Серебрякову. 1947. Архив КГИОП. П-90. П-311. Л. 69.

⁴ Пояснительная записка к проекту реставрации Алексеевского рavelина. 2010 г. Научный архив ГМИ СПб.

⁵ Андрианова Л. В. Петропавловская крепость в 1917–1945 годах. С. 404.

⁶ Бобров М. М. Особо важное задание // Ленинградская панорама. 1991. № 9. С. 18.

⁷ Андрианова Л. В. Петропавловская крепость в 1917–1945 годах. С. 404.

была установлена деревянная шахта, а в «нижней части шпиля — железные балки, которые закреплены к центральной части и подвешены на тросах»⁸. Комиссия эту конструкцию решила не разбирать, и в дальнейшем деревянная шахта использовалась при проведении работ по маскировке шпиля. Во время работы комиссии выяснилось, что Петропавловский собор охраняется только с 8 до 19 часов. Обнаружив, что собор ночью не охраняется, комиссия рекомендовала обеспечить круглосуточную охрану собора и организовать постоянную связь с местным штабом МПВО⁹. Для предотвращения пожаров из собора необходимо было вынести «ненужные деревянные вещи»¹⁰, по всему внутреннему пространству собора расставить «ящики с песком, бочки или ванны с водой, снабдить ящики с песком лопатами и щипцами для зажигательных снарядов»¹¹, из алтаря убрать покрытие из линолеума. Иконостас комиссия рекомендовала «защитить по всей нижней части с обеих сторон... отлогим откосом с засыпкой песком, с тем чтобы снаряд отбрасывался от иконостаса на каменный пол»¹². Деревянные конструкции внутри колокольни собора было решено обработать суперфосфатом.

В соборе, согласно акту от 7 августа 1941 года, было обнаружено множество вещей, которые не должны были находиться внутри храма: шкафы, витрины, столы, лестницы, различные ящики¹³. Вместе с ненужной мебелью в кладовых собора хранились спрятанные кем-то металлические венки, украшавшие до революции 1917 года могилы императоров. После обследования собора комиссией их было рекомендовано «передать или в утиль базу или в похоронное бюро»¹⁴.

Рекомендации комиссии в основном были выполнены, но эти меры не могли помочь при прямом попадании бомбы, а могли лишь замедлить распространение огня при возникновении пожара. Такая опасность была вполне реальна, так как в течение осени и зимы 1941 года на территорию крепости упало более

⁸ Акт 7 августа 1941. Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 120.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 119.

¹⁴ Там же. Л. 120.

десятка фугасных авиабомб¹⁵. Во время бомбежек были повреждены Комендантский дом, Гауптвахта, разрушены Церковный дом, здание Главного казначейства, Комендантская пристань. От пожаров, которые возникали из-за взрывов, в 1941–1942 годах сгорели почти все деревянные дома на Заячьем острове.

Первые бомбы упали на территорию Петропавловской крепости 9 сентября 1941 года¹⁶ — в первые дни блокады Ленинграда. В этот же день, как следует из записей в дневнике Н. П. Горшкова, немцы бомбили исторические районы города: «как стемнело, был большой налет, непрерывно гремели зенитки, на небе лучи прожекторов. Слышны были взрывы. Ночь лунная, звездная, с проходящими и перистыми облаками»¹⁷. Петроградская сторона подверглась особенно мощному обстрелу, и прибывшие в Петропавловскую крепость команды МПВО составили подробный отчет о разрушениях. Во время обстрела прямым попаданием фугасной бомбы и от «образовавшейся воздушной волны произошло полное разрушение части жилого корпуса № 7»¹⁸ (Церковного дома). В Церковном доме начался пожар, но он был быстро ликвидирован¹⁹. Пострадал и соседний Штаб-офицерский дом: были выбиты стекла и рамы. Во время бомбежки были ранены два человека, жертв могло быть больше, так как карниз здания не упал и нависал над развалинами. В сентябре 1941 года авианалеты еще не стали частью быта горожан, поэтому сотрудник МПВО в донесении отметил, как ликвидировались последствия бомбардировки: «10 сентября 1941 года... командир 17-го отделения АВК Суханов ...лично предотвращает опасность. Место ограждено. Карниз организованно обрушен»²⁰.

В течение сентября – ноября 1941 года бомбежки продолжались. За годы войны на территорию Заячьего острова упало 14 фугасных авиабомб, около 40 артснарядов²¹, причем около

¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 39. Д. 1–3.

¹⁶ Данные сводок МПВО, хранящиеся в ЦГА СПб, и материалы архива КГИОП приводят разные даты первых бомбежек крепости: 9 и 8 сентября соответственно.

¹⁷ Блокадный дневник Н. П. Горшкова // Блокадные дневники и документы (Архив Большого дома). СПб., 2004. С. 18.

¹⁸ Акт 10 октября 1942 года. Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 69.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 39. Д. 1. Л. 3.

²⁰ Там же. Д. 3. Л. 4.

²¹ Подсчет сделан по сводным оперативным донесениям МПВО. См.: ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 39. Д. 1, 3, 4, 6, 8.

половины пришлось на первые три блокадных месяца. Точность обстрелов объяснялась наличием в крепости высотной доминанты, служившей ориентиром. После того как шпиль Петропавловского собора был покрашен корабельной краской²², результативность обстрелов резко снизилась и попаданий в здания стало значительно меньше, что подтверждается данными оперативных донесений МПВО Петроградского района²³. При этом в самом начале работ по маскировке шпиля альпинистам М. М. Боброву и А. А. Зембе пришлось снимать в соборе люстры и закрывать иконостас мешковиной²⁴. Как пишет в дневнике М. М. Бобров, это было необходимо, так как «люстры от сотрясения здания собора могут сорваться с потолочных креплений и разбиться»²⁵.

Из принадлежавших музею зданий пострадали и Трубецкой бастион, и Петропавловский собор. 8 ноября 1941 года авиабомба попала в Трубецкой бастион, где были расположены пошивочные мастерские фронта²⁶. Бомба застряла в стене чердачного перекрытия и не разорвалась. Вызванные на место саперы из Ленвзрывпрома попытались ее извлечь, но «при извлечении бомба взорвалась на месте, при взрыве обрушило 1 свод в помещениях мастерских»²⁷.

Музей во время войны не работал, но его здания были открыты для посещения несколько раз за время войны. В ноябре 1941 года свидетелем посещения Петропавловского собора войсками Ленинградского фронта стал М. М. Бобров, который записал в дневнике: «Из дверей со стороны великокняжеской усыпальницы в колонну по три, со снятыми головными уборами четко проходил строй военных мимо могилы Петра I и выходил через южные двери на площадь». Эти почести отдавались «полководцу Петру, который выиграл много сражений... построил наш город, в который никогда не ступала нога вражеского солдата».

19 декабря 1941 года было издано распоряжение № 23 Исполкома Ленгорсовета о развертывании работ по монументальной

²² Подробно см.: *Бобров М. М. Особо важное задание; Уствольская Н. М. Воспоминания ленинградки* // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 5. СПб., 2000.

²³ ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 39. Д. 1, 3, 4.

²⁴ *Бобров М. М. Особо важное задание*. С. 16.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 39. Д. 1. Л. 38; Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 23.

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 39. Д. 1. Л. 38.

пропаганде²⁸. В архиве КГИОП сохранился документ, относящийся предположительно к 1942 году. По плану монументальной пропаганды к 4 ноября были подготовлены «металлические стяжки для навески ниспадающих тканей, подвеска на ней тканей, изготовление и установка венков, изготовление и установка искусственных пальм, драпировка дверного портала, установка бюста, навеска центральной люстры, электроосвещение и расстилка ковров»²⁹.

Великокняжеская усыпальница, в отличие от Петропавловского собора, не была закрыта во время войны. Ее подвалы использовались как убежище. Так, в техническом заключении осмотра Великокняжеской усыпальницы после обстрела 9 сентября 1942 года упоминается о необходимости капитального ремонта «дверей и откачке воды из подвального помещения и газоубежища»³⁰.

Одним из наиболее пострадавших во время войны памятников стало здание Главного казначейства (д. № 11), в котором находилась военная прокуратура и столовая. Дом № 11 был практически уничтожен 19 ноября 1941 года. Бомба упала в центральную часть здания, «была разрушена половина здания, завалено три этажа»³¹. Работать на месте взрыва бомбы было сложно, так как «начальник МПВО, прибыв на место, никаких ответственных лиц не нашел. Убедившись в сложности очага (большие глыбы), т. Огановский использовал оба отделения для разбора завала, освобождал пострадавших и оказал им помощь с помощью местного врача»³². Через час после начала работы на месте появились часовые, которые старались никого туда не пускать. Разрешение работать было получено только после обращения к коменданту крепости³³. Важность этого объекта показывают некоторые дан-

²⁸ Архитекторы блокадного Ленинграда. СПб., 2005. С. 136.

²⁹ План работ по ремонту и художественному оформлению могил великих русских полководцев. Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 66.

³⁰ Техническое заключение осмотра здания филиала № 3 Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. 23 октября 1942. Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 68.

³¹ Донесение начальнику МПВО г. Ленинграда полковнику тов. Лагуткину 27.11.1941. ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 39. Д. 2. Л. 41.

³² Там же.

³³ Должность коменданта крепости была отменена в 1926 г. Но в некоторых документах, относящихся к периоду 1926–1944 гг., встречаются упоминания о коменданте крепости. Возможно, так называли представителя ЛВО, отвечавшего за порядок в крепости.

ные, приведенные в донесении начальнику МПВО Ленинграда Лагуткину: 19 ноября на разборе завалов работали 135 человек из состава команд МПВО и 20 военнослужащих, 20 и 21 ноября по 6 человек бойцов МПВО и 135 военнослужащих³⁴.

Разрушения были настолько значительны, что районный архитектор О. А. Остроумова 23 октября 1942 года сделала заключение о том, что «восстановительных работ по этому дому производить нет смысла: следует же произвести полную его сломку для постройки на этом участке нового здания»³⁵. После войны Ленинградский военный округ без согласования с отделом застройки города и инспекцией по охране памятников начал восстанавливать разрушенный дом № 11³⁶ — в Ленинграде не хватало жилья.

Петропавловская крепость на протяжении всей блокады оставалась важным военным объектом. Мастерские и лаборатории, расположенные на ее территории и принадлежащие различным военным организациям, продолжали свою работу. В части Меншикова бастиона и Петровской куртине³⁷ расположились мастерские Научно-исследовательского минно-торпедного института Военно-морских сил³⁸. С 1926 года помещения в Нарышкином бастионе принадлежали химическим мастерским Ленинградского военного округа и использовались под кладовые, склады, гаражи³⁹. С 20 июля 1941 года в крепости начала работу стационарная фронтовая испытательная химическая лаборатория Ленинградского фронта, получившая помещения в Комендантском доме⁴⁰. Сотрудники лаборатории занимались изучением трофейных образцов и проб различных химических соединений, обучали врачей санитарно-химической защиты,

³⁴ Донесение начальнику МПВО г. Ленинграда полковнику тов. Лагуткину 27.11.1941. ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 39. Д. 2. Л. 43.

³⁵ Акт технического заключения по осмотру жилого дома № 11.

³⁶ Письмо Начальника госинспекции Белехова начальнику КЭЧ капитану Крылову. 27.11.1945. Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 61.

³⁷ Архив КГИОП. П-90. П-311. Л. 83.

³⁸ Архив КГИОП. П-90. П-311. Л. 60.

³⁹ Акт № 13 по Петрокрепости. 10 февраля 1940. Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 157.

⁴⁰ Отчет о работе стационарной фронтовой испытательной химической лаборатории Ленинградского фронта за время с 20 июля 1941 по 31 декабря 1942 года // Химические войска Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне. 1941–1945. Документы и материалы. СПб., 2010. С. 395.

проводили занятия в войсковых частях Ленинградского фронта, испытания средств защиты, изготовленных для армии, флота и МПВО⁴¹. Сотрудники лаборатории занимались также научными разработками. Так, в 1942–1943 годах ими были разработаны приборы для определения уровня отравляющих веществ в воде, пище и фураже⁴², созданы химические смеси для создания нейтральной дымовой завесы⁴³, которая использовалась при проведении атак.

В Комендантском доме кроме химической лаборатории располагались мастерские по ремонту противогозов⁴⁴. Объем работы мастерской был значителен, и во втором полугодии 1941 года «в связи с расширением производства, было принято 151 чел. новых рабочих»⁴⁵. В начале января 1942 года в здание была прекращена подача электроэнергии и воды, работа мастерской остановлена. Чтобы сохранить рабочих, руководство мастерской приняло решение разделить сотрудников на три категории: первую категорию, «не имеющих нужды в средствах существования», отправили в отпуск за свой счет. Вторая категория — «менее обеспеченная» получала лишь 50 % от зарплаты. Лишь третья категория рабочих выполняла различные хозяйственные работы и получала за это заработную плату⁴⁶.

Работы лабораторий и мастерских не прекращались даже при попадании в здание бомбы. Так, в Комендантском доме 8 ноября 1941 года была разрушена часть помещений. После попадания бомбы в здание Архива военного министерства (д. № 14), где находилась типография газеты «На страже Родины», издание газеты не прекратилось. Военнослужащие и сотрудники МПВО разбирали завалы и работа продолжалась.

В годы блокады специалисты Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда, районный архитектор О. А. Остроумова осуществляли надзор за состоянием Петропавловского

⁴¹ Там же. С. 397–398.

⁴² Химические войска Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне. С. 124.

⁴³ Там же. С. 126.

⁴⁴ Доклад о производственной деятельности Военно-химической мастерской Ленинградского фронта с начала войны до конца 1942 года // Химические войска Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне. С. 390.

⁴⁵ Там же. С. 391.

⁴⁶ Там же. С. 392.

собора, Ботного дома и других памятников архитектуры. При необходимости под их контролем проводились срочные ремонтные работы. Так, в октябре–декабре 1942 года были произведены работы по починке кровли собора и крыши около барабана купола⁴⁷. Материал для ремонта использовался подручный — найденный в «боковой комнате собора — кладовой»⁴⁸. Ремонт занималась 1-я строительная контора УЖСЛ (1-го батальона МПВО)⁴⁹. Строители, для того чтобы пройти в крепость, получали пропуска у «коменданта гарнизона Петрокрепости»⁵⁰.

В феврале 1943 года ремонтировали Ботный дом — была укреплена скульптура «Навигация», защиты окна и двери⁵¹, летом 1943 года пришлось перекрывать крышу Петропавловского собора. Воздушной волной от взрыва были снесены листы кровельного железа, и в кровле образовалось отверстие размером 50–60 кв. м⁵². К октябрю 1943 года работы были завершены: наложены заплаты на кровлю, окна собора защиты фанерой, оконные проемы на колокольне, закрытые листами фанеры, снаружи окрашены масляной краской, укреплены металлические переплеты⁵³.

После прорыва блокады в январе 1943 года становилось все более очевидным, что в ближайшем будущем блокада закончится. Начиная с весны 1943 года отряды МПВО в своих сводках стали указывать не только характер разрушений, но и подсчитывали размер материального ущерба⁵⁴. Так, например, 7 апреля 1943 года указано, что при артобстреле «разрушено три деревянных сарая. Уничтожено до основания 80 кв. м. Стоимость в рублях — 450 рублей»⁵⁵. В дальнейшем на основании этих подсчетов по поручению Городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков был составлен

⁴⁷ Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 61.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Акт 1 марта 1943 года. Научный архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 57.

⁵² Письмо директора Музея Революции Павловой в Управление по охране памятников старины при Ленгорисполкоме. 23 июня 1943. Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 54.

⁵³ Акт приемки выполненных работ за октябрь месяц 1943. Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 45.

⁵⁴ Подробнее об этом см.: ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 39. Д. 4–8.

⁵⁵ ЦГА СПб. Ф. 4886. Оп. 39. Д. 7. Л. 18.

Акт об ущербе⁵⁶. Основные музейные здания — Петропавловский собор и Трубецкой бастион⁵⁷ не пострадали от прямых попаданий бомб, но наряду с остальными зданиями (Комендантским домом, Штаб-офицерским домом, Церковным домом и т. д.) требовали реставрационных работ. В годы блокады были полностью разрушены прачечная (располагавшаяся за Кронверкской куртеной), конюшня (за Васильевской куртеной), Комендантская пристань.

После снятия блокады началось постепенное восстановление памятников, расположенных на территории Заячьего острова. В 1944–1950-е годы этим занимались организации, владевшие зданиями до начала Великой Отечественной войны. Принадлежавшие военным организациям и институтам мастерские, лаборатории продолжали работать до конца 1940-х годов, семьи военнослужащих возвращались в свои квартиры. Процесс создания в Петропавловской крепости музейного комплекса растянулся на десятилетия.

⁵⁶ Акт. 28 ноября 1943. Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 37-33.

⁵⁷ Повреждения зданий в процентном отношении оценивались как 4,52 % — Тюрьма Трубецкого бастиона, 8,45 % — Петропавловский собор. Архив КГИОП. П-90. П-310. Л. 36 об.

Н. Р. Славнитский

**Петропавловская крепость
в составе Государственного музея
истории Ленинграда (1950–1960-е годы)**

Передача Петропавловской крепости в подчинение Государственного музея истории Ленинграда, как известно, была обусловлена реорганизацией Музея Революции. В 1952 году постановлением Совета Министров РСФСР был ликвидирован Ленинградский государственный музей Революции. На базе фондов этого учреждения был образован Ленинградский музей Великой Октябрьской Социалистической революции при Институте Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина, который отказался принимать в свое ведение Петропавловский собор, Великокняжескую усыпальницу и Ботный дом (а принял только Трубецкой и Зотов бастионы). Здания, ставшие в одночасье «бесхозными», в январе 1953 года было решено передать в ведение Отдела Культурно-просветительной работы Ленгорисполкома¹. Тогда же впервые было предложено передать их в подчинение Музея архитектуры Ленинграда (Музей истории и развития Ленинграда в 1945 году был передан в подчинение Управления по делам архитектуры и в декабре 1951 года переименован в Музей архитектуры Ленинграда²).

Следует сказать, что первоначально (в январе 1953 года) предусматривалась передача Петропавловского собора, Великокняжеской усыпальницы и Ботного дома в ведение Отдела культурно-просветительной работы Исполкома Ленгорсовета (при этом предполагалось здание усыпальницы передать в долгосрочную аренду Ленинградскому отделению Художественного

¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 1190. Л. 5–6.

² *Шпиллер Р. И.* Государственный Музей истории Ленинграда // Музей и власть. М., 1991. Ч. 2. С. 160.

фонда СССР, а Ботный дом — издательству Главного штаба для подготовки «Морского атласа»³. Но этот проект не был реализован.

Связано это было с тем, что руководство Ленинграда стремилось добиться того, чтобы все музеефицированные здания крепости оказались в подчинении одного музея, а не двух. Как отмечалось в докладной записке, подписанной заместителем председателя Ленгорисполкома И. А. Гришмановым, «строить культурно-просветительную работу только в соборе, отрывая ее от всего комплекса Музея революции, невозможно, так как раскрытие социальной функции религии и роли собора как центра монархической пропаганды, тематически неразрывно связано с показом Петропавловской крепости как политической тюрьмы»⁴.

С этим было согласно и руководство Государственной инспекции по охране памятников. В письме на имя секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, подписанном начальником инспекции Н. И. Белеховым 5 июня 1953 года, высказывалось пожелание «обязать ИМЭЛ⁵ принять Петропавловский собор с другими зданиями и имуществом Петропавловской крепости. В том случае, если собор не будет включен в экспозицию нового музея, инспекция считала необходимым передать Петропавловский собор, усыпальницу, Екатерининский павильон (флагшточная башня. — Н. С.) и “Домик дедушки русского флота” в ведение Министерства культуры в качестве филиала Ленинградского музея истории города (ввиду того, что все соборы-музеи находятся в ведении Министерства культуры)». В этой ситуации, по мнению инспекции, в ведение Министерства культуры должен был быть передан и Трубецкой бастион⁶ (Музей архитектуры был в 1953 году изъят из ведения Управления по архитектуре и переименован в Государственный музей истории Ленинграда).

Председатель Ленгорисполкома П. Ф. Ладанов также обратился к Н. С. Хрущеву и председателю Совета Министров

³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 1190. Л. 5. Издательство Главного штаба Военно-Морского Флота в 1950–1966 гг. готовило к выходу «Морской атлас» — фундаментальное картографическое издание в 3-х томах.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 1190. Л. 18.

⁵ Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК КПСС, в течение двух лет, с 1954 по 1956 г. назывался Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина при ЦК КПСС (ИМЭЛС).

⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 1190. Л. 34–35.

СССР Г. М. Маленкову с просьбой передать все музейные объекты Петропавловской крепости в ведение Управления культуры Исполкома Ленгорсовета в качестве филиала ГМИЛ (при этом для работы нового филиала предполагалось увеличить штат музея на 49 единиц)⁷:

- 1) заведующий филиалом;
- 2) инженер-архитектор;
- 3) инструктор по массовой работе, научные сотрудники — 2, экскурсоводы — 2;
- 4) кассиры — 4, контролеры — 4;
- 5) смотрители Музея — 6;
- 6) уборщицы — 10, дворники — 4;
- 7) комендант филиала, истопник, водопроводчик, электромонтер;
- 8) механик курантов;
- 9) шофер легковой машины;
- 10) пожарно-строительная охрана — 8 единиц.

Руководство Института Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПСС по-прежнему высказывалось против включения в состав экспозиций Музея Революции Петропавловского собора⁸. Поэтому руководство Ленгорисполкома снова направило в Совет Министров СССР предложение о передаче музейных объектов Петропавловской крепости в ведение Управления культуры Ленгорисполкома. 29 марта 1954 года этот документ был передан на рассмотрение Совета Министров⁹.

Этот вопрос был решен Советом Министров положительно, и 19 августа 1954 года Ленгорисполкомом было подготовлено распоряжение о принятии Управлением культуры пяти объектов, находящихся на территории Петропавловской крепости, — Петропавловского собора, здания усыпальницы, Ботного дома, Трубецкого и Зотова бастионов крепости¹⁰. Затем эти здания были переданы в состав ГМИЛ, и с 24 ноября 1954 года Петропавловская крепость начала функционировать как филиал ГМИЛ¹¹. Заведующим филиалом был назначен

⁷ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 1190. Л. 9, 16.

⁸ Там же. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 27.

¹⁰ Там же. Оп. 25. Д. 2630а. Л. 50.

¹¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 2. Л. 57.

М. А. Павлов, но был ли утвержден предполагавшийся проект штата, не совсем понятно.

С самого начала работы сотрудники ГМИЛ столкнулись с теми же трудностями, с какими прежде приходилось бороться сотрудникам Музея революции. К числу первоочередных задач относились реставрация и открытие Петропавловского собора. Данный вопрос уже рассмотрен в литературе¹², поэтому подробно на нем в этой статье останавливаться не будем.

В первую очередь руководство музея занялось налаживанием экскурсионной работы в крепости, разработкой вариантов экскурсий¹³. Посещаемость крепости постепенно росла, поэтому увеличивался штат экскурсоводов — весной 1956 года 14 человек¹⁴, а в марте 1957 года Павлов говорил уже о необходимости подготовить 50 экскурсоводов¹⁵.

Следует сказать, что крепость в то время находилась в запущенном состоянии. Директор музея Л. Н. Белова весной 1956 года отмечала: «В Петропавловской крепости положение неблагоприятное, там много грязи и для этого есть объективные причины, там неблагоприятно с канализацией и водопроводом. Сейчас Ленинградский исполком принял крепость в свое ведение и на протяжении двух лет она должна быть благоустроена. Отдельные частичные работы ничего не дадут эффективного...»¹⁶. Канализация в крепости действительно требовала безотлагательного ремонта. В том же году в документах Ленинградского городского совета депутатов трудящихся по этому поводу писали следующее: «для характеристики состояния благоустройства крепости достаточно сказать, что старая деревянная канализация, имеющая кроме того спуски на городской пляж, во многих местах обрушилась, вследствие чего в дождливое время на проездах

¹² Кедринский А. А., Колотов М. Г., Ометов Б. Н., Раскин А. Г. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. Л., 1989; Бенца И. Н., Степанов С. Д. Реставрация Петропавловского собора // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 326–341; Бенца И. Н., Степанов С. Д. Здание Великокняжеской усыпальницы в послевоенный период // Там же; Барабанова А. И., Попова Г. А. Петропавловская крепость-музей // Петропавловская крепость. Страницы истории. СПб., 2002.

¹³ Протокол общего собрания первичной партийной организации // ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 4. Л. 38.

¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 7. Л. 24.

¹⁵ Там же. Д. 10. Л. 6.

¹⁶ Там же. Д. 7. Л. 25.

и центральной площади перед Петропавловским собором образуются огромные лужи грязной воды»¹⁷.

Л. Н. Белова считала, что приведение территории Заячьего острова в порядок будет возможно после того, как Ленгорисполком примет крепость в свое ведение. Действительно, в марте 1956 года было принято решение о создании музея-заповедника на территории Заячьего острова, а 25 мая 1956 года Ленгорисполком принял решение: «В соответствии с постановлением Совета министров РСФСР от 9 декабря 1955 г. № 1441 и согласием министра обороны маршала Жукова принять от Ленинградского военного округа комплекс зданий, сооружений, подземного хозяйства, дорог и зеленых насаждений Петропавловской крепости на баланс городского хозяйства». В соответствии с этим решением Петроградский райсовет 5 июля 1956 года принял постановление о передаче на баланс районного Жилищного управления следующих объектов крепости¹⁸:

1	Территория Алексеевского рavelина	Жилой дом № 13 (2-эт.)
2	Территория Алексеевского рavelина	Жилой дом № 15 (2-эт.)
3	Пристройка к крепостной стене	Жилой дом № 16 (2-эт.)
4	Комендантский дом	Жилой дом № 4 (2-эт.)
5	Прокурорский дом	Жилой дом № 11 (2 – 3-эт.)
6	Пристройка к Прокурорскому дому	Жилой дом № 10 (3-эт.)
7	Пристройка к Прокурорскому дому	Жилой дом № 9 (2-эт с подвалом)
8	Пристройка к Прокурорскому дому	Жилой дом № 8
9	Пристройка к Прокурорскому дому	Жилой дом № 17
10	Бывшее здание каретника	Общественный туалет и дровяник

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 1369. Л. 19.

¹⁸ Там же. Л. 21а–21б.

11	Здание цейхгауза	Склад, мастерская, гараж, жилье
12	Территория по берегу реки Кронверки	Склад

Однако процесс передачи крепости гражданским ведомствам растянулся на несколько лет. В частности, в июле 1956 года заместитель министра обороны СССР маршал И. С. Конев сообщил председателю Совета Министров РСФСР М. А. Яснову, что «освободить занимаемый фонд в Петропавловской крепости в целях создания общегородского музея-заповедника Министерство обороны в ближайшие годы не имеет возможности»¹⁹.

В этом же документе отмечалось, что Министерство обороны регулярно выделяет средства на ремонт занимаемых помещений. Однако в обращении Ленинградского городского совета депутатов трудящихся в правительство РСФСР в августе того же года (по-видимому, туда была передана копия ответа, подписанного И. С. Коневым) резонно отмечалось, что «военные организации, проявляющие некоторую заботу о зданиях и помещениях крепости, котоые могут быть в той или иной степени утилитарно использованы, в течение длительного времени упорно уклоняются от проведения общего благоустройства Петропавловской крепости». Не меньшую озабоченность Ленгорисполкома вызывал и тот факт, что ряд помещений в крепости (казарменные и административные здания, а также дом для духовенства Петропавловского собора) был приспособлен под жилой фонд, причем большая часть проживавших там людей к середине 1950-х годов уже потеряла связь с Вооруженными силами СССР (и эти помещения находились «в особо неудовлетворительном состоянии»).

Предполагалось, что большая часть военных организаций в ближайшее время останется в крепости на правах арендатора. За ее пределы намечалось вывести только фильмобазу округа, как взрывоопасное хранилище, и такие учреждения, как мастерские по обработке бывших в употреблении шуб, валенок и другого обмундирования, строительно-хозяйственные дворы, авторемонтные мастерские, гаражи и стоянки машин (причем значительная

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 1369. Л. 21.

часть подобных учреждений к тому времени уже была вывезена Ленинградским военным округом в другие места)²⁰.

Все эти причины (зачастую объективные), а также трения приводили к тому, что процесс передачи зданий и сооружений постоянно замедлялся. Ситуация осложнялась еще и тем, что освобождаемые здания переходили в ведение Треста не жилого фонда, а не музея²¹. Л. Н. Белова позже отмечала, что «во-первых, не было предоставлено право заинтересованной организации, какой является Музей, контроля и координации действий в вопросах использования и благоустройства, во-вторых, Трест не жилого фонда, получая большие суммы за аренду, не направлял их на активное восстановление зданий, сооружений и помещений»²².

Кроме того, на территории крепости по-прежнему располагались различные организации, не связанные с музеем. В частности, в 1959 году в здании Гауптвахты находился детский сад; в Комендантском доме — жилой дом; Никольскую куртину и часть Васильевской занимал комбинат по ремонту обмундирования; другую часть Васильевской — издательство Главного штаба; Нарышкин бастион — склад кинобазы; Екатерининскую куртину — бумажный склад; Меншиков бастион — Газосвет. В Инженерный дом предполагалось вселить Изокомбинат²³.

Еще летом 1956 года предполагалось создать экспозицию в бастионе Зотова, а также добиться передачи в ведение музея бастиона Нарышкина²⁴, однако ни то, ни другое сделать не удалось (первый объект нуждался в реставрации, которая началась только в 1961 году, а другой бастион был передан музею значительно позднее).

Приходилось также решать и самые разнообразные бытовые вопросы. В частности, в сентябре 1955 года один из сотрудников, говоря о подготовке к зимнему сезону, отмечал: «нужно отопить рабочие места и обеспечить теплой одеждой технический персонал — валенками, полушубками и т. п. Слуховые окна,

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 1369. Л. 20.

²¹ Барabanова А. И., Попова Г. А. Петропавловская крепость-музей... С. 410.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 19. Л. 44.

²³ Талунтис Э. Крепость должна сдаться культуре (Материалы о необходимости передачи всех зданий, находящихся в крепости, в ведение Музея истории Ленинграда) // Смена. 1959. № 254. 27 октября. С. 3.

²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 7. Л. 30.

чердаки собора на зиму необходимо закрыть фанерой и частично остеклить переплеты некоторых рам собора и колокольни»²⁵. Также обращали внимание и на захлапленность камер в Тюрем Трубецкого бастиона²⁶.

В апреле 1956 года Е. П. Бусырева подняла вопрос о состоянии этикетажа в Тюрем Трубецкого бастиона, отметив, что «в крепости целый ряд этикеток нужно пересмотреть, многие из них устарели, например, относительно народников»²⁷.

Серьезное беспокойство в то время вызывал и ход реставрационных работ в Петропавловском соборе. В октябре Павлов сообщал: «Дело обстоит очень неблагоприятно. Можно сказать, что к 1 мая реставрация Петропавловского собора не будет окончена. Сейчас мостят площадь, и нужно будет всю разрыть для теплотехнических работ. Управление культуры относится по-бюрократически и безответственно к собору. Срыв теплотехнических работ срывает и последующие работы в соборе. Сегодня температура 7 градусов. Работать в таких условиях нельзя. Кроме того, нельзя штукатурить и красить стены раньше водопроводных работ. Не всегда музей может своими силами разрешить эти сложные вопросы. С другой стороны нам нужно повысить контроль: сегодня рабочие явились пьяными и за весь день установили одну батарею... Параллельно с ремонтными работами нужно разработать и что будет в соборе, чтобы это не задержало его открытие. В частности, нужно подумать об экспозиции боевых знамен»²⁸. В прениях по этому докладу было высказано мнение о необходимости мобилизовать весь коллектив на восстановление собора, а также принять меры по обеспечению сохранности ценностей (поскольку некоторые вещи стали пропадать из-за того, что за ними практически не следили, к примеру, паникадила просто валялись на полу, а скульптуры стояли у входной двери)²⁹.

Мобилизация всех сил коллектива для работ в Петропавловском соборе позволила открыть его для посетителей 22 июня

²⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 4. Л. 36.

²⁶ Там же. Д. 7. Л. 38.

²⁷ Там же. Л. 25.

²⁸ Там же. Л. 39–40.

²⁹ Там же. Л. 40–41.

1957 года³⁰ (хотя полностью реставрационные работы были завершены значительно позднее), в дни празднования 250-летия Ленинграда (юбилей города не отмечался в 1953 году из-за смерти И. В. Сталина, торжества были перенесены на 1957 год). В тот же день собор посетили гости, приехавшие на торжества. С этого времени в экскурсионный обзор по Петропавловской крепости вошли: здания на главной аллее крепости, Петропавловский собор, Зотов бастион, место, где стоял Секретный дом, с выходом на Алексеевский рavelин, тюрьма Трубецкого бастиона, Нарышкин бастион; вскоре был введен подъем на Нарышкин бастион с обзором панорамы города. Обстоятельная экскурсия продолжалась два с половиной часа. Впоследствии ее сократили до двух, а затем до полутора часов и подъемы на бастионы были отменены³¹.

В дни празднования юбилея города возобновилась традиция полуденного выстрела со стен Петропавловской крепости. Решение об этом было принято на заседании Президиума Ленгорисполкома 31 октября 1956 года³². Предполагалось обратиться к командующему Ленинградским военным округом с просьбой выделить в качестве сигнальной пушки одно из орудий, принимавших участие в обороне Ленинграда в 1941–1944 годах, типа 150-миллиметровой гаубицы, обеспечив его потребным снаряжением для производства холостых выстрелов наибольшей силы звука и дымным порохом (первый выстрел планировали произвести 27 мая 1957 года). Командующий округом генерал армии М. В. Захаров на обращение ответил, что он «не имеет права устанавливать орудие на бастионе Нарышкина без разрешения министра обороны», поэтому дело несколько затянулось. Ответ Г. К. Жукова последовал в конце декабря 1956 года, и в нем говорилось, что министерство может только выделить орудие, если установку, охрану и обслуживание сигнальной пушки возьмет на себя Ленсовет³³. Ленгорисполком согласился с этим предложением и 10 мая 1957 года принял решение, в соответствии с которым в июне (дата празднования была перенесена) требовалось

³⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 10. Л. 16; Вечерний Ленинград. 1957. 23 июня. № 147. С. 4.

³¹ Барabanова А. И., Попова Г. А. Петропавловская крепость-музей... С. 412.

³² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 273. Л. 25.

³³ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37а. Д. 2. Л. 64.

произвести строительные работы по устройству «специальной площадки на стенах Нарышкинского бастиона Петропавловской крепости, будки для часового, помещения для хранения холостых зарядов и караульного помещения в каземате левого фаса указанного бастиона», а также подъем двух артиллерийских орудий на площадку³⁴. Все это было выполнено, и 23 июня с Нарышкина бастиона был произведен первый после 20-летнего перерыва полуденный выстрел из 152-миллиметрового орудия³⁵. С тех пор традиции не прерывается по сей день.

В том же году на территорию крепости переехал Массовый отдел музея, и размещаться ему первоначально пришлось практически под открытым небом (точнее, в одном из сараев)³⁶. Лишь в 1960 году ему было выделено помещение в здании Великокняжеской усыпальницы.

В октябре 1956 года впервые был поднят вопрос о переезде фондов музея в Петропавловскую крепость, однако это было признано нецелесообразным³⁷. К этому варианту вернулись спустя некоторое время, и первоначальным сроком переезда был установлен 1958 год³⁸. Тогда же рассчитывали получить и новые помещения. В частности, Белова 13 февраля 1958 года, отвечая на вопрос Павлова, какие помещения будут получены в крепости, сообщила: «Можно надеяться получить Петровскую куртину и усыпальницу. Поставлен вопрос о получении гауптвахты. Там, во втором этаже можно будет поместить фонды и в 1-м этаже кабинет сотрудников филиала»³⁹.

Не менее остро стоял вопрос о приемной для посетителей, поскольку в ненастную погоду им приходилось укрываться под деревьями (наиболее тяжело, естественно, обстояло дело зимой и осенью⁴⁰). Нарекания вызывало также и наличие всего одной кассы на территории крепости, неоднократно говорилось о необходимости устройства второй кассы возле Петропавловского собора⁴¹.

³⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 273. Л. 44.

³⁵ Вечерний Ленинград. 1957. 23 июня. № 147. С. 4.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 10. Л. 16.

³⁷ Там же. Д. 7. Л. 40.

³⁸ Там же. Д. 13. Л. 60.

³⁹ Там же. Л. 8.

⁴⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹ Там же. Д. 14. Л. 9.

В том же году Павлов поднял вопрос о выделении Петропавловской крепости из состава ГМИЛ в самостоятельный музей. По его мнению, профиль музея и филиала был разным («в музей собираются экспонаты, крепость является музеем-памятником»⁴²). Причем заведующий филиалом обратился с этим предложением напрямую в горком партии, через голову руководства и партийной организации музея. Но областная и городская партийные организации выступили против создания отдельного музея на территории крепости⁴³, поэтому идеи Павлова не были реализованы (при этом сам принцип обращения в горком партии, естественно, подвергся критике со стороны членов партийной организации музея)⁴⁴.

В следующем году был поднят еще один, не менее сложный, вопрос: о структуре музея и разделении работы между научными сотрудниками, поскольку нередко складывалось так, что одной и той же темой (в частности, историей движения декабристов или историей революционного движения в России) занимались и научные сотрудники Отдела истории города, и сотрудники филиала Петропавловская крепость⁴⁵. Поэтому было предложено объединить эти подразделения и перевести Отдел истории города в Петропавловскую крепость (при этом, по мнению ученого секретаря Музея Р. И. Шпиллер, появлялась возможность освободить помещения и создать в них экспозицию, посвященную перспективам развития Ленинграда)⁴⁶.

⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 13. Л. 9.

⁴³ Там же. Л. 10.

⁴⁴ Заместитель директора по научной работе Л. Ф. Яблочкина, в частности, отмечала: «Необходимо разрешить вопрос о взаимоотношениях музея и филиала. Права товарища Павлова обращаться в ЦК КПСС никто не отрицает, но существует партийная этика. Коммунисты музея имеют основание высказать свое мнение, что партийной организации нанесена обида без основания. Петропавловская крепость — первый памятник города. Она является не только архитектурным, но и историко-революционным памятником». Протокол общего собрания первичной партийной организации // ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 13. Л. 9–9 об.

⁴⁵ В выступлении Р. И. Шпиллер отмечалось: «У нас в работе этих отделов существует параллелизм. Одну и ту же тему о декабристах ведут тов. Павелкина из Отдела истории города и тов. Заостровцева из отдела Петропавловская крепость. Вопросом о изучении 3-х поколений русских революционеров занимаются тов. Повелихина в Отделе истории города, этим же периодом занимается тов. Барабанова из Петропавловской крепости». Протокол общего собрания первичной партийной организации // ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 16. Л. 4.

⁴⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 16. Л. 4–5.

Заведующая отделом истории города Р. А. Сомина в то же время рассказала о принципах работы отдела в Петропавловской крепости: «Мы, Отдел истории города, разработали тематическую структуру выставки по архитектуре и строительству Ленинграда, а реставрацией и охраной выдающихся произведений архитектуры будут заниматься ГИОП и реставрационные мастерские, причем давая реставрационное задание мастерским, мы потребуем придания такого же вида, который имел этот памятник в 30-х годах XVIII века. При строительстве Ботного домика будет возведена черепичная крыша, таким образом этот дом сам превращается в экспонат и внутри будет устроено анфиладное расположение — идеальный маршрут для экспозиции, и в элементах художественного убранства зала будут внесены элементы стиля той эпохи, архитектура которой будет экспонироваться и при осмотре выставки посетитель совсем по иному сможет воспринять ансамбль Петропавловской крепости — живую иллюстрацию гения русских мастеров в различные периоды, но это далеко не все. Кроме всего прочего эта выставка дает возможность экспонировать ценнейшие экспонаты отдела истории и градостроительства, которые должны стать достоянием народа и не затребуют почти никаких дополнительных капиталовложений. Необходимо устроить выставку и по истории Петропавловской крепости. Работы по освоению архитектурных объектов очень много, но это одна сторона дела. Очень серьезно обстоит дело с историко-революционной тематикой. Совершенно недопустимо дальнейшее существование выставки в Трубецком бастионе, сделанной, за исключением последнего зала, музеем Революции. Очень давно она совершенно устарела. Необходимо подумать о том, чтобы тюрьма производила действительно впечатление ужасного места, которым она являлась, чтобы посетитель, выйдя из нее, уносил, чувство жгучей ненависти к царизму. Я перечислила далеко не все ближайшие задачи крепости и совершенно очевидно, что 4 работника крепости, тем более за исключением хранителя Элькин, являются не экспозиционерами, а начинающими музейными работниками. Я считаю, что слияние отделов даст значительный эффект в работе»⁴⁷.

Тогда же Павлов снова заявил о необходимости создания самостоятельного музея в Петропавловской крепости⁴⁸, но его

⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 16. Л. 7–10.

⁴⁸ Там же. Л. 6.

выступление вновь был подвергнуто критике. В конечном счете противостояние привело к тому, что Павлов был отстранен от должности, и 29 июля 1959 года заведующим филиалом стал В. А. Калмыков.

В том году были завершены реставрационные работы в Петропавловском соборе⁴⁹, а в Ботном доме была открыта небольшая экспозиция «Создание русского военно-морского флота», созданная научным сотрудником А. И. Барабановой и художником Ф. Ф. Бернштамом. В то же время началась подготовка к созданию новой экспозиции в Тюрем Трубецкого бастиона. В те годы также проводились экскурсии на катере вокруг крепости⁵⁰.

Тем не менее по-прежнему оставались не решенными до конца хозяйственные вопросы, благоустройство крепости (ямы, мусор, грязь)⁵¹, отсутствие отопления и вентиляции в Тюрем Трубецкого бастиона⁵². В августе 1960 года на одном из заседаний партийной организации было обращено внимание на то, что школьники «обращаются к иностранцам за монетами и значками»⁵³ (это явление в крепости продолжалось и в последующие десятилетия). Было также высказано предложение ликвидировать столовую в Петровской куртине и сделать там туалеты⁵⁴.

В то же время несколькими постановлениями Ленгорисполкома в 1960–1961 годах музеем были переданы новые помещения в крепости. 28 ноября 1960 года Ленгорисполком принял решение «О превращении Петропавловской крепости в заповедник с передачей музею зданий и сооружений Петропавловской крепости» (на основании этого распоряжения музеем от Треста Нежилого фонда были приняты Петровская, Екатерининская и Кронверкская куртины, вместе с Петропавловским собором, зданием усыпальницы, Ботным домом, Трубецким и Зотовым бастионам крепости, которые были переданы в 1954 году, эти постройки стали основой музейного комплекса на территории Петропавловской крепости); а также утвержден «План использования крепостных сооружений и зданий для музейного

⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 16. Л. 91.

⁵⁰ Там же. Д. 19. Л. 22.

⁵¹ Там же. Л. 22.

⁵² Там же. Д. 22. Л. 6 об. В. А. Калмыков в марте 1961 года обратил внимание на случай, когда посетители падали в обморок от недостатка кислорода (ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 22. Л. 8 об.).

⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 19. Л. 31.

⁵⁴ Там же. Д. 22. Л. 6 об.

показа с переводом в крепость экспозиции Государственного музея истории Ленинграда». А в феврале – марте 1961 года музеем были приняты здание Главного казначейства и Невская куртина⁵⁵.

Правда, в 1961–1962 годах ряд объектов Петропавловской крепости (Никольская /левая часть/, Кронверкская /левая часть/, Васильевская /правая часть/ куртины, Головкин и Зотов /часть правого и левого флангов/ бастионы, кавальер Анны Иоанновны) были переданы Трестом Нежилого фонда в аренду Монетному двору (причем в музее считали, что эта передача является отменой распоряжения Исполкома Ленгорсовета о передаче крепости музею⁵⁶). Здание Главного казначейства также не могло быть использовано музеем, так как отошло в распоряжение Районного жилищного управления Петроградского района и стало использоваться под жилые помещения. Передача здания Гауптвахты и Петровской куртины также оказалась под вопросом⁵⁷.

Заместитель директора по хозяйственной части Ф. А. Иванченко в июне 1961 года отмечал: «На Петропавловскую крепость никто не обращает внимания, в том числе Управление культуры. Наш коллектив и партбюро приложили немало усилий для превращения крепости в заповедник — место отдыха ленинградцев, но все усилия полетели прахом. Поэтому все помещения, которые по решению горисполкома были переданы музею, теперь отобраны от музея. Опять появилось много “хозяев”, которые творят всякие безобразия и дирекцию музея не принимают в расчет. Даже поливка пыльных дорог крепости проводится не регулярно»⁵⁸. Но все же музейные площади расширялись. 2 октября 1962 года Ленгорисполком принял еще два важных решения: 1) осуществить выселение из помещений Петропавловской крепости воинских частей и организаций, 2) запретить прописку в Петропавловской крепости. Чуть позже, в 1963–1964 годах, были подготовлены решения об освобождении Комендантского и Инженерного домов и создании там экспозиций музея, однако реализованы они были значительно позднее.

⁵⁵ Шпиллер Р. И. Государственный Музей истории Ленинграда С. 164; Барбанова А. И., Попова Г. А. Петропавловская крепость-музей... С. 413.

⁵⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 22. Л. 67–68.

⁵⁷ Там же. Л. 74.

⁵⁸ Там же. Л. 20.

Передача в ведение ГМИЛ новых помещений позволила перевести в крепость коллекции музея. В 1960 году было высказано предложение использовать для хранения фондов здание Главного казначейства⁵⁹, но затем остановились на Петровской куртине. К маю 1961 года главный хранитель Музея Т. И. Авраамова составила задание на ремонт помещений, и с 18 мая начались ремонтные работы. Правда, производились они медленнее, чем планировалось, и переезд фондов постоянно откладывался, так как даже после окончания ремонта в Петровской куртине была высокая влажность и перевозить туда коллекции было нельзя, требовалась тщательная просушка. Отметим, что работы по созданию гидроизоляции, вентиляции, о необходимости которой говорилось уже в ходе ремонта, начались уже после того, как экспонаты были перевезены⁶⁰. Спустя год, в ноябре 1962 года, Авраамова отмечала: «Очень большим местом является вентиляция Петровской куртины. Нам все обещают, но вентиляции нет. Очень высока влажность. Портятся экспонаты, негативы, негатеки. Многие негативы испортились. Необходимо установить решетки на форточках. Рамы в окнах тоже очень плохие. Нам в фонды нужны пылесосы и лестницы. Нам нужна проводка к настольным лампам»⁶¹. Несмотря на эти сложности, коллекции были перевезены, постепенно Петропавловская крепость стала занимать главенствующее положение среди отделов ГМИЛ.

В 1961 году начались работы по реставрации Зотова бастиона: были сделаны архитектурный обмер и частичное обследование правого фланка бастиона. Это исследование названо предварительным, так как оно делалось «визуально», то есть без зондирования. Были зафиксированы все видные места и следы амбразур, гнезд, перемычек, закладок, прикладок и т. п.⁶²

В следующем году основным объектом реставрации стала Тюрьма Трубецкого бастиона. На ремонтные работы было выделено по смете 30 000 рублей и предполагалось, что к концу года все работы будут завершены, однако к осени было освоено лишь 12 000 рублей⁶³,

⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 19. Л. 101.

⁶⁰ Там же. Д. 22. Л. 68, 60, 106.

⁶¹ Там же. Л. 174.

⁶² Бастион Зотова. Дневник исследования и производства реставрационных работ за период с 1965 по 1969 г. Научный архив ГМИ СПб. IV (10)/7. Л. 4.

⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф. 4624. Оп. 3. Д. 22. Л. 211.

поэтому эти работы также растянулись надолго. В ходе реставрации были проведены работы по установке батарей парового отопления, размещенных внутри бывших печей, покрашены стены коридоров и камер, причем двери камер покрасили «под дуб», восстановили фонари электроосвещения. Была уточнена нумерация камер в последнем коридоре первого этажа и воссоздано старое начертание цифр, восстановлен первоначальный желтый колер фасадов здания⁶⁴.

В 1964 году по заказу музея в Великокняжеской усыпальнице начались работы по реставрации и приспособлению ее под музейную экспозицию. В первую очередь здание было освобождено от хранящихся в нем рулонов бумаги и составлена дефектная ведомость⁶⁵.

А в ноябре 1964 года, к 10-летию включения Петропавловской крепости в состав ГМИЛ, была открыта новая экспозиция в Тюрьме Трубецкого бастиона, подготовленная научными сотрудниками М. В. Идельсон и А. И. Барабановой, а также художником В. И. Коротковым⁶⁶.

Таким образом, за первое десятилетие после передачи ряда объектов Петропавловской крепости в состав ГМИЛ сотрудниками под руководством Л. Н. Беловой была проделана огромная работа: на баланс музея были переведены еще несколько зданий и сооружений (в том числе Петровская куртина, куда были перевезены фонды), подготовлен к открытию Петропавловский собор, созданы новые экспозиции в Ботном доме и Тюрьме Трубецкого бастиона, налажена экскурсионная деятельность и научная работа. Кроме того, началась реставрация Зотова бастиона и Великокняжеской усыпальницы. Как было показано выше, не все проходило гладко, очень часто возникали трудности (в первую очередь, в хозяйственной деятельности, а также в работах по благоустройству), очень много сложностей было с передачей зданий и выселением из них различных организаций, но все эти недоразумения так или иначе разрешались. Не менее значимым событием стало возобновление традиционного полуденного выстрела со стен Петропавловской крепости.

⁶⁴ Барабанова А. И., Попова Г. А. Петропавловская крепость-музей... С. 412.

⁶⁵ Бенуа И. Н., Степанов С. Д. Здание Великокняжеской усыпальницы в послевоенный период // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994.

⁶⁶ О создании экспозиции см.: Барабанова А. И., Попова Г. А. Петропавловская крепость-музей... С. 412.

МУЗЕЙ И ПОСЕТИТЕЛЬ

Н. И. Быкова

Современный музейный опыт экскурсионно-методической деятельности отдела «Петропавловская крепость»

Государственный музей истории Санкт-Петербурга представляет собой музейный комплекс, включающий памятники истории и архитектуры, экспозиции и выставки, уникальные фонды, что позволяет глубоко и полно раскрыть историю строительства и развития одного из красивейших городов мира.

С начала 1990-х годов отдел по экскурсионно-методической работе ГМИ СПб активно занимается разработкой новых форм просветительской деятельности. С 1993 года проводятся уроки-экскурсии на музейных объектах Петропавловской крепости. С 2004 года на основе материалов экспозиции «История Петербурга – Петрограда. 1703–1918» действует цикл «История и культура Петербурга», включающий 14 занятий по разным темам, а также сокращенный вариант из 4 занятий. Полный вариант содержит следующие темы:

1. Древнейшее прошлое приневских земель;
2. Северная война. Строительство Петропавловской крепости;
3. Петербург — новая столица;
4. Экономика С.-Петербурга XVIII века. Население Петербурга;
5. Декабристы в Петропавловской крепости;
6. Петербург — военная столица;
7. Невский проспект;
8. Петербург — центр деловой и торговой жизни страны;
9. Транспорт Петербурга;
10. Быт жителей столицы Российской империи;
11. Петербург начала XX века;
12. Дом Романовых;
13. Места заключения в Петропавловской крепости;
14. Итоговое занятие. Зачет-конкурс.

Сокращенный вариант:

1. История Петербурга XVIII века;
2. История Петербурга – Петрограда в XIX – начале XX века;
3. Дом Романовых;
4. Места заключения в Петропавловской крепости.

Этот цикл пользуется успехом у студентов, учащихся школ, лицеев, гимназий, детских центров и интернатов. Количество учащихся школ Петроградского, Приморского, Выборгского, Адмиралтейского и других районов города, прошедших в ГМИ СПб курс по истории Петербурга, сегодня уже достаточно велико. Успех этой работы во многом зависит от взаимодействия школьного педагога, сотрудников музея, а также от родительских комитетов школ, содействие которых также очень важно для плодотворного проведения занятий. С каждым преподавателем предварительно осуществляется индивидуальная работа по подготовке конкретной программы из предложенных тем, определяются формы итогового занятия «зачет-конкурс».

Учащиеся на первом же занятии узнают, что после завершения программы уроков-экскурсий надо будет ответить на вопросы во время зачета или же выполнить задания на экспозиции.

Методические разработки уроков-экскурсий подготовлены сотрудниками экскурсионно-методического отдела Н. М. Глотовой, Г. М. Дукаревич, Е. М. Калининой, Н. А. Касперовой, М. Н. Колмаковой, М. А. Лазуткиной, М. О. Логуновой, Т. В. Милкиной, О. В. Слепенковой, Е. В. Татарниковой, О. Ю. Ферабенон, В. А. Чугуновым. Авторы методических разработок проводят уроки-экскурсии, одним из основных принципов занятий является индивидуальный подход к каждой школьной группе с учетом уровня подготовки учащихся.

Порядок организации цикла уроков-экскурсий начинается с подачи заявки учебным заведением, после окончания обучения классы делятся на группы по 10–12 человек, после чего по 6–8 групп в день сдают зачет по разработанной программе. Каждая группа получает свой маршрутный лист. Завершается зачет сбором всех групп, на котором происходит подведение итогов. Лучшая группа получает право подняться на колокольню Петропавловского собора. На итоговом занятии прошедшим курс

обучения вручаются свидетельства об окончании цикла «История и культура Петербурга».

В результате этой работы формируется уважительное отношение учащихся к историческому и культурному наследию города. Занятия дают возможность показать, что разнообразные экспонаты музея — документы, предметы быта, графика, живопись, исторические реликвии — являются материалом для всестороннего изучения истории города. Опыт, полученный юными посетителями музея на уроках-экскурсиях, позволяет им легко ориентироваться в любом музее и самостоятельно воспринимать экспозицию, извлекая из знакомства с ней богатый материал, расширяя и систематизируя свои знания.

Интересный опыт уроков-экскурсий был с курсантами Нахимовского училища, Военно-космической академии, Военно-медицинской академии, студентами Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии и Высшей школы экономики.

Иногда группа, успешно завершившая занятия цикла «История и культура Петербурга», проявляет интерес к более подробному изучению структуры музея, его фондов, принципов формирования коллекций. Для продолжения работы с этой аудиторией разработан второй цикл — музееведение. Цель его — на основе конкретных коллекций показать высокий уровень культуры быта Петербурга, научить рассматривать любой современный предмет быта как потенциальный музейный экспонат, дать представление о культуре как явлении нашей повседневной жизни. Цикл включает 9 занятий по двум основным темам — история и структура музея, формирование музейных коллекций (учащиеся знакомятся с фондами ГМИ СПб). Завершается цикл зачетом, который проходит в форме научной мини-конференции.

В работе этого цикла большое участие принимают хранители фондов ГМИ СПб. Если фонд доступен для открытого посещения, группа занимается прямо в фонде, в других случаях занятия проводятся в конференц-зале. Учащиеся знакомятся с историей фонда, принципами его формирования, интересными предметами, выставочной и экспозиционной деятельностью хранителей, правилами оформления документов на приобретаемые предметы, описания экспонатов. Во время зачета в форме доклада на

конференции требовалось дать научное описание (конечно, по упрощенной форме) принесенного из дома «экспоната»: книги, фотографии, произведения живописи, предмета быта, документа.

Как пример плодотворного сотрудничества хочется назвать работу с гимназией № 116 Приморского района. После завершения обучения по циклам, описанным выше, совместно с преподавателем краеведения Н. Л. Поздняковой в 2000/2001 учебном году музеем была разработана программа создания проекта музейной экспозиции «Петербург конца XVIII – начала XIX века», а в 2001/2002 году — проект «Музея декабристов». Учащиеся знакомились с принципами создания музейных экспозиций, имели возможность сами попробовать силы в качестве авторов проектов экспозиций, научных сотрудников, собирающих материалы, художников, рабочих-оформителей.

Цикл обучения состоит из нескольких этапов:

- Ознакомительный
- Консультационный
- Защита выбранной темы
- Создание художественного проекта

Теоретические занятия проводились научными сотрудниками музея Г. А. Поповой и М. В. Вершевской. Это цикл требует большего контакта между научными сотрудниками и педагогом-краеведом. Учащиеся осваивают весь процесс создания экспозиции — от разработки научной концепции, подбора музейных предметов и экспонатов до создания художественного проекта экспозиции, тематико-экспозиционных планов, монтажных листов, этикеток, вводных текстов.

Разработан в музее также цикл экскурсоведения, который дает представление о профессии экскурсовода. Он предназначен для учащихся, познакомившихся с циклом «История и культура Петербурга», и призван обучить навыкам подготовки экскурсионной темы от сбора материала и написания текста до практики проведения экскурсий. Тема экскурсии выбирается вместе с преподавателем краеведения. Это может быть фрагмент экскурсии по городу, экскурсия по Петропавловской крепости или какому-либо из ее объектов, экскурсия по временной выставке.

Сотрудники экскурсионно-методического отдела ГМИ СПб участвуют также в подготовке и проведении городских конкурсов

юных экскурсоводов школьных музеев, которые организует Дворец творчества юных.

Занятия по тематическим циклам проводятся не только на базе экспозиций и фондов ГМИ СПб, но и других музеев города, с которыми налажено плодотворное сотрудничество.

Разработанные сотрудниками ГМИ СПб циклы музейных занятий значительно расширяют знания учащихся и студентов по истории Санкт-Петербурга, повышают уровень их культуры, дают представление о структуре музея, профессии музейного сотрудника. Работа с учащимися и студентами требует постоянного повышения профессионального уровня сотрудников, расширения педагогических навыков, творческого подхода к материалу, дает опыт сотрудничества с другими музеями. В целом это направление деятельности музея позволяет готовить преемников по музейной и культурно-просветительской работе, а также влиять на формирование навыков восприятия явлений культуры, традиций и исторического наследия нашего города у молодого поколения петербуржцев.

А. Л. Виноградова

**Социологическое исследование
одиноких посетителей
Государственного музея истории Санкт-Петербурга
в Петропавловской крепости**

В 2007–2009 годах на территории Петропавловской крепости были проведены социологические исследования с целью создания социального портрета одиночного посетителя и его предпочтений при посещении объектов и мероприятий музея. Методом исследования было избрано анкетирование. Содержание анкет предусматривало получение следующих сведений: возраст, пол, уровень образования, цели, регулярность посещения Петропавловской крепости, наиболее посещаемые объекты, источники информации о событиях в музее, отношение к графику работы. Задачи исследования предусматривали проведение его в два этапа. Первый этап проходил в июле – августе 2007 года, в результате мы получили информацию о летнем периоде работы музея, когда в него стремятся попасть гости города. Второй этап проходил в зимнее время (февраль 2009 года), когда музей в основном работает с петербуржцами. По итогам этих опросов был проведен сравнительный анализ зимнего и летнего периодов, сформирован общий портрет респондентов, он сопоставлен с данными социологических исследований других российских музеев. Выявлены предпочтения посетителей относительно объектов и экспозиций Петропавловской крепости, определены основные информационные источники, которыми пользуются посетители. На основе этого выявлены направления возможных и актуальных дополнительных исследований.

Необходимо оговорить условия, в которых проходило исследование. Анкеты выдавались в информационном центре Иоанновского рavelина, где бывают далеко не все посетители,

поэтому опрос охватывал лишь часть из них. Анкеты заполнялись посетителями как перед осмотром крепости и экспозиций, так и после. Таким образом, следует учесть, что выборка исследования является не в полной мере репрезентативной.

Полученные сведения показали, что основную категорию респондентов составили женщины в возрастной группе от 20 до 40 лет с высшим образованием (47%; 55%¹, таблицы 1, 2, 3). Интересен тот факт, что данные зимнего и летнего опросов совпадают, они также близки результатам социологических исследований, проведенных разными музеями России².

Остался непроясненным вопрос о категории посетителей моложе 20 лет. Зимние показатели оказались значительно ниже летних (27,5%; 9,5%, таблица 1). Тем не менее спешить с выводами о том, что петербургская молодежь не проявляет должного интереса к музею, не следует. Для выявления более точных сведений о востребованности музея у молодых людей необходимо дополнительное специальное исследование.

Близки показатели зимнего и летнего периодов в определении цели посещения Петропавловской крепости. Здесь респонденты разделились на две основные группы. Первая предпочитает прогулки по крепости (50%; 54%), вторая стремится посетить постоянные экспозиции и временные выставки (72%; 93%)³, т. е. в зимний период меньшее число посетителей готово «гулять» по крепости и большее — посещать выставки. На данные летнего опроса влияет также наличие развлекательных и спортивных мероприятий, проходящих на территории крепости (таблица 4).

Среди респондентов, посетивших Петропавловскую крепость летом, большинство побывали в ней впервые (50%). Основная категория зимних респондентов бывает в крепости примерно один раз в полгода (35%) (таблица 5). Процент высказывающих замечания по графику работы музея не существен (2%) (таблица 6).

¹ Здесь и далее в скобках указаны показатели опроса, первая цифра — результат летнего опроса, вторая — зимнего.

² *Смирнова С. Н.* Музей и посетитель // Вестник Кирилло-Белозерского музея. Вып. 5. Б/м, 2009; *Узунова В. Г., Богомазова Т. Г.* Музей как источник самопознания: проект «Виртуальная Кунсткамера» // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций: материалы международной конференции. М., 2010.

³ Отдельные вопросы анкеты предусматривали возможность нескольких вариантов ответа, поэтому процентные показатели в сумме могут превышать 100 %.

Важно было выяснить, из каких источников респонденты узнают о событиях и мероприятиях, проходящих на территории музея. Первые четыре позиции закрепились за интернетом, телевидением, афишами (расположенными на территории крепости), информацией, полученной опосредованно (друзья, знакомые и т. д.). Показатели летнего и зимнего опросов различаются незначительно. Зимой на первое место выходит телевидение (41 %), но разница с интернетом (39 %) в процентном соотношении составляет всего 2 % (таблица 7).

Остается еще один вопрос: какие объекты Петропавловской крепости наиболее популярны среди посетителей. Неоспоримое первенство принадлежит Петропавловскому собору (90%; 80%). Второе место закрепилось за экспозицией Комендантского дома «История Петербурга–Петрограда 1703–1918 гг.» (65%; 56%). На третьем месте в летнем опросе находится временная выставка «Музей Старого Петербурга», проходившая в Инженерном доме (53%), зимой 2009 года она была уже демонтирована. В летний период была закрыта на ремонт экспозиция «Тюрьма Трубецкого бастиона», к которой проявили большой интерес участники зимнего опроса (56 % — третье место). Без внимания не остались экспозиции «Улица Времени» (20%; 27%), «История Петропавловской крепости» (29%; 22%), Печатня (18,5%; 19%), Музей космонавтики и ракетной техники (22,5 %; 16 %, таблица 8). Отдельную категорию респондентов составляют посетители временных выставок. Уровень популярности различных экспозиций среди этих посетителей не установлен по причине небольшого количества заполненных анкет по сравнению с общим числом одиночных посетителей (таблица 9).

Социологические исследования посетителей сегодня являются важным направлением деятельности музеев, позволяющим сориентироваться в запросах посетителей, их предпочтениях, получить более полное представление об аудитории, с которой работают музейные сотрудники. Это не только возможность констатации фактов на основе статистических данных, но и богатый материал для размышлений — как расширить музейную аудиторию, полнее удовлетворить интерес посетителя. В настоящее время исследования по изучению посетителей проводятся практически во всех музеях нашего города, в структуре крупных музеев для

этого существуют специальные отделы: сектор социологических исследований в Эрмитаже, сектор социально-психологических исследований в Русском музее.

Для совершенствования работы с посетителем в Петропавловской крепости целесообразно проведение более полноценного социологического исследования. Оно должно предусматривать сбор сведений, которые смогут отразить впечатление посетителей от посещения конкретных экспозиций и выставок, отношение к стоимости билетов, инфраструктуре, актуальными являются вопросы ориентирования на территории крепости, важно также изучать отдельные категории посетителей.

ПРИЛОЖЕНИЕ (ТАБЛИЦЫ)

1. Возраст посетителей ГМИ СПб

Возрастные группы	Процент от числа респондентов за июль 2007	Процент от числа респондентов за август 2007	Процент от числа респондентов за февраль 2009
До 20 лет	31,4	23,6	9,47
От 20 до 40 лет	43,0	55,3	52,63
От 40 до 60 лет	22,1	18,4	29,47
Старше 60 лет	3,5	1,8	8,42
Отсутствие ответа	0	0,9	0

2. Пол одиночных посетителей ГМИ СПб

Пол респондентов	Процент от числа респондентов за июль 2007	Процент от числа респондентов за август 2007	Процент от числа респондентов за февраль 2009
Мужской пол	34,9	30,7	29,47
Женский пол	62,8	64,0	67,36
Отсутствие ответа	2,3	5,3	2,10

3. Уровень образования одиночных посетителей ГМИ СПб

Группы по уровню образования	Процент от числа респондентов за июль 2007	Процент от числа респондентов за август 2007	Процент от числа респондентов за февраль 2009
Среднее	8	15	9
Среднее профессиональное	15	6	16
Неоконченное высшее	26	21	21
Высшее	41	52	59
Другое	8	4	0
Отсутствие ответа	1	1	0

4. Цель посещения Петропавловской крепости

Варианты ответов	Процент от числа респондентов за июль 2007	Процент от числа респондентов за август 2007	Процент от числа респондентов за февраль 2009
Просто гуляю по Петропавловской крепости	49	32	54
Посещаю постоянные выставки, экспозиции	56	68	53
Хожу на отдельные временные выставки	12	11	40
Посещаю мероприятия, которые проводятся на территории крепости (фестивали, концерты, спортивные мероприятия)	4	5	14
Другое	13	12	5
Отсутствие ответа	15	0	0

5. Частота посещения Петропавловской крепости

Варианты ответов	Процент от числа респондентов за июль 2007	Процент от числа респондентов за август 2007	Процент от числа респондентов за февраль 2009
Посещаю раз в месяц	3,5	3	13
Раз в полгода	5	7	35
Раз в год	8	7	11,5
Совсем редко (раз в два года и реже)	20	25	11,5
Посетил впервые	56	45	21
Другое	9	12	8
Отсутствие ответа	0	2	0

6. Отношение респондентов к графику работы экспозиций

Варианты ответов	Процент от числа респондентов за июль 2007	Процент от числа респондентов за август 2007	Процент от числа респондентов за февраль 2009
График работы устраивает	95	96,5	98
График работы не устраивает	3	3	3
Другое	3	3	3

7. Рейтинг источников информации о мероприятиях и выставках в Петропавловской крепости

Источники информации	Процент от числа опрошенных. Июль 2007	Процент от числа опрошенных. Август 2007	Процент от числа опрошенных. Февраль 2009
Телевидение	31%, 2 место	27%, 3 место	41%, 1 место
Радио	6%, 7 место	10%, 5 место	20%, 7 место
Газеты, журналы	22%, 4 место	23%, 4 место	27%, 4 место
Интернет-издания	21%, 5 место	31%, 2 место	39%, 2 место
Афиши	30%, 3 место	27%, 3 место	26%, 5 место
Звуковая реклама	8%, 6 место	4%, 8 место	7%, 8 место
Другие виды рекламы	2%, 8 место	6%, 6 место	5%, 9 место
Узнал от знакомых	36%, 1 место	32%, 1 место	28%, 3 место
Другой источник	8%, 6 место	5%, 7 место	21%, 6 место
Другое	2%, 8 место	2%, 9 место	0%, 10 место

8. Степень посещаемости постоянных экспозиций, находящихся на территории Петропавловской крепости

Названия экспозиций и выставок	Процент от числа опрошенных. Июль 2007	Процент от числа опрошенных. Август 2007	Процент от числа опрошенных. Февраль 2009
Петропавловский собор	86	96	80
«История Санкт-Петербурга — Петрограда. 1703-1918» (Комендантский дом)	57	76	56
«Музей Старого Петербурга» (Инженерный дом)	50	57	
«Тюрьма Трубецкого бастиона»	—	—	56

«История Петропавловской крепости» (Невская куртина)	60	57	56
Музей для взрослых и детей «Улица Времени»	36	31	14
Музей космонавтики и ракетной техники (Иоанновский рavelин)	55	37	28
Мастерская «Печатня» (Невская куртина)	44	61	30
«Потерна»	0	0	1

9. Интерес к повторному посещению музейных объектов, находящихся на территории Петропавловской крепости

Названия экспозиций и выставок	Процент от числа опрошенных в июле 2007	Процент от числа опрошенных в августе 2007	Процент от числа опрошенных в феврале 2009
Петропавловский собор	64	64	68
«История Санкт-Петербурга – Петрограда. 1703–1918» (Комендантский дом)	60	55	55
«Музей Старого Петербурга» (Инженерный дом)	27	32	—
«Тюрьма Трубецкого бастиона»	—	—	27
«История Петропавловской крепости» (Невская куртина)	29	29	22
Музей для взрослых и детей «Улица Времени»	16	27	27
Музей космонавтики и ракетной техники (Иоанновский рavelин)	21	24	16
Мастерская «Печатня» (Невская куртина)	17	20	19
«Потерна»	0	0	1

А. О. Евланова

**Опыт работы с посетителями
во Входной зоне Государственного музея
истории Санкт-Петербурга**

В сферу деятельности современного музея входят не только хранение, изучение, сбор и публичное представление музейных предметов и коллекций, но и обслуживание посетителей. К этому важному аспекту работы музеев в настоящее время предъявляются повышенные требования, утверждаются новые стандарты работы.

Именно поэтому в ГМИ СПб в 2006 году был реализован масштабный проект, ставший пилотным для многих городских музеев. На средства гранта (свыше 6 миллионов рублей), полученного от Правительства России и Международного банка реконструкции и развития в рамках программы Инвестиционного фонда поддержки культуры, в Иоанновском равелине Петропавловской крепости был создан Информационный центр — многофункциональная Входная зона. Ее открытие состоялось в День города, 27 мая 2006 года, при участии губернатора Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко.

Помещения Иоанновского равелина после реставрации были специально приспособлены для решения следующих задач:

а) прием и обслуживание отечественных и зарубежных туристов, посещающих Петропавловскую крепость самостоятельно (ежегодно, начиная с 2006 года, входная зона принимает около 800 000 человек — примерно такое же число туристов посещают музей в составе групп, организованных турфирмами);

б) сосредоточение всей информации о Петропавловской крепости, филиалах ГМИ СПб и предоставление ее посетителям;

в) создание комфортных условий пребывания посетителей в музее.

Зал приема посетителей был оборудован:

- кассами с автоматизированной системой продажи билетов, благодаря которой данные сразу поступают в бухгалтерию, на любой момент имеются точные сведения о количестве проданных билетов на разные объекты и экспозиции и о категориях посетителей.

- информационной стойкой для администраторов музея и научного консультанта;

- современной системой информационных носителей, разработанных на основе единого стиля оформления с удобной подачей информации: плазменная панель со сменной информацией о всех выставках и экспозициях музея, картами Петропавловской крепости и Санкт-Петербурга со схемой расположения филиалов музея; картой центра города с указанием крупнейших памятников истории и культуры, музеев и театров, станций метро; стендами для размещения бесплатной печатной продукции (флаеры с информацией о музее и его филиалах на русском, английском, французском, немецком, финском, итальянском и испанском языках), афиш временных выставок, программы работы лектория, абонементов Центра музейной педагогики ГМИ СПб, программ новых экскурсионных маршрутов;

- компьютерными сенсорными киосками, на которых установлены: демонстрационная база музейных предметов из фондов ГМИ СПб, позволяющая посетителям самостоятельно познакомиться с составом музейных фондов; мультимедийные программы по истории строительства Петропавловской крепости, архитектуре Петербурга и др.; интерактивные компьютерные программы для детей.

Во входной зоне действуют:

- музейный магазин;
- лекционный зал;
- рекреационная зона;
- туалет для посетителей, в том числе и для людей с ограниченными физическими возможностями.

Служба приема посетителей стала новым подразделением ГМИ СПб, где с гостями музея работают администраторы и научные сотрудники, хорошо знакомые со всем музейным комплексом, готовые дать грамотную консультацию по любым вопросам,

связанным с деятельностью музея: от режима работы экспозиций до научной справки. В 2009 году служба была преобразована в информационно-справочный сектор музея. За прошедший период был накоплен определенный опыт в работе с посетителями.

К открытию Входной зоны в помощь гостям музея были разработаны удобные карты-схемы Петропавловской крепости с обозначением памятников архитектуры, музейных экспозиций, объектов туристической инфраструктуры. Знакомство с музейными экспозициями на территории Петропавловской крепости представляет определенную сложность для одиночных посетителей: туристу, впервые попавшему сюда, трудно ориентироваться самостоятельно. В отличие от большинства музеев северной столицы, экспозиции, расположенные в Петропавловской крепости, удалены друг от друга. Схемы вместе с информацией об экспозициях и выставках музея выдаются посетителям бесплатно. Первоначально эти цветные буклеты были выпущены на русском, английском, французском, немецком и финском языках. Уже через год, опираясь на статистические данные о составе иностранных туристов, сотрудники службы предложили подготовить также итальянский и испанский варианты. В 2010 году благодаря любезности Консульства Японии в Санкт-Петербурге был подготовлен буклет на японском языке, в настоящее время он находится в печати. Наличие справочной информации на разных иностранных языках значительно повысило уровень обслуживания гостей Петропавловской крепости, путешествующих самостоятельно.

Карты-схемы Петропавловской крепости постоянно корректируются и совершенствуются: введено новое, более удобное для восприятия цветное обозначение музейных экспозиций, изменяется и регулируется нумерация объектов осмотра, включаются новые объекты инфраструктуры музея и т. д. Таким образом создается максимально комфортная и понятная для туристов навигация. Карты-схемы пользуются большой популярностью. Если первый тираж в 2006 году составил 30 000 экземпляров (20 000 на русском языке, 5 000 — на английском, по 2 000 — на французском и немецком и 1 000 — на финском), то в 2010 году, с учетом спроса на эти издания, карты были изданы тиражом 140 000 экземпляров (70 000 — на русском языке, 30 000 — на английском, по 5 000 — на немецком и французском, по 15 000 — на итальянском

и испанском). От изданий на финском языке было решено временно отказаться, т. к. спрос на них невысок.

В процессе работы информационно-справочного сектора выяснилось, что посетителей Петропавловской крепости часто интересует информация не только о Государственном музее истории Санкт-Петербурга, но и о других музеях, а также театрах, концертных залах и других учреждениях культуры северной столицы (включая сведения о режиме их работы, адресах, стоимости билетов и пр.). Поскольку эти данные оказались очень востребованы, сотрудники сектора самостоятельно создали компьютерную информационную базу музеев Санкт-Петербурга и пригородов. Она постоянно корректируется, пополняется, в работе используются данные интернета. Таким образом, служба, позиционированная при создании как информационный центр ГМИ СПб, самой жизнью была поставлена перед необходимостью значительно расширить рамки своей деятельности и превратилась в городской общемузейный информационный центр.

В настоящее время любой посетитель ГМИ СПб, а также позвонивший по справочному телефону может получить у администраторов исчерпывающую информацию обо всех музейных экспозициях, выставках, мероприятиях, концертах и т. п. Поскольку в музее ежегодно открывается более 50 выставок и проходит еще большее количество разнообразных концертов, фестивалей и других мероприятий, процесс сбора информации в таком объеме — сложная и большая работа. Информационно-справочный сектор сотрудничает с несколькими музейными подразделениями — отделом по связям с общественностью, отделом по культурно-массовой работе, сектором дополнительных услуг, чтобы предоставлять посетителям полную информацию о мероприятиях музея.

В информационно-справочный сектор посетители обращаются и для того, чтобы узнать о проектах партнеров ГМИ СПб, которые проводят на территории Петропавловской крепости различные акции, фестивали и праздники (такие, как Фестиваль песчаных скульптур, праздник «Алые паруса», парусная регата и т. д.). Сектор собирает подробную информацию обо всех городских массовых мероприятиях, проходящих на территории Петропавловской крепости, чтобы иметь возможность ответить на любые вопросы посетителей. Однако, распространяя рекламу об этих мероприятиях

в средствах массовой информации и указывая номер телефона информационно-справочной службы музея, организаторы нередко забывают поставить в известность ее сотрудников.

Входная зона со временем стала также местом сбора экскурсионных групп, была усовершенствована система организации экскурсий для одиночных посетителей. До 2006 года формированием экскурсионных групп занимались организаторы экскурсионно-методического отдела. Первый же летний сезон работы Входной зоны в 2006 году показал неэффективность имеющейся практики: в информационно-справочную службу постоянно поступали претензии и жалобы от гостей музея, которые не могли получить от организатора ответ на вопрос: когда начнется экскурсия и состоится ли она вообще? Служба приема посетителей предложила перейти к экскурсионному обслуживанию одиночных туристов по фиксированным сеансам. Опыт дальнейшей работы показал оправданность такого метода: его оценили не только посетители, но и сами экскурсоводы. По многочисленным просьбам посетителей по такому же принципу было организовано экскурсионное обслуживание одиночных туристов на экспозициях «Музей космонавтики и ракетной техники», расположенной в Иоанновском равелине (здесь таких экскурсий проводится около 50 в месяц), и «История Петербурга – Петрограда. 1703–1918» в Комендантском доме. К сожалению, в настоящее время музей не в состоянии удовлетворить спрос посетителей на экскурсии по экспозиции в Комендантском доме, что связано с нехваткой экскурсоводов. В летний, наиболее напряженный туристический сезон их приходится отменять. В остальное время в Комендантском доме проводятся две экскурсии в неделю, в целом получается 7–8 экскурсий в месяц. Этого явно недостаточно, одна из главных задач музея – найти возможность полноценно осуществлять экскурсионное обслуживание на экспозиции «История Петербурга – Петрограда. 1703–1918».

Благодаря новой системе формирования групп одиночных посетителей удалось вообще отказаться от услуг организаторов экскурсий, в настоящее время их функции выполняют администраторы Информационного центра. Они же предлагают наиболее удобные для каждого конкретного случая маршруты осмотра музейных объектов.

За 2006–2010 годы во Входной зоне были произведены некоторые усовершенствования: оборудованы камеры хранения, где на время осмотра музейных экспозиций можно оставить тяжелые и объемные вещи (выдачу ключей от ячеек осуществляют администраторы), в кассовом зале установлены табло с электронными часами и банкомат. Сенсорные киоски с электронными каталогами фондов и мультимедийными программами, изначально располагавшиеся на втором этаже, разместили на первом этаже рядом с информационными стойками. В апреле 2009 года при содействии Фонда культурно-просветительских программ «Петропавловская крепость» в зале открылся музейный книжный магазин, где посетители могут приобрести продукцию, которую выпускает ГМИ СПб, — книги, каталоги, альбомы, буклеты, открытки, путеводители. Эти издания содержат подробную информацию об экспозициях и фондах музея, раскрывают самые разные аспекты истории и культуры Санкт-Петербурга. С момента открытия и до октября 2010 года в магазине было продано 9616 музейных изданий.

Отдельное направление деятельности информационно-справочного сектора — научно-консультационная работа. Сотрудники сектора консультируют посетителей музея и различные организации по разнообразным аспектам истории Санкт-Петербурга, Петропавловской крепости. Сюда обращаются музеи и архивы, создатели театральных спектаклей, художественных и документальных фильмов, любители истории, краеведы, а также потомки людей, чьи судьбы так или иначе были связаны с Петропавловской крепостью (например, потомки комендантов крепости или узников тюрьмы Трубецкого бастиона). В 2006 году было предоставлено 180 устных консультаций, в 2009 году их число составило 240. За первое полугодие 2010 года сотрудники сектора дали около 200 консультаций. Количество письменных консультаций — от 20 до 30 в год.

Информационно-справочный сектор является также связующим звеном между посетителями и различными службами и подразделениями музея. Любые пожелания или претензии гостей музея фиксируются в Книге отзывов, которая всегда находится на стойке администраторов. Мониторинг этой книги осуществляется постоянно, и, в случае необходимости, содержание

записей, сделанных посетителями, доводится до руководителей соответствующих подразделений музея для принятия необходимых мер. Кроме того, два раза в год записи из Книги отзывов подвергаются более тщательному анализу. Это способствует повышению уровня обслуживания посетителей и устранению недостатков, которые случаются в работе музея. В 2009 году в книге отзывов была сделана 121 запись: 60 благодарностей, 16 предложений и 42 жалобы и претензии. На сентябрь 2010 года в Книге отзывов посетителями оставлено 134 записи. Из них 86 — благодарности: музею в целом, экскурсоводам, сотрудникам Информационного центра и т. д. В адрес администрации музея посетители высказали 2 пожелания: поместить у каждого надгробия в Петропавловском соборе портрет погребенного и предусмотреть на территории Петропавловской крепости плакаты с призывом к туристам соблюдать чистоту на территории музея. Следует отметить, что администрация музея внимательно относится к таким записям — из высказанных годом ранее предложений два в настоящее время воплощены в жизнь: по просьбе гостей музея пересмотрен срок действия единого билета (теперь это двое суток с момента продажи). Еще одним предложением посетителей музея было издание буклета с изображением панорамы левого берега Невы. Небольшое бесплатное издание «Панорама невских берегов (середина XIX века)» появилось к летнему туристическому сезону 2010 года.

В 2010 году посетители оставили в Книге отзывов 48 претензий и жалоб. Справедливости ради стоит отметить, что 18 из них сделаны в «Ночь музеев» и касаются плохой организации продажи билетов на это мероприятие в городских театральных кассах. Из 30 претензий посетителей, непосредственно имеющих отношение к работе нашего музея, наибольшее количество записей, к сожалению, касается неуважительного отношения к туристам со стороны персонала. Копия каждой подобной записи вручена руководителю упоминаемого в ней подразделения музея с целью выяснения причин инцидента и принятия соответствующих мер.

Улаживание возникающих конфликтов — один из самых сложных аспектов работы информационно-справочного сектора. Приветливость, предупредительность и благожелательное отношение к посетителям — этими качествами должны обладать все

сотрудники музея. Совершенно недопустимо, чтобы туристы сталкивались в музее с проявлениями грубости и неуважения. Извиняться за подобные ситуации, если они все же случаются, приходится сотрудникам сектора, поскольку именно они непосредственно работают с посетителями.

Гости нашего города, находясь на территории Петропавловской крепости, иногда оказываются в непредвиденных ситуациях: теряются, отстают от своих групп и т. п. Большинство из них в этом случае приходят в Информационный центр. Зачастую это иностранцы, не владеющие русским, а иногда и английским языками. Оказавшись в сложной ситуации в незнакомой стране, они испытывают стресс, необходимо, прежде всего, успокоить их, а затем и оказать помощь. Эта работа ведется вместе со службой безопасности музея и сотрудниками поста охраны в Петропавловском соборе, которые информируют администраторов сектора о происшествиях, затруднительных ситуациях, а те, в свою очередь, принимают меры: помогают туристам, отставшим от организованных групп, найти свой автобус, связаться с гидами, туристическими компаниями, отелями и т. д.

К сожалению, в разгар летнего туристического сезона увеличивается количество карманных краж. Их жертвами в подавляющем большинстве оказываются иностранные туристы. Совместно со службой безопасности подготовлены и размещены на территории крепости предупреждающие объявления на русском и английском языках, указаны номера телефонов, по которым можно звонить в экстренных случаях. Туристам, обратившимся в информационно-справочную службу, помогают связаться с банками и телефонными компаниями, чтобы своевременно заблокировать украденные кредитные карты и карты мобильных телефонов, предоставляют адрес отделения милиции, где можно написать заявление о краже. Несмотря на прилагаемые усилия, кражи на территории Петропавловской крепости остаются большой проблемой.

Часто, особенно в летний период, возникает и необходимость оказания медицинской помощи. На территории Петропавловской крепости, к сожалению, нет медицинского пункта, и посетители с вопросами о медицинской помощи обращаются во Входную зону. Сотрудники оказывают посильную первую помощь (для этого

имеется аптечка), а в случае необходимости вызывают машину Скорой медицинской помощи¹.

Опыт работы Входной зоны в Иоанновском равелине показал востребованность этой деятельности и необходимость создания еще одной зоны приема посетителей в Ботном доме, где также находятся кассы музея. Эта идея была воплощена в мае 2008 года, после чего, конечно, сразу возрос объем работы. Если за три летних месяца 2006 года сотрудники сектора обслужили 115 847 посетителей, то за тот же период 2010 года — 305 590 туристов.

Итоги работы информационно-справочного сектора позволяют с уверенностью констатировать, что осуществление музеем проекта создания многофункциональной Входной зоны дало возможность повысить культуру обслуживания посетителей, расширить спектр услуг, предлагаемых гостям музея, полнее удовлетворять их интерес к музейным объектам и экспозициям.

¹ В мае 2010 г. начала свою работу круглосуточная Поисково-спасательная служба МЧС по Петропавловской крепости, в состав которой входит медсестра.

Л. Г. Гребнева

**«Введение во храм»
(из опыта работы со школьниками младших классов
в Сампсониевском соборе по программе
«Музей — школе»)¹**

Из четырех храмов-памятников, входящих в состав Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», Сампсониевский собор был первым, где стали целенаправленно проводиться музейные занятия для детей начальной школы. В течение 2005/2006 учебного года здесь были опробованы четыре занятия, объединенные общим названием «Знакомство с православным храмом». В эксперименте приняли участие четыре детских образовательных учреждения Выборгского района: школа № 108, гимназия № 107, коррекционная школа для детей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата № 584 и детский дом № 8. Опыт общения со школьниками, учителями и воспитателями данных образовательных учреждений оказался плодотворным и достаточным для того, чтобы в 2006 году экскурсоводы и методисты Сампсониевского собора приступили к следующему этапу реализации программы «Музей — школе». На основе цикла, прошедшего апробацию, были подготовлены два занятия, которые стали органичным началом нового музейного цикла «От века к веку», охватывающего все четыре собора музея-памятника «Исаакиевский собор». В следующем учебном году договоры о творческом

¹ Статья написана на основе текста доклада, прозвучавшего на научно-практической конференции «Музейная педагогика в современной музейной коммуникации», проходившей в Государственном музее истории Санкт-Петербурга 12–14 ноября 2008 года, но не вошла в сборник статей, подготовленных по материалам конференции (Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 19. Музейная педагогика в современной музейной коммуникации. СПб., 2008). Организаторы конференции — Центр музейной педагогики ГМИ СПб — приносят извинения автору и рады возможности опубликовать статью в настоящем сборнике.

сотрудничестве были заключены уже с восьмью детскими образовательными учреждениями разных районов города.

Интерес к музейным занятиям, проявленный со стороны школ — участниц проекта, и, конечно, опыт, приобретенный обеими сторонами в ходе трехлетнего творческого сотрудничества, не только помогли усовершенствовать первые, пробные циклы занятий, но и привели к созданию дополнительных курсов для школьников. При методическом отделе музея-памятника «Исаакиевский собор» в июне 2007 года был организован сектор по работе со школами, сотрудники которого проводят занятия по всем музейным циклам. На сегодняшний день существуют пять циклов, которые позволяют школьникам в течение учебного года познакомиться как с одним собором (Сампсониевским или Исаакиевским), так и со всеми четырьмя храмами-памятниками. Занятия составлены и сформированы в циклы так, чтобы удовлетворять запросы и соответствовать возможностям детей разных возрастных групп. Одним из факторов, влияющих на выбор классом той или иной программы, предоставляемой музеем-памятником «Исаакиевский собор», является удаленность школы от центра города, что делает занятия по циклу «От века к веку» более доступными для классов среднего и старшего школьного возраста; в этом случае удаленность школ от центра города не играет существенной роли. Занятия циклов «Знакомство с православным храмом» и «Иконы праздничного ряда иконостаса» проводятся только в Сампсониевском соборе, с самого начала они были ориентированы на детей младших классов и по понятным причинам особенно привлекательны для школ, находящихся в непосредственной близости к собору.

Цикл «Знакомство с православным храмом», пожалуй, единственный, который за три года проекта не претерпел изменений. На практике подтвердился и удачный выбор тем к четырем занятиям цикла, и их последовательность. Положительные отзывы учителей получило и доступное для детского понимания изложение материала, которое продемонстрировала во время проведения пробных занятий экскурсовод и один из основных авторов данного курса Е. В. Веденеева.

Задачей первого цикла занятий в Сампсониевском соборе («Знакомство с православным храмом») было ознакомление детей на примере данного собора с традициями русского

православного храма, его устройством и символикой. Важно было рассказать маленьким жителям Петербурга об истории возникновения на Выборгской стороне, в районе, где они живут, знаменитого храма-памятника и о том, как менялась в течение трех столетий его роль в жизни города. Заложенный в честь победы русских войск под Полтавой, Сампсониевский храм несколько десятилетий был единственной действующей церковью на первом общегородском кладбище. Оставаясь приходской церковью до закрытия в 1938 году, он пережил и годы забвения, и счастливые моменты возрождения, когда петербуржцы вновь с благодарностью и уважением обращались к истории этого старейшего и красивейшего собора города.

Сотрудники музея прекрасно понимали, что раскрыть эти темы для детей, а тем более дать им представление о ценности сохранившихся в соборе подлинных икон и иконостасов возможно только в контексте разговора о русской православной культуре вообще и о церковной культуре в частности. И вот здесь начинались трудности. Как правильно вести разговор, в котором в определенной мере будут затронуты темы, касающиеся основ православия, церковных канонов, христианских догматов, чтобы не вызвать у маленьких экскурсантов отторжения и неприятия? Нельзя не упомянуть и о том, что со стороны учителей и родителей (некоторые родители регулярно посещали занятия вместе с детьми) узкая специфика музея-храма, причем храма действующего, поначалу явно вызывала настороженность и опасения. Музейным сотрудникам предстояло преодолеть эти опасения, найти верную интонацию в общении с детьми.

Авторы цикла «Знакомство с православным храмом» исходили из того, что перед ними стоит задача не приобщать к православной культуре, а давать представление о ней, поэтому и было принято решение давать информацию о православной культуре как исторически традиционной для России. Одной из установок, общей для всех циклов музея-памятника «Исаакиевский собор», стала корректная подача материала, которая учитывала возможную многонациональность и многоконфессиональность детской аудитории и исходила из принципа уважения ко всем вероисповеданиям. С первого занятия в Сампсониевском соборе обращение к истории Петербурга как города всех религий, в котором с самого начала Петром I была декларирована свобода всех

вероисповеданий, стало своеобразным введением в тему, основой дальнейшего разговора.

Одно из желательных условий, необходимых для успешного проведения занятий, авторы видели в том, что все занятия цикла должен проводить один экскурсовод. Чтобы дети быстрее привыкли к нему, ввели систему бейджиков с именами детей, что позволило музейному сотруднику обращаться к каждому ребенку по имени. В этом случае возможно установление более тесного контакта с каждым ребенком.

Учитывая специфику цикла «Знакомство с православным храмом» (ориентированного на школьников младших классов), авторы выбирали материал для каждого занятия таким образом, чтобы дети могли его освоить. Удалось найти форму проведения занятий, которая позволила чередовать экскурсионные приемы показа с уже привычными для ребят формами работы в классе. Сампсониевский собор обладает двумя очень важными преимуществами по сравнению с другими храмами-музеями, что делает условия проведения в нем детских занятий практически идеальными: камерные размеры собора создают комфортную обстановку, помогают детям раскрепоститься, а возможность усадить их — разнообразит занятия, дисциплинирует группу, к тому же маленькие экскурсанты не так быстро утомляются и меньше отвлекаются в ходе экскурсии.

Поддерживает интерес детей и использование на занятиях дополнительного иллюстративного материала. Подобранные музейными сотрудниками иллюстрации помогают рассказать о церковных таинствах, символике церковной архитектуры, храмах-памятниках Петербурга, об известных в истории России случаях, когда здание церкви и монастыря использовалось в качестве крепости, хранилища, маяка. Результатом работы творческой группы музейных сотрудников было создание комплекта дидактических материалов, в который вошел и «портфель экскурсовода» — набор иллюстраций, в среднем по восемь картинок на каждое занятие. Дальнейший опыт показал, что иллюстративный материал удобен и положительно воспринимается детьми любого школьного возраста, его допустимо использовать на обзорных детских экскурсиях.

Дети, которые приходят сегодня на музейные занятия, знают о церкви, многие бывали с родителями в действующих

храмах. Задача методиста сектора по работе со школами — учесть личный опыт ребенка и обнаружить связь между этим опытом и культурными и историческими реалиями, о которых идет речь на занятиях. Так, например, на первой встрече со школьниками в Сампсониевском соборе достаточно подробно освещается тема Полтавской битвы (хотя по школьной программе ее проходят в седьмом классе), так как учитывается знание детьми начальной школы истории Петербурга, особенно того ее периода, который связан с деятельностью основателя города Петра Великого.

Продолжением знакомства с Сампсониевским собором служит экскурсия по церковному зданию, которая по замыслу авторов цикла должна стать для детей своеобразным и увлекательным исследованием. Маленькие экскурсанты становятся активными участниками путешествия по собору. Направляя их внимание, методист, с одной стороны, предоставляет детям возможность понять, как устроен русский православный храм, с другой стороны, помогает увидеть неповторимость, индивидуальность Сампсониевского собора. Завершается занятие на улице прогулкой вокруг храма, во время которой происходит закрепление материала. В диалоге со школьниками экскурсовод повторяет названия и назначение основных частей церковного здания и поясняет, в чем проявляется особенность архитектуры Сампсониевского собора.

Следующие два занятия цикла «Знакомство с православным храмом» посвящены русскому иконостасу и русской иконе. На занятии, посвященном иконостасу, сначала сравнивают малые иконостасы приделов, освященных во имя Святого Архистратига Михаила и Святого Иоанна Богослова. Далее используется интерактивный прием непосредственного тактильного контакта школьников с демонстрируемыми предметами, когда для раскрытия профессиональных приемов резчиков, позолотчиков детям показывают настоящие инструменты и фрагмент резьбы со следами проведенной реставрации на различных ее этапах. Этот прием оказался чрезвычайно ценной методологической находкой работников сектора. Возможность потрогать, поддержать в руках предмет помогает ребенку испытать чувство сопричастности, довериться происходящему. В то же время этот прием позволяет ребятам отдохнуть, переключиться на другой род деятельности, просто подвигаться.

Перед методистом сектора по работе со школами, ведущим занятие с детьми, как и перед школьным учителем, встает задача закрепления материала. В начале каждого последующего занятия кратко, в виде вопросов, повторяется материал предыдущего. Такой прием помогает детям сконцентрироваться, быстро войти в тему и проявить активность. Кроме того, дети писали сочинения и выражали свои впечатления в рисунках, посвященных Сампсониевскому собору. Для маленьких экскурсантов музейными сотрудниками были придуманы задания в виде кроссвордов, в разгадывании которых предполагалось участие родителей.

По итогам проведения занятий первого цикла стало ясно, что школы, участвующие в эксперименте, заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве с музеем. Перед методистами встала задача не менее сложная, чем в начале пути, когда задумывался первый цикл занятий. Предметом дальнейших встреч могло стать только углубленное изучение каких-то отдельных тем. И первой такой темой стали православные праздники, а новый цикл занятий получил название: «Иконы праздничного ряда иконостаса».

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быкова Надежда Ивановна

Ведущий методист экскурсионно-методического отдела
ГМИ СПб

Виноградова Анастасия Леонидовна

Ведущий научный сотрудник отдела «Центр музейной
педагогики» ГМИ СПб

Гребнева Людмила Геннадьевна

Методист сектора по работе со школами Государственного
музея-памятника «Исаакиевский собор»

Евланова Алла Олеговна

Ведущий научный сотрудник информационно-справочного
сектора ГМИ СПб

Егорова Ольга Николаевна

Научный сотрудник отдела хранения изобразительных
памятников ГМИ СПб

Игнатьева Галина Петровна

Заведующая сектором филиала «Шлиссельбургская
крепость Орешек» ГМИ СПб

Кан Григорий Семенович

Старший преподаватель кафедры истории, социологии
и права Московской государственной академии тонкой
химической технологии им. М. В. Ломоносова

Карпенко Ирина Александровна

Ученый секретарь ГМИ СПб, кандидат исторических наук

Кирикова Людмила Александровна

Ведущий научный сотрудник отдела проектирования
выставок и экспозиций ГМИ СПб

Климова Вера Олеговна

Филолог, переводчик, внучатая племянница Н. С. Климовой

Княжицкая Татьяна Владимировна

Кандидат искусствоведения

Кононенко Елена Алексеевна

Ведущий научный сотрудник отдела проектирования
выставок и экспозиций ГМИ СПб

Кроленко Сергей Александрович

Доктор биологических наук, сотрудник Института
цитологии РАН, коллекционер, сын А. А. Кроленко

Макогонова Мария Леонидовна

Заведующая отделом проектирования выставок
и экспозиций ГМИ СПб

Мясникова Людмила Георгиевна

Заведующая отделом хранения фотоматериалов ГМИ СПб

Осипов Дмитрий Владимирович

Доктор биологических наук, профессор, директор
Биологического научно-исследовательского института
Биолого-почвенного факультета СПбГУ

Славнитский Николай Равильевич

Старший научный сотрудник отдела проектирования
выставок и экспозиций ГМИ СПб, кандидат исторических наук

Сыров Владимир Михайлович

Старший научный сотрудник отдела хранения
вещественных памятников ГМИ СПб

Шатунова Татьяна Георгиевна

Ведущий научный сотрудник отдела хранения
вещественных памятников ГМИ СПб

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВК	Аварийно-восстановительная команда
АОЗТ	Акционерное общество закрытого типа
ВЦИК	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГИМ	Государственный исторический музей
ГИОП	Государственная инспекция по охране памятников
ГМЗ	Государственный музей-заповедник
ГМИЛ	Государственный музей истории Ленинграда
ГМИ СПб	Государственный музей истории Санкт-Петербурга
Горжилсоюз	см. Жилсоюз
Госактеатры	Ленинградские государственные академические театры
Госторг	Государственная импортно-экспортная торговая контора
ГРМ	Государственный Русский музей
Губздрав	Губернский отдел здравоохранения
ГЭ	Государственный Эрмитаж

Жилсоюз	Ленинградский союз жилищных кооперативных товариществ
КГИОП	Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга
КЭЧ	Квартирно-эксплуатационная часть
ЛВО	Ленинградский военный округ
ЛВХТИ	Ленинградский высший художественно-технический институт
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
Ленгорисполком	Исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся
Леноблисполком	Исполнительный комитет Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся
Ленпроект	Институт по проектированию жилищно-гражданского строительства в Ленинграде
Ленсовет	Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся
ЛИГИ	Ленинградский институт гражданских инженеров
ЛИКС	Ленинградский институт коммунального строительства
ЛОА	Ленинградское общество архитекторов
ЛО ВОПРА	Ленинградское отделение Всероссийского общества пролетарских архитекторов

ЛФ ЦМЛ	Ленинградский филиал Центрального музея В. И. Ленина
МПВО	Местная противовоздушная оборона
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
ОАХ	Общество архитекторов-художников
Облжилотдел	Отдел жилищного хозяйства Исполкома Ленинградского областного совета
Облздрав	Отдел здравоохранения Исполкома Ленинградского областного совета
Облкомсомол	Областной комитет комсомола
Облоно	Отдел народного образования Исполкома Ленинградского областного совета
Облплан	Плановая комиссия Исполкома Ленинградского областного совета
Облпрофсовет	Областной совет профессиональных союзов
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РАН	Российская академия наук
РГАКФД	Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив

РГИА	Российский государственный исторический архив
РККА	Рабоче-Крестьянская Красная армия
РНБ	Российская национальная библиотека
СНК	Совет народных комиссаров
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
УЖСЛ	Управление жилищного строительства Ленсовета
ФГГМ	фонд живописи и графики городов мира ГМИ СПб
ЦГА СПб	Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАИПД СПб	Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГАЛИ СПб	Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГАНТД СПб	Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга
ЦК ВКП (б)	Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии большевиков
ЦК КПСС	Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦМЛ	Центральный музей В. И. Ленина

**УКАЗАТЕЛЬ РАБОТ,
напечатанных в сборниках
«Труды Государственного музея истории
Санкт-Петербурга» (выпуски 14–20, 2007–2010)**

Сборники научных статей «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга» издаются с 1996 года¹. С 2007 по 2010 год вышло в свет 7 выпусков:

Вып. 14. Музей-квартира А. А. Блока: Материалы конференций по краеведению «Коломенские чтения» (2002–2006). СПб., 2007. – 252 с. ISBN 978-5-902671-51-0

Вып. 15. Крепости-тюрьмы Северо-Запада России и Южной Финляндии. История и современность. Материалы научной конференции. СПб., 2007. – 208 с. ISBN 978-5-902671-55-8

Вып. 16. Исследования и материалы. СПб., 2007. – 176 с. ISBN 978-5-902671-60-2

Вып. 17. Музей Старого Петербурга. 1907–1919. Документы из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2008. – 296 с. ISBN 978-5-902671-63-3.²

Вып. 18. Люди и коллекции. 100 лет Государственному музею истории Санкт-Петербурга. Материалы научной конференции. СПб., 2008. – 148 с. ISBN 978-5-902671-73-2

Вып. 19. Музейная педагогика в современной музейной коммуникации. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2008. – 148 с. ISBN 978-5-902671-76-3

Вып. 20. Исследования и материалы. СПб., 2010. – 218 с. ISBN 978-5-902671-84-8

¹ Указатель работ, напечатанных в сборниках «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга» (выпуски 1–13, 1996–2006), опубликован в издании: Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 13. Исследования и материалы. СПб., 2006. С. 175–184.

² (Хронологический перечень документов, опубликованных в этом выпуске, помещен в отдельный указатель «Архивные документы».)

В публикуемом указателе содержания выпусков 14–20 первая цифра обозначает номер выпуска, вторая — страницу.

<i>Авдеев В. Г.</i> Первый директор Музея Города Л. А. Ильин.....	18, 68
<i>Алексеева И. Б.</i> Театрализация на академической экспозиции	19, 115
<i>Антонова Н. В.</i> Из истории дома 18 по Английскому проспекту	14, 79
<i>Артеменко О. Т.</i> Удовольствия во вкусе «осмнадцатого века».....	19, 132
Архитектор Иосиф Григорьевич Лангбард (1882–1951).	
Графика и документы из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Каталог. <i>Составители В. Г. Авдеев, Л. А. Кирикова</i>	16, 54
<i>Баранова Н. П., Иоффе Д. Б.</i> Возможности интеграции взрослой и детской экспозиции на примере проекта «Пионер значит первый»	19, 58
<i>Благовещенская Е. А., Васильева Л. А., Никонова Н. И., Пантюлина Н. А., Чубарова О. В.</i> Борьба за посетителя: музей начинает и выигрывает. Увеличение музейной аудитории с помощью создания интерактивных экспозиций.....	19, 63
<i>Блохинова О. М.</i> Социологическое исследование одиночных посетителей экспозиций Государственного музея истории Санкт-Петербурга в Петропавловской крепости	16, 32
<i>Блохинова О. М.</i> Личность музейного педагога и его видение проблем современного музея.....	19, 136
<i>Бочаров А. А.</i> Из истории Кронштадтской военно-морской следственной тюрьмы (северо-восточная оборонительная башня Кронштадтской крепости)	15, 5
<i>Буров В. А.</i> К вопросу о музеефикации Головлениковой тюрьмы XVI–XVIII веков Соловецкого монастыря.....	15, 9
<i>Быкова Н. И.</i> Современный музейный опыт экскурсионно-методической деятельности отдела «Петропавловская крепость»	20, 172
<i>Вершевская М. В.</i> Иконография мест заключения в Петропавловской крепости в первой трети XIX века.....	15, 16
<i>Виляева Е. К.</i> Музейные предметы из фондов Государственного музея истории Санкт-Петербурга в собрании Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор»	18, 129
<i>Виноградова А. Л.</i> Социологическое исследование одиночных посетителей Государственного музея истории Санкт-Петербурга в Петропавловской крепости	20, 177

<i>Волкова Е. В.</i> Анализ действенности рекламы Государственного музея истории Санкт-Петербурга в 2007 году	16, 25
<i>Воронкова Е. В.</i> Изборская крепость XIV века и вооружение ее защитников как элемент музейного показа	15, 29
<i>Галанина Ю. Е.</i> Коломенские сюжеты.....	14, 10
<i>Генералов М. Е., Мохова Н. А., Чистякова М. Б.</i> Экспонаты из Музея Города в коллекции Минералогического музея им. А. Е. Ферсмана РАН	18, 111
<i>Гильмутдинова Г. М.</i> Интерактивность как метод реконструкции музейной среды.....	19, 47
<i>Гостев И. М.</i> Архангельская Новодвинская крепость.....	15, 33
<i>Гребнева Л. Г.</i> «Введение во храм» (из опыта работы со школьниками младших классов в Сампсониевском соборе по программе «Музей — школе»).....	20, 194
<i>Грекова В. К.</i> Незабываемые адреса и люди Коломны	14, 229
<i>Дмитриев А. П.</i> Как один московский коломенец заблудился в петербургской Коломне (случай с Н. П. Гиляровым-Платоновым)..	14, 142
<i>Дьякова Ю. Р.</i> Польские узники в Шлиссельбургской крепости.....	15, 60
<i>Евланова А. О.</i> Опыт работы с посетителями во Входной зоне Государственного музея истории Санкт-Петербурга.....	20, 185
<i>Егорова О. Н.</i> Собрание герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого и графини Н. Ф. Карловой в фонде живописи и графики городов мира Государственного музея истории Санкт-Петербурга	20, 22
<i>Ендольцев Ю. А.</i> Философ Л. П. Карсавин в Коломне	14, 134
<i>Зенько С. В., Субарева О. А.</i> «Жили-были...». Роль сказочного сюжета в построении музейного занятия для детей.....	19, 96
<i>Золотинкина И. А.</i> К публикации воспоминаний П. П. Вейнера о журнале «Старые годы»	18, 37
<i>Зубкова Т. Н., Никонова Н. И., Чубарова О. В.</i> Детские праздники в музее — проблема организации массовых мероприятий.....	19, 121
<i>Игнатьева Г. П.</i> Деятельность Подвижного музея наглядных учебных пособий в Петербурге и участие в ней узников Шлиссельбургской крепости	20, 103
<i>Игнатьева Г. П.</i> История создания и развития музея в Шлиссельбургской крепости Орешек.....	15, 76

<i>Игнатьева Г. П.</i> Шлиссельбургская крепость Орешек — филиал Государственного музея истории Ленинграда-Петербурга. 1965–2008.....	18, 132
<i>Карпенко И. А.</i> Петропавловская крепость в 1941–1945 годах.....	20, 146
<i>Кирикова Л. А.</i> К истории проведения архитектурных конкурсов в Петрограде в первые послереволюционные годы	20, 61
<i>Климова В. О., Кан Г. С.</i> Максималистка Н. С. Климова — узница Трубецкого бастиона Петропавловской крепости	20, 114
<i>Климова Н. С.</i> Воспоминания о Петропавловской крепости. Публикация <i>В. О. Климовой, Г. С. Кана</i>	20, 140
<i>Княжицкая Т. В.</i> Владимир Дмитриевич Сверчков. Новые материалы к иконографии художника.....	16, 47
<i>Княжицкая Т. В.</i> Литографии по рисункам В. Д. Сверčkова в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Из истории раннего творчества мастера.....	20, 12
<i>Ковалькова Т. И.</i> О проекте «Диалог культур на “Улице Времени”» ..	19, 42
<i>Кондрашкина Т. Н.</i> «Отдалить без наказания...» (О пребывании семьи Е. И. Пугачева в Кексгольмской крепости) ...	15, 84
<i>Кононенко Е. А. В. Н.</i> Аргутинский-Долгоруков и Музей Старого Петербурга.....	18, 19
<i>Кононенко Е. А.</i> Коллекция фотографий Музея Старого Петербурга в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга.....	18, 29
<i>Кононенко Е. А., Сыров В. М.</i> К истории автомобиля «Роллс-Ройс» из коллекции Государственного музея истории Санкт-Петербурга.....	20, 42
<i>Красуцкая Н. Г.</i> «Что глаз не увидит, дополнит воображение...». Музейные занятия для старшеклассников и студентов в пространстве усадьбы XIX столетия	19, 83
<i>Кроленко С. Г., Мясникова Л. Г.</i> Коллекция стереоскопических фотографий А. А. Кроленко	20, 91
<i>Кудрявцев В. Г.</i> Моя Коломна	14, 234
<i>Лебедева И. О.</i> Электронный образовательный проект «Исторический музей — урок истории России».....	19, 77
<i>Левандовский С. Н.</i> Знаток Старого Петербурга И. И. Ваулин	18, 124
<i>Лелина В. И.</i> Адмиралтейские верфи и Коломна	14, 66
<i>Лихая М. П.</i> Иван Антонович в Кексгольме	15, 91

<i>Лопатин А. А.</i> Зрелищно-развлекательная жизнь Коломны и Александр Блок.....	14, 103
<i>Лучкин А. В.</i> Музей Старого Петербурга в воспоминаниях и переписке художников объединения «Мир искусства»	18, 52
<i>Любвин Р. М.</i> Музей Санкт-Петербургской полиции.....	14, 192
<i>Макогонова М. Л.</i> Архитектурные конкурсы 1920 – начала 1930-х годов как источник формирования коллекции советской архитектурной графики Музея Города.....	20, 73
<i>Малашевская Л. А.</i> Константин Дмитриевич Свищевский — художник гвардии.....	18, 118
<i>Мастеница Е. Н.</i> Музей как центр культурной коммуникации	19, 9
<i>Мацкевич М. В.</i> Междисциплинарные музейные образовательные программы. Перспективы сотрудничества разнопрофильных музеев ..	19, 34
<i>Медведева Н. Е.</i> Традиционные формы работы с детьми дошкольного и младшего школьного возраста в современном музее. Музейный абонемент.....	19, 90
<i>Метелкина А. Г.</i> Коллекция печатной графики Музея Города в собрании Государственного Русского музея (из истории обмена экспонатами в 1930-е годы).....	18, 98
<i>Михеечева Е. Н.</i> Живые экспозиции как средство расширения музейной аудитории	19, 51
<i>Молкина О. А.</i> Судьбы учениц Ивановского девичьего училища и Коломенской женской гимназии.....	14, 174
<i>Никифорова Л. Б.</i> Профессора Петербургской консерватории С. П. Коргуев, Э. Э. Крюгер, М. Н. Гамовецкая — жители Коломны.....	14, 162
<i>Новоселова З. А.</i> Участники восстания 14 декабря 1825 года — узники финляндских крепостей.....	15, 96
<i>Орфинская Л. В.</i> Краткая тюремная история крепостей Южной Финляндии XIX века.....	15, 110
<i>Осинов Д. В.</i> История создания копии скульптуры «Венера, снимающая сандалию» работы И. П. Витали для филиала ГМИ СПб «Особняк Румянцева».....	20, 37
<i>Переладов К. Г.</i> Финансирование столичных крепостных тюрем в системе политического сыска конца XVIII века	15, 121
<i>Петрова Н. Е.</i> Неизвестные захоронения на территории Заячьего острова.....	15, 128

<i>Пивоварова Н. В.</i> Памятники церковной старины в Музее Города: о составе и историко-художественном значении собрания	18, 86
<i>Попов Г. А.</i> Ивангородская крепость как место заключения.....	15, 136
<i>Попова Т. И.</i> Музей как центр диалогического соучастия	19, 99
<i>Пугачева А. А.</i> Воскресные встречи в музее для родителей с детьми: традиции и инновации	19, 107
Русские самовары в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Каталог. <i>Составитель Л. Н. Бакеркина</i>	16, 142
<i>Сажин В. Н.</i> Бывали дни веселые... Незапланированные каникулы студентов в Петропавловской крепости осенью 1861 года	15, 160
<i>Селиванов В. В.</i> Музей как культурно-историческое явление: ожидание и реальность	19, 29
Семья Флиттнеров в Коломне (фрагменты воспоминаний Н. Д. Флиттнер). Публикация <i>А. Т. Шахтахтинской</i>	14, 197
<i>Славнитский Н. Р.</i> История создания городского музея в Санкт-Петербурге в начале XX века.....	18, 7
<i>Славнитский Н. Р.</i> Музей Старого Петербурга в составе Музея Города ..	18, 57
<i>Славнитский Н. Р.</i> Петропавловская крепость в составе Государственного музея истории Ленинграда (1950–1960-е годы).....	20, 156
<i>Славнитский Н. Р.</i> Тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в 1918–1940 годы	15, 167
<i>Случаева Т. П.</i> Молодожены — новая целевая аудитория музея	19, 93
<i>Смирнов И. А.</i> Кирилло-Белозерский монастырь — крепость, место политической ссылки, тюрьма	15, 180
<i>Сомова-Михайлова А. Е.</i> Дом Сомовых на Екатерингофском проспекте, 97.....	14, 157
<i>Сухарева Е. А.</i> Литовский замок в очерках Н. С. Лескова	14, 52
<i>Тверье Т. В.</i> Из истории собрания князя Е. Л. Кочубея, последнего владельца особняка на Английской набережной, 44.....	16, 5
<i>Тихонова Н. С. И. И.</i> Манухин — врач Чрезвычайной следственной комиссии в Трубецком бастионе Петропавловской крепости	15, 191
<i>Фетисенко О. Л.</i> Из области таинственных совпадений (забытый обитатель дома 57 по Офицерской)	14, 100
<i>Фокин М. М.</i> Как укоротили Мясную улицу	14, 76
<i>Фокин М. М.</i> К истории здания Коломенской женской гимназии ...	14, 186

<i>Хугаева М. Г.</i> Культурно-образовательная деятельность музея: проблемы формы и содержания	19, 16
<i>Цендровская Н. К.</i> Коломенский сюжет в собрании Н. П. Ильина...	14, 122
<i>Чистов К. Ф.</i> Из истории дома Голидея в Коломне	14, 92
<i>Шапошникова М. В.</i> Музейные коллекции как основа взаимодействия музея и школы в рамках преподавания регионального компонента.....	19, 73
<i>Шатунова Т. Г.</i> К истории одного маскарадного костюма	20, 5
<i>Щебуляева О. М.</i> Работа с детьми в Государственном музее-заповеднике «Петергоф»	19, 102

Архивные документы

Протокол собрания Общества архитекторов-художников 8 марта 1907 г.	17, 15
Протокол заседания Комиссии по собиранию материалов по истории русской архитектуры XVIII и начала XIX веков 22 марта 1907 г.	17, 25
Приглашение на заседание Комиссии по собиранию материалов русской архитектуры XVIII и начала XIX веков 5 апреля 1907 г.	17, 28
Протокол заседания Комиссии по собиранию материалов русской архитектуры XVIII и начала XIX веков 5 апреля 1907 г.	17, 30
Список членов Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга.....	17, 34
Приглашение на заседание Комиссии Общества архитекторов-художников по собиранию материалов русской архитектуры XVIII и XIX веков 18 апреля 1907 г.	17, 40
Протокол заседания Комиссии Общества архитекторов-художников по собиранию материалов русской архитектуры XVIII и XIX веков 18 апреля 1907 г.	17, 42
Список на фотографирование памятников архитектуры Петербурга..	17, 45
<i>Курбатов В. Я.</i> Письмо И. А. Фомину. 9 мая 1907 г.	17, 53
Приглашение и протокол собрания секретариата Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга 1 июня 1907 г.	17, 55
<i>Гауш А. Ф.</i> Письмо И. А. Фомину. 13 июня 1907 г.	17, 57
Протокол заседания Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга 27 июня 1907 г.	17, 60

<i>Гауш А. Ф.</i> Письмо И. А. Фомину. 9 июля 1907 г.	17, 63
Приглашение и протокол собрания секретариата Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга 17 июля 1907 г.	17, 65
Приглашение на заседание Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга 19 октября 1907 г.	17, 67
Протокол заседания Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга 19 октября 1907 г.	17, 69
Заключение Комиссии Общества архитекторов-художников, избранной по вопросу о застройке площади перед Инженерным замком. 30 октября 1907 г.	17, 75
Протокол заседания Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга (подкомиссии по окраске Университета) 15 ноября 1907 г.	17, 78
Приглашение на заседание Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга 12 декабря 1907 г.	17, 81
Протокол заседания Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга 12 декабря 1907 г.	17, 83
Протокол заседания Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга 30 января 1908 г.	17, 86
Протокол заседания Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга 6 февраля 1908 г.	17, 90
Приглашение на заседание Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга 19 марта 1908 г.	17, 94
Положение о Музее Старого Петербурга. 1909 г.	17, 96
Список совета и дирекции Музея Старого Петербурга	17, 102
Обращение Музея Старого Петербурга к архитекторам и подрядчикам строительных работ.....	17, 113
Стенографический отчет заседания Комиссии по изучению и описанию Старого Петербурга 9 апреля 1908 г.	17, 115
Письмо от имени великой княгини Марии Павловны. Черновой вариант. 1914 (?).....	17, 160
<i>Гауш А. Ф.</i> Отчет хранителя Музея Старого Петербурга за 1909 г.	17, 165
<i>Гауш А. Ф.</i> Отчет хранителя Музея Старого Петербурга за 1910 г.	17, 175
<i>Гауш А. Ф.</i> Отчет хранителя Музея Старого Петербурга за 1911 г.	17, 179
<i>Гауш А. Ф.</i> Отчет хранителя Музея Старого Петербурга за 1912 г.	17, 188

<i>Гауш А. Ф.</i> Отчет хранителя Музея Старого Петербурга за 1913 г.	17, 194
<i>Гауш А. Ф.</i> По поводу отчета хранителя Музея Старого Петербурга за 1914 г.	17, 198
<i>Гауш А. Ф.</i> Письмо П. П. Вейнеру. 9 марта 1917 г.	17, 204
<i>Нифонтов Г. И.</i> Письмо А. Ф. Гаушу. 1918 г.	17, 207
<i>Вейнер П. П.</i> Служебная записка о деятельности Музея Старого Петербурга. Черновой вариант. 1919 г.	17, 208
<i>Вейнер П. П.</i> Речь памяти П. Ю. Сюзора. Июнь 1919 г.	17, 213
<i>Гауш А. Ф.</i> О Старом Петербурге. Рукопись лекции	17, 217
<i>Приложение 1.</i> Проект Музея Старого Петербурга (Петербургская газета. 1907. 26 октября. С. 3.).....	17, 245
<i>Приложение 2.</i> Музей Старого Петербурга на страницах журналов «Аполлон» и «Старые годы». Фрагменты публикаций	17, 247
<i>Приложение 3.</i> <i>Бенуа А. Н.</i> Музей Старого Петербурга (Речь. 1909. № 283. 15 (28) октября).....	17, 267

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	3
---------------------	---

КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ

<i>Т. Г. Шатунова.</i> К истории одного маскарадного костюма	5
--	---

<i>Т. В. Княжицкая.</i> Литографии по рисункам В. Д. Сверчкова в собрании Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Из истории раннего творчества мастера.....	12
---	----

<i>О. Н. Егорова.</i> Собрание герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого и графини Н. Ф. Карловой в фонде живописи и графики городов мира Государственного музея истории Санкт-Петербурга.....	22
--	----

<i>Д. В. Осипов.</i> История создания копии скульптуры «Венера, снимающая сандалию» работы И. П. Витали для филиала ГМИ СПб «Особняк Румянцева».....	37
--	----

<i>Е. А. Кононенко, В. М. Сыров.</i> К истории автомобиля «Роллс-Ройс» из коллекции Государственного музея истории Санкт-Петербурга.....	42
--	----

<i>Л. А. Кирикова.</i> К истории проведения архитектурных конкурсов в Петрограде в первые послереволюционные годы.....	61
--	----

<i>М. Л. Макогонова.</i> Архитектурные конкурсы 1920-х – начала 1930-х годов как источник формирования коллекции советской архитектурной графики Музея Города	73
---	----

<i>С. А. Кроленко, Л. Г. Мясникова.</i> Коллекция стереоскопических фотографий А. А. Кроленко	91
--	----

ИСТОРИЯ МУЗЕЯ

<i>Г. П. Игнатьева.</i> Деятельность Подвижного музея наглядных учебных пособий в Петербурге и участие в ней узников Шлиссельбургской крепости.....	103
<i>В. О. Климова, Г. С. Кан.</i> Максималистка Н. С. Климова — узница Трубецкого бастиона Петропавловской крепости	114
<i>Н. С. Климова.</i> Воспоминания о Петропавловской крепости Публикация <i>В. О. Климовой, Г. С. Кана</i>	140
<i>И. А. Карпенко.</i> Петропавловская крепость в 1941–1945 годах	146
<i>Н. Р. Славнитский.</i> Петропавловская крепость в составе Государственного музея истории Ленинграда (1950–1960-е годы)	156

МУЗЕЙ И ПОСЕТИТЕЛЬ

<i>Н. И. Быкова.</i> Современный музейный опыт экскурсионно-методической деятельности отдела «Петропавловская крепость».....	172
<i>А. Л. Виноградова.</i> Социологическое исследование одиноких посетителей Государственного музея истории Санкт-Петербурга в Петропавловской крепости	177
<i>А. О. Евланова.</i> Опыт работы с посетителями во Входной зоне Государственного музея истории Санкт-Петербурга	185
<i>Л. Г. Гребнева.</i> «Введение во храм» (из опыта работы со школьниками младших классов в Сампсониевском соборе по программе «Музей — школе»).....	194

Краткие сведения об авторах.....	200
Список сокращений	202
Указатель работ, напечатанных в сборниках «Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга» (выпуски 14–20, 2007–2010)	206

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Выпуск 20

Исследования и материалы

Учредитель альманаха

«Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга» —
Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Редакторы: И. В. Антипов, Н. А. Живолуп

Технический редактор: О. В. Волкова

Оригинал-макет: Л. В. Соколова

Корректоры: О. Е. Юдина, В. Ю. Орлова

Издательский отдел ГМИ СПб

Тел.: (812) 498-06-52

Подписано к печати 22.10.10. Формат 60 x 84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Petersburg»
Объем 16 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Турусел»,
191186, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 38. Лицензия ПД № 2-69-571
Заказ № 13314

